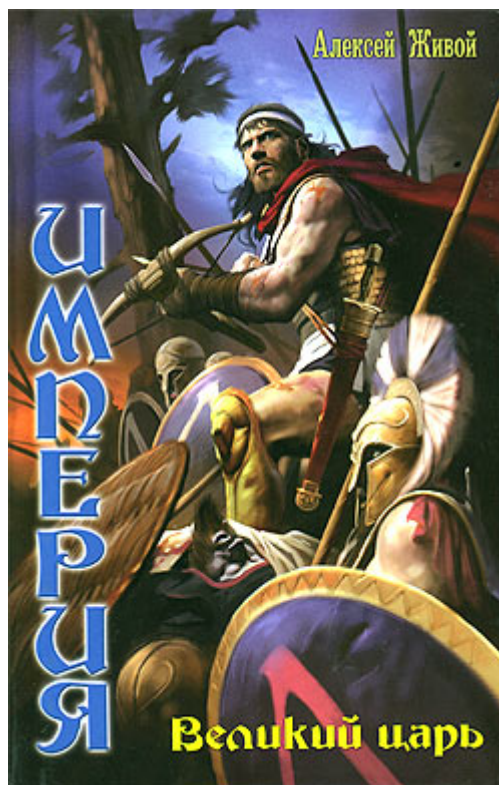

Алексей Живой Империя: Великий царь

Империя – 2

Авторский текст <http://www.litres.ru/>

«Империя: Великий царь»: Ленинградское издательство; СПб.: 2008
ISBN 978-5-9942-0190-9

Аннотация

Тысячи воинов со всех концов своей необъятной империи собрал персидский царь Ксеркс и бросил их на покорение Греции. Однако у фермопильского ущелья его победоносное шествие остановили спартанцы. Горстка смелых воинов во главе с царем Леонидом, не испугавшихся несметных полчищ и не пожелавших сдаться на милость богоподобного властителя Персии.

Много дней идет жестокий бой и все спартанцы готовы умереть за свою родину, не сделав и шагу назад. Но, среди них есть один воин, – Гисандр, – а вернее Тарас Черный, боец спецназа «Тайфун», пару лет назад перенесшийся в эту эпоху. Только он один знает, что у Фермопил можно не просто умереть героем, прославив свое имя в веках. Только он один знает, что многотысячную армию персов можно победить. И только он один знает, как это сделать.

Алексей Живой Империя: Великий царь

Часть первая

Бог из машины¹

Глава первая Мидяне

– Спартанцы! – выкрикнул бородатый всадник в чешуйчатом панцире, на боках которого играли солнечные блики, приблизившись к фаланге гоплитов. – Богоподобный царь персидской империи милостиво подарил вам четыре дня жизни, для того чтобы одуматься и сложить оружие. Но это время прошло. Каков будет ваш ответ?

Леониду не нужно было поворачиваться и осматривать пристальным взглядом лица своих бойцов, чтобы ощутить их решимость сражаться. Эта решимость жила в каждом из воинов, составлявших фалангу спартанцев, что перегородила узкий фермопильский проход от края до края с самого рассвета. Все они монолитной стеной, подняв щиты и копья, встали на пути персидской армии. Был среди них и Тарас, принявший в этой жизни имя Гисандра. Он стоял во второй шеренге рядом с Эгором и Архелоном, рассматривая сквозь прорези шлема персидских солдат.

– Передай богоподобному Ксерксу, – медленно проговорил царь Спарты, прищурившись на солнце и осматривая конное войнство за спиной своего собеседника, – чтобы он отправлялся назад за море. И хотя здесь стоят не боги, а всего лишь свободные люди, Ксеркс не сможет здесь пройти, пока жив хотя бы один из нас.

– Тогда я, Тигран, из рода Ахменидов, – прорычал всадник, лицо которого исказила гримаса ярости, – предводитель войска Мидян², обещаю тебе, Леонид, что еще не успеет солнце пройти зенит, как твои кости будут глотать птицы-падальщики.

– К чему тратить драгоценное время, – ответил Леонид. Усмехнувшись и сжав копье, он добавил, спокойно взирая на всадника, гарцевавшего в двадцати шагах от строя спартанцев: – Веди сюда своих воинов и приготовь побольше могил, – немногие из них вернутся сегодня назад.

Раздавшийся вслед за этим хохот спартанских гоплитов окончательно вывел из себя Тиграна. Знатный перс хлестнул своего породистого скакуна и устремился назад, изрыгая проклятия на голову упрямых спартанцев.

А Леонид, уловив движение в строю персидских всадников, вооруженных луками, вскинул руку и крикнул, мгновенно заставив всех замолчать.

– Стрелы! Поднять щиты!

Не успел Тигран еще достигнуть строя своих всадников, как тысячи стрел взлетели в воздух и, затмив солнце, устремились на горстку спартиатов, словно разящие молнии.

Услышав команду царя, все спартанцы давно заученным движением мгновенно повалились на одно колено, прикрыв щитом голову и тело. Это случилось вовремя. Едва Тарас и стоявшие рядом с ним гоплиты выполнили приказ, как тысячи стрел забарабанили по медным щитам с изображением «Лямбды». Стрелы падали на них сверху, отскакивая от щитов, вонзаясь в расщелины каменистого плато, пригвозждая к земле концы алых плащей, накинутах на плечи. Но спартанцы замерли, сгруппировавшись и не давая себя поразить.

И все же стрел было очень много, их зловеющий свист не прекращался несколько минут подряд. Вскоре Тарас услышал позади себя приглушенный крик одного из бойцов.

¹ Deus ex machina (лат.) – Бог из машины – в древнеримских трагедиях в самый драматичный момент из специального приспособления – «машины», – появлялся бог, который резко изменял течение всего представления. С тех пор это выражение означает неожиданную развязку ситуации из-за вмешательства непредвиденных обстоятельств или высших сил.

² Наиболее боеспособными частями в огромной и многонациональной сухопутной армии персидской империи царя Ксеркса были – сами персы, мидяне и бактрийцы. Во флоте – финикийцы и египтяне.

Осторожно оглянувшись, не опуская щита, он увидел, что персидская стрела поразила того в бедро. Раненый спартанец со злостью сломал оперение стрелы, оставив наконечник в своей плоти. Тарас понимал, каково тому было: получить ранение, еще даже не выступив в бой! По опыту он знал, – этот парень ни за что не признает себя раненым и не попытается избежать драки. Даже наоборот, рана прибавит ему ярости. И горе тому персу, что окажется у него на пути.

– Атака! – скомандовал Леонид, едва стрелы перестали свистеть над головами спартанцев.

Все гоплиты поднялись, образовав плотный строй. Никто не погиб, а раненых пока «не было». Конница отошла назад, и снизу приближались пешие воины персов с копьями наперевес.

Подняв щит повыше, и сжав покрепче древко копья, Тарас вглядывался в персов. Если не обращать внимания на численность наступавших, увиденное его не слишком испугало. На головах бородатых персов, точнее мидян, если верить их предводителю, были мягкие войлочные шапки. «Кажется, это называется тиара, – припомнил Тарас, – но от хорошего удара в голову она не спасет».

Тело укрывали пестрые хитоны, поверх которых блестели медные чешуйки – панцири с короткими рукавами. На ногах штаны, без всяких признаков поножей и кожаные сандалии. Вместо медных щитов персы легко несли плетеные, из-под которых виднелись колчаны с небольшим луком и стрелами. Каждый персидский пехотинец был вооружен копьем, которое показалось Тарасу гораздо короче собственного, а с правого боку у них виднелись не то короткие мечи, не то кинжалы.

«Шлемов нет, – констатировал Тарас, чуть выставя левую ногу вперед, прикрываясь щитом и поднимая острие копья, как сделали все, кто стоял с ним рядом в шеренге, – ноги тоже не защищены. Это хорошо. Коли куда угодно. А мы-то вооружены гораздо лучше. Да и бегут они вперед, словно стадо баранов, значит, шанс есть».

– Держать строй, спартанцы! – рявкнул Леонид, поднимая копье вверх, когда до персов оставалось не больше тридцати метров, – беречь силы и помнить о ложном отступлении. Это только начало.

Тарас знал все маневры, которые они отрабатывали столько раз в строю, наизусть. Но все они выполнялись по команде. А до тех пор – бей и коли!

Он уже видел разъяренные лица и слышал крики мидян, подбадривавших себя гневными воплями. Авангард войска, пришедшего сейчас к Фермопилам, насчитывал никак не меньше тысячи человек. Почти половина из тех, что выстроились сейчас далеко внизу, там, где проход огибал выступавшую в море гору, бросилась в атаку на три сотни спартанцев, которых вывел Леонид на первый бой, чтобы показать союзникам, как надо биться.

Дальше за горой проход расширился и появлялось небольшое плато, уходившее вниз вдоль скалы. На нем ожидала исхода схватки оставшаяся часть персов вместе с Тиграном. Справа от спартанцев плато обрывалось в море, слева было ограничено почти отвесными скалами. При всем желании атаковать персы могли фронтом не больше, чем из тридцати-сорока человек. А судя по размашистым движениям мидян, которые на бегу далеко отставляли руки с легким щитом и копьем, они больше привыкли воевать на широких пространствах.

– Мне говорили, что варвары³ бьются толпой, – усмехнулся стоявший рядом Архелон, бросая быстрый взгляд на Тараса, – но я не верил. А зря.

– Да, – кивнул Тарас, – держа строй, мы выстоим. А сели дойдет до драки руками, вспомни, чему я тебя учил.

³ Варварами греки называли все живущие вокруг племена, не говорившие по-гречески. Сначала это название было чисто географическим, без уничижительного смысла. Но после победы над персами, приобрело оскорбительный оттенок, возвышая «цивилизованных» греков.

– Я не забыл, Гисандр, – кивнул Архелон.

А в мозгу командира энотики промелькнуло несколько уроков рукопашного боя, что дал-таки бывший спецназовец и десантник своему другу в минуты отдыха. Архелон оказался способным учеником и вскоре освоил несколько хороших ударов ногами и руками без всякого оружия. Не отставал от него и Эгор. Устраивая между ними спарринги, Тарас от души веселился. Но греки все делали всерьез.

Достигнув, наконец, строя неподвижно стоявших спартанцев, оцетинившихся копьями, персы обрушились на них лавиной тел, стремясь задавить количеством. Но не вышло. Короткие копья персов в ближнем бою не давали им возможности достать закованного в доспехи противника. И лавина быстро растеклась на отдельные ручейки, после того как первая шеренга спартиатов несколько раз одновременно вонзила копья в персидских воинов. Те пытались отбивать молниеносные удары разящих спартанских копий, но плетеные щиты были им плохой защитой. Много персов нашло свою смерть в первой же атаке. Проход огласился воплями и столами раненых врагов.

Тарас с завистью смотрел, как мастерски колот мидян пентекостер Креонт, стоявший позади царя в первой шеренге. Отводя удары персидских копий большим медным щитом и методично работая своим длинным копьем, он убил двоих бородатых воинов точным ударом в шею. Еще двоих ранил ударом в бедро, а последнего, что подобрался слишком близко, поразил резким ударом отточенного острия в глаз. Мидянин вскрикнул, схватившись за окровавленное лицо, и рухнул на камни.

Рядом с пентекостером билось несколько неизвестных Тарасу воинов, а дальше он разглядел Алкмена, который тоже отважно сражался. В каждом движении опытного спартанца сквозило мастерство тренированного бойца. Стоя всего в нескольких метрах за его спиной, Тарас даже залюбовался, с каким изяществом копье Алкмена вспарывает пестрые хитоны мидян, проникая в плоть.

Чуть поодаль дрались два брата, Алфей и Марон, а рядом с ними сверкал медью отполированного шлема храбрец Диенек. Не раз и не два мидяне пытались поразить его, но он был словно выточен из камня и двигался расчетливо, почти одновременно со стоявшими рядом бойцами. Диенек удивил Тараса тем, что дважды убил своих врагов, прошив насквозь их плетеные щиты.

Тарас заметил, что почти никто из спартанцев не стремится лишний раз попробовать на прочность персидский панцирь. «А зачем тупить копье? – поймал он себя на мысли, отбивая прилетевшую издали стрелу. – Ведь у них столько незащищенных мест, что можно убивать, даже не касаясь доспехов. Похоже, этот Ксеркс металл экономит больше, чем своих людей».

Сам Леонид тоже не давал спуска наседавшим со всех сторон мидянам. Он пригибался, уходя от ударов и прикрывая тело щитом. Но каждый раз, когда царь распрямлялся и выбрасывал, словно пружину, вперед руку с копьем, падал за смертью кто-то из персидских воинов.

Бились спартанцы дружно, чувствуя плечо рядом стоящего воина, и мидяне так и не смогли пробить оборону. Лишь кое-где им удавалось ненадолго потеснить гоплитов, а на место немногих павших спартанцев тут же вставали другие. Так они выстояли почти полчаса, потеряв всего нескольких человек, но почти не сдвинувшись с места. Зато перед ними выросла целая гора трупов, что уже мешала новым персам добраться до первой шеренги греческих гоплитов.

Наконец, персы отошли, а спартанцы смогли немного передохнуть. Тарас, которому удалось схватиться только с одним мидянином, всадив тому копье в бедро, был немного разочарован и рвался в бой.

Не успели мидяне отойти вниз к своим, как свет солнца вновь затмили стрелы. И спартанцы опять привычно опустили на одно колено, прикрывшись щитом и пережидая смертоносный дождь. Многие в этот раз уже откровенно веселись, переговариваясь из-под щитов с соседями по шеренге и задирая друг друга.

– Ты видел, как они бежали, Эгор? – крикнул Архелон своему другу. – Как трусливые женщины.

– Если это лучшие воины Ксеркса, – подхватил Эгор, перебивая шум барабанивших по щитам стрел, – то я, пожалуй, буду биться с ними одной рукой, чтобы дать отдохнуть другой. И даже без щита.

– Щит тебе еще пригодится, – отсоветовал Архелон, – видишь, как они бегут от своего бессилия. Не могут одолеть нас в открытом бою и хотят поразить всех издалека.

– Да, бойцы из персов не лучшие, – согласился Эгор, – да и копья у них короткие. Ни за что не смогут достать до наших тел.

Тарас помалкивал, сжимая кожаный ремень щита и вспоминая о «Бессмертных» – гвардии Ксеркса, которые еще не вступали в бой. Он не торопился с выводами. Ведь для персидской армии, которая, по слухам, насчитывала около двухсот тысяч человек⁴, эта атака была всего лишь рядовым столкновением, хотя и самым первым. До сих пор никто не осмеливался вставать на пути у владыки половины мира. Ведь царь персов – если он уже был в лагере – проделал длинный путь от пролива Геллеспонта сюда через Македонию, Фессалию, Фтиотиду и Малиду, не встречая никакого сопротивления. Македонцы и фракийцы уже давно были его данниками⁵, хотя и не порвали сношений с греками, а остальные дали послам персов «землю и воду»⁶. И вот теперь он впервые получил отпор.

«Представляю, как бесится Ксеркс», – невольно ухмыльнулся Тарас.

– Атака! – выкрикнул Леонид, вскидывая тяжелый щит и первым поднимаясь на ноги. – Построиться!

Спартанцы поднялись с колен и вновь изготовились к бою. Их небольшая фаланга насчитывала в глубину шесть неравных рядов, сужавшихся к проходу в скалах, который был сейчас перегорожен заново отстроенной стеной. На стене и за ней стояла стража из вооруженных периеков, среди которых было некоторое количество лучников. Впрочем, Леонид оставил собственных лучников позади, решив положиться на привычную фалангу, не в пример персам, у которых, как показалось Тарасу за первые часы сражения, лук был едва ли не главным наступательным оружием.

Между тем приближалась новая волна мидян. Это были все те же пешие копейщики, которым уступили место отошедшие в тыл всадники. Но на этот раз пешие мидяне сами начали атаку с обстрела фаланги спартанцев из луков. Воины разбились на две группы. Часть мидян, что приближалась вдоль обрыва, на ходу стреляли из лука, а копейщики образовали подобие клина, острие которого нацелилось на Леонида, стоявшего перед строем.

– Встать плотнее! – приказал царь, и спартиаты придвинулись плечом к плечу, прикрывая своим щитом еще полкорпуса рядом стоящего воина от летевших стрел. Одна из них просвистела рядом с ухом Тараса, поразив стоявшего позади воина. Раздался сдавленный стон и спартанец, «поймавший» стрелу в шею, повалился под ноги своим товарищам. Другая стрела, звонко ударившись медным наконечником, отскочила от шлема Тараса.

Наконец вторая лавина мидян с воплями обрушилась на ошетинившихся копьями гоплитов и потеснила их, слегка продавив середину строя. Море красных плащей всколыхнулось. Удар был мощным. Тарас даже на мгновение потерял из виду царя,

⁴ Информация Геродота о том, что войско персов насчитывало свыше миллиона человек, считается современными исследователями явно преувеличенной. «Отец истории» всеми силами воспевал героизм небольших армий греческих полисов перед полчищами варваров.

⁵ Македонию и Фракию покорил предшественник Ксеркса персидский царь Дарий в 511 году до н. э., преследуя сразу несколько целей. Он хотел создать там базу для похода на остальную Грецию, а также ударить в тыл степным скифским племенам.

⁶ Добровольно признали власть персов над собой.

исчезнувшего за телами окруживших его мидян. Но вскоре Леонид снова появился в поле зрения, насадив на копье одного из воинов в пестром хитоне. Его копье пробило панцирь мидийца, вышло из спины и застряло, так что Леонид даже ударил обмякшее тело ногой, чтобы выдернуть его обратно. К счастью, он проделал это очень быстро. Лишь один из нападавших персов успел нанести второй удар, который Леонид отразил щитом, а следующим движением он уже поразил и этого бойца.

И все же спартанцы попятись. Видя это, мидийцы утроили натиск. В тесноте ближнего боя их короткие копья даже давали некоторое преимущество. Не только первая шеренга, но и вторая, где стояли Тарас с Архелоном и Эгором, и даже третья уже вступили в сражение. И тут раздалась команда: «Назад!» Услышав которую, спартиаты повернулись впол оборота в сторону прохода. А затем, чуть приподняв копья и одновременно прикрывая корпус щитом, устремились назад. Это было так похоже на отступление, которого мидяне уже и не надеялись увидеть, что они даже немного опешили, и на мгновение между ними и спартанцами образовалась брешь в несколько метров. Именно этого и добивался Леонид. Строй гоплитов выровнялся. А когда мидяне с воплями вновь бросились вперед, предвкушая победу, раздался новый зычный окрик Леонида и спартанцы «все вдруг» резко обернулись лицом к противнику, выбросив правую руку вперед. И каждое копье нашло свою цель. Вся ближняя шеренга мидян рухнула под ноги спартанцам как подкошенная. Наступление приостановилось.

– Коли! – крикнул Леонид, не давая передышки врагам.

И новый удар скосил следующую шеренгу мидян. После этого маневра Тарас был уже в первом ряду, рядом с Креонтом, заняв место убитого персами воина. Спартанцы нанесли еще несколько таких же молниеносных и смертоносных ударов, окончательно смешав порядки мидян и обратив их в бегство. А стоило мидянам показать тыл, как спартанцы перешли в наступление и отогнали их метров на сто от Фермопильского прохода вниз по ущелью.

– Остановиться! – крикнул Леонид, прекращая преследование, и опуская окровавленное копье вниз. – Пусть эти трусливые псы бегут и расскажут другим, чего стоит наше гостеприимство. А мы вернемся назад.

Посмеявшись вместе с царем над персами, спартанцы едва перевели дух. Однако, устремившись назад по трупам мидийских солдат, они не успели отойти к самой стене, как были застигнуты атакой конных персов.

Мгновенно построившись и сомкнув ряды – причем передние гоплиты опустили на колено, прикрывшись щитами почти целиком и выставив копья под углом вверх, – спартанцы приготовились к отражению атаки всадников. Бросив взгляд на приближавшихся врагов, Тарас с удивлением заметил, как конные лучники «всаживали» стрелы в своих же пехотинцев, обратившихся в бегство, перебив на ходу почти всех. «Просто заградотряд какой-то, – горько усмехнулся Тарас, – ни шагу назад. Не любят персы трусов».

Прошло лишь несколько мгновений, как персидская кавалерия доскакала до строя спартанцев, но врубаться в него не стала. Она принялась кружить перед строем, осыпая фалангу тучами стрел почти в упор. И многие находили цель, несмотря на то, что лишь красные гребни шлемов с прорезями для глаз возвышались над медными щитами спартанцев. Когда рядом с Тарасом упало двое гоплитов, убитых стрелами, а еще один был ранен в руку, Леонид чуть распрямился и крикнул:

– Бросай!

Первая шеренга гоплитов поднялась и метнула свои копья в пронесившихся мимо всадников, быстро опустившись. Затем то же сделала вторая и третья. Тарас бросил свое копье в борогатого перса, чей нагрудник блестел на солнце, как начищенное зеркало, угодив тому в бок. Бросок был такой силы, что пробил-таки доспех, и перс рухнул на камни под копыта своему коню. Тарас проследил за полетом еще нескольких «снарядов», вышибавших персов из седла с такой точностью, словно это эфебы соревновались друг с другом на Гипнопедиях.

Спартанские копья «вывели из строя» не один десяток всадников. Лошади с диким ржанием метались теперь без седоков от обрыва до скал, совершенно не давая возможности приблизиться остальным. Да те больше и не пытались. Обстрел мгновенно прекратился, а оставшиеся всадники устремились назад.

«Говорят, у них служат скифы, – промелькнуло в мозгу Тараса, когда он разглядывал колыхавшиеся спины конных мидян, затянутые в панцири и пестрые хитоны, – от тех бы мы так легко не отделались. Скифы, конечно, тоже лучники, но и с копьем не расстанутся, да и владеть им умеют».

Атаки прекратились. Приказав отнести раненых спартиатов в тыл и не двигаясь с места еще полчаса, Леонид наконец отвел своих солдат назад к стене. Там они простояли до самого вечера. Однако больше в тот день персы не предпринимали новых атак.

– Не по вкусу им пришлась черная похлебка, – заметил Алкмен, пытаясь рассмотреть сквозь быстро сгущавшиеся сумерки то, что происходило внизу на каменистом плато, занятом персами. Там было заметно какое-то шевеление, но на построение перед новой атакой это было не похоже. Скорее одни части, потрепанные в сегодняшних боях, сменялись другими.

– Ты прав, – усмехнулся Леонид, проследив за его взглядом, – мало на свете людей, способных ее переварить.

– И все они здесь, царь, – проговорил Алкмен, обведя взглядом усталых бойцов, – рядом с тобой.

– Это так, – согласился царь, – мы преподали персам первый урок и больше, уверен, сегодня они не появятся. Но, прежде чем из Спарты подойдет армия, нам предстоит еще не один бой. Теперь надо отвести людей в лагерь.

Он вышел вперед и вскинул руку с копьем, требуя внимания.

– Спартанцы, – громко объявил Леонид, – сегодня вы сражались, как львы, и уже покрыли себя славой, как доблестные сыновья Лакедемона.

Море красных плащей всколыхнулось в едином порыве. Все гоплиты выбросили вверх руку с копьем, приветствуя царя. То же сделал и Тарас, издав победный клич. После первого дня боев спартанцы чувствовали себя победителями. Все подступы к Фермопилам были усеяны трупами персов, а спартанцы потеряли в этот день лишь восемнадцать человек. Но и это была большая потеря для Лакедемона, где ценился каждый гражданин.

– Сейчас я приказываю вам отойти за фокидскую стену на ночлег, вы заслужили его, – объявил царь, – а наше место займут локры⁷ числом в пять сотен. Уверен, им хватит храбрости простоять ночь без боя на своей земле в ожидании персов.

Вдоволь насмеявшись, спартанцы отошли за стену, охраняемую вооруженными переиками. Просочившись по одному за эту преграду, что встала на пути персов, спартанцы растянулись цепью и продолжили свой путь к лагерю уже во мраке.

Продвигаясь по узкому ущелью, напоенному серными запахами источников, Тарасу все время хотелось заткнуть нос – такая здесь стояла вонь. К счастью, вскоре проход расширился, и они увидели палатки и костры лагеря, в котором готовились к ночлегу воины остальных греческих полисов.

– Вы прогнали персов с нашей земли, Леонид? – приветствовал царя широкоплечий боец, поднявшийся на ноги от костра, едва завидев появившихся из тьмы ущелья спартанцев.

– Мне пришлось это сделать за вас, Хрис, – в тон ему ответил спартанский царь, – раз уж ты со своими воинами не в силах свершить это.

– Мои воины рвутся в бой, – обиделся уязвленный Хрис.

– Что же, – кивнул Леонид, словно ждал такого ответа, – тогда сейчас самое время. Отправь за стену пять сотен своих локров и стой там до рассвета. А утром я снова сменю вас.

⁷ Локры, фокидяне и милейцы, чья общая численность составляла почти три тысячи человек, входили в ополчение, подчинявшееся Леониду.

Хрис бросил взгляд на дымившуюся тушу барана, что коптилась над костром, и нехотя подчинился. Он взял щит и копье и отдал необходимые приказания, подзвав своих командиров.

– Уверен, персы не побеспокоят тебя этой ночью, – добавил Леонид, занимая его место у костра, рядом с которым он опустил свой щит и копье, – а мои воины сражались весь день голодными. Так что мясо будет очень кстати.

– Угощайся, царь, – усмехнулся с поклоном Хрис, – пусть ты и твои воины насытятся и ни в чем не знают отказа. Я велю принести еще мяса.

– Ты учтив, Хрис, – ответил Леонид, усаживаясь у костра и скидывая панцирь с помощью подоспевшего илота, – однако ты слишком долго собираешься в путь. Тебя ждут Фермопилы.

Хрис молча удалился, уводя за собой пять сотен локров, уже собиравшихся отправиться на ночлег. Но приказ спартанского царя лишил их этого удовольствия.

– Кажется, локры недовольны, что им приходится защищать собственную землю, – заметил Тарас, останавливаясь рядом с костром и опираясь о копье. – Им гораздо больше нравится, когда за них гибнут спартанцы.

У костра, кроме самого Леонида, по знаку царя уже присели Алкмен и Креонт. Вокруг суеились слуги и оруженосцы из периеков.

– Жизнь одного спартанца стоит десяти бойцов из племени локров, – заметил на это Леонид. – Садись у моего костра, Гисандр. Поешь, а потом отправляйся спать. До рассвета не так много времени.

Тарас присел рядом с царем, отдав копье и щит своему оруженосцу, который, взяв их, отступил на несколько шагов в темноту.

– Я не долго буду докучать тебе разговорами, справедливый царь, – проговорил он.

– Чего же ты хочешь? – прямо спросил царь, принимая из рук слуги кусок закопченного мяса, так и не доставшегося Хрису.

Тарас колебался недолго. Его ведь могли убить в завтрашнем бою, и тогда он не поведал бы царю того, что знал еще в прошлой жизни. И о чем здесь, похоже, еще никто не догадывался.

– Я узнал от своих верных людей, – начал Тарас, чуть наклонившись вперед, – что вокруг горы, что нависает над ущельем слева, есть обходная тропа, по которой местные пастухи гоняют коз из Локриды в Малиду. Говорят, она выходит у самых Альпен, той деревни в тылу, из которой нам доставляют припасы. Я думаю, если пройти по ней в обратную сторону, можно проникнуть в ту местность, где сейчас уже стоят персы.

– Ты видел ее? – сразу ухватил суть Леонид, мгновенно позабыв про мясо.

– Только слышал, мой царь, – ответил Тарас.

– Тогда с рассветом ты не пойдешь за стену, – принял решение Леонид, – ты возьмешь двадцать воинов и осмотришь все окрестные горы. Ты найдешь эту тропу, если она есть.

– Она есть, я уверен, – кивнул Тарас, – и персы по ней могут пробраться к нам в тыл, если узнают, куда она ведет. И раз это знаю я, то скоро могут проведать и персы.

Он чуть помедлил, добавив:

– Но двадцати человек мне не нужно, достаточно десяти. Ведь каждый спартанец стоит нескольких бойцов.

Тарас встал.

– Если ты позволишь, то я возьму с собой периеков. В бою они стоят меньше, а в этом деле на них можно рассчитывать.

– Делай, как знаешь, – согласился Леонид, – но, когда ты найдешь тропу, пройди по ней до самого конца и узнай, куда она ведет. Это может нам помочь.

– Я выполню твой приказ, мой царь, – поклонился Тарас, – найду тропу и ты первым узнаешь о ней.

Разыскав свою палатку, у которой дежурило пять верных периеков, Тарас снял доспехи и повалился прямо на камни, завернувшись в плащ. Усталость взяла свое. Он не стал

забираться даже в палатку, а быстро заснул, бросив взгляд на яркие звезды, что горели над Фермопильским ущельем.

Глава вторая

Оружие победы

Едва забрезжил рассвет над горами, как Тарас проснулся отдохнувшим. После изнурительного вчерашнего сражения, в котором он, к счастью, не был даже ранен, если не считать царапины чуть выше локтя от персидского копья, он хорошо выспался даже на камнях и был готов к новым подвигам.

Поев вместе с остальными спартиатами, которые сразу после этого отправились сменять локров, Тарас остался в лагере выполнять приказание Леонида. А с ним еще десять человек, которых он отобрал лично.

– Как разыщешь тропу, сразу пришли гонца, – бросил, уходя во главе своей гвардии, Леонид, – а лучше, все расскажешь сам.

О чем они говорили, остальные спартиаты не слышали, и Тарас ловил на себе удивленные взгляды, ведь его место было в строю. Но раз уж Леонид оставлял его в лагере, значит, у царя на то были свои причины. А обсуждать приказы царя, здесь было не принято. Во всяком случае, среди рядовых спартиатов. Эфоры – отдельный вопрос. Но их в этот раз с войском не было. Ведь, строго говоря, это было и не войско. Так передовой отряд, направленный сюда вопреки всем резонам. И сопровождал его из «духовных лиц» лишь прорицатель Мегистий, если не считать самого Леонида, каждое утро приносившего жертвы богам и перебиравшего своими пальцами окровавленные дольки печени жертвенного барашка. Вчера предсказание было удачным. Сегодня Леонид ничего не сообщил ему, но, судя по всему, и сегодня боги не оставят спартанцев.

Проводив взглядом алые плащи спартиатов, по одному исчезающие в узком проходе, Тарас вновь обернулся к лагерю. Сотни палаток усыпали небольшое плато, рассеченное горными отрогами. Здесь скучилось почти семь тысяч человек, собравшиеся сюда с разных концов Греции. В этой узкой долине стояли лагерем солдаты из Аркадии, Коринфа, Микен, не говоря уже о локрах, фокидянах и милейцах. И все пока были на месте, – царь прислушался к его совету и не отпустил пока никого из союзников.

Уж кто-кто, а Тарас отчетливо понимал, что триста «железных» парней исполнят свое предназначение, даже если придется погибнуть. Таков закон. Но, имея в запасе почти семь тысяч воинов, пусть и не таких крепких, удержать Фермопилы можно гораздо дольше. А там либо своя армия подойдет, либо еще что-нибудь случится. Была у Тараса такая надежда, возникшая не на пустом месте.

Ему лично очень хотелось не просто погибнуть, – ему хотелось победить. И хотелось этого уже почти два года. С того самого момента, как он женился и у него родился сын, Тарас начал все сильнее «привыкать» к этой жестокой спартанской жизни, ставшей теперь его судьбой. Как ни крути, а он уже давно был местным и защищал с остальными греками свою родину. Впрочем, отличия все же были. И в отличие от остальных греков, он понимал, что должно случиться спустя несколько дней ожесточенной битвы, если не вмешаться в этот процесс. А потому начал готовится загодя, еще не зная и не веря, что попадет в гвардию Леонида, но предчувствуя такой вариант.

И, прежде всего, он подготовил себе помощников, которых обучил думать и действовать не так, как их учили в Спарте. Вернее не совсем так, поскольку тех, кого он выбрал к себе в помощники, вообще ничему не учили. Рабов учить нечему. А у него в «отряде» были почти одни илоты. Он лично осмотрел всех имевшихся в имениях – своем, отца и даже Елены – государственных рабов, отобрав самых толковых и не болтливых. Последнее качество было для него, пожалуй, главным, ведь создавал он свой отряд диверсантов в полной тайне ото всех остальных спартанцев. Знал об этом лишь его «отец» – геронт Поликарх.

Поначалу мудрый геронт не очень верил в то, что рассказал ему о предстоящей смерти царя и его гвардии Гисандр, ведь даже в том случае, если это была правда, ничего зазорного в этой героической смерти не было. Даже наоборот. Но припомнив недавний оракул, где пифия предвещала падение Спарты, которое можно было предотвратить лишь ценой жизни одного из царей, пришел к выводу, что у Гисандра есть талант прорицателя, ведь знать содержание оракула его сын просто не мог. Его знали лишь сами цари, эфоры и геронты, то есть те, от кого зависело существование государства. А простому воину это было недоступно.

Да и мысль спасти царя поначалу вызывала у геронта смешанные чувства. Жизнь царя целиком и полностью зависела от воли богов и эфоров, читающих по звездам и знамениям эту волю, и не людям вмешиваться в такие дела. Если Аполлон или сам Зевс-громовержец захочет уничтожить царя Спарты, то никто уже не сможет отвести его молнии. Никто не сможет помешать старухам⁸ прервать нить судьбы.

На мгновение геронт даже заподозрил своего сына в трусости – слишком уж тот любил проводить время с семьей, а не с товарищами по сесситии, хотя и был известен на всю Спарту как первейший боец, победитель гипнопедий и спаситель жизни царя. Но геронт быстро отогнал эту мысль. Не мог его Гисандр быть трусом, ведь он не избегал воинской службы и много раз сражался с аргивцами.

– Отец, – заявил Гисандр, видя охватившие геронта сомнения, – я не просто хочу выжить и снова спасти нашего царя, который погибнет, если войско не придет вовремя.

Тарас подождал, пока геронт успеет обдумать его слова, и продолжил:

– Я хочу победить персов. И я знаю секрет оружия, которое может уничтожить на дальнем расстоянии. И если ты мне поможешь найти мастеров, то я создам его, и, когда время придет, мы будем готовы встретить персов у Фермопил не только с копьем в руках.

– Ты хочешь посоревноваться с самим Зевсом? – нахмурил брови Поликарх.

– А почему нет, отец? – расправил плечи Тарас. – Ради спасения Спарты, я готов поспорить даже с богами, если они вдруг задумают отвернуться от нас.

– Не богохульствуй, – назидательно проговорил отец, против воли заинтригованный речами сына, – спартанцы славятся своим благочестием и простотой нравов. И боги не оставят нас.

«Славятся, – подумал Тарас, не став спорить вслух, – только это благочестие они понимают по-своему, не так я понимал его в двадцатом первом веке. Но тут уж ничего не попишешь».

Но вслух сказал другое.

– Я прошу тебя лишь о помощи, отец. У нас еще есть время, чтобы выполнить задуманное мною. Но делать это нужно в тайне ото всех. И обещаю, если то, что я задумал, не удастся, я сложу голову вместе с остальными у Фермопил.

Поликарх помолчал. Потом обнял его и сказал:

– Не торопись умирать, Гисандр. Прежде воспитаю из своего сына бойца, чтобы держал копье и меч не хуже тебя. Да и Елена слишком хороша, чтобы так быстро стать вдовой.

Этот разговор состоялся почти два года назад, сразу после свадьбы, на которой был и царь Леонид со своей женой Горго. С тех пор изменилось многое. И, прежде всего, благодаря помощи отца.

Пока Тарас упражнялся со своей эномотией на полях Пелланы и проводил свободное время в имении, где подрастал сын, имевший обширные связи Геронт «навел справки» по всем вопросам, которые задал ему «провидец». Прежде всего, Тарас попросил его найти нескольких мастеров по металлу, знавших толк в ковке мечей и копий. Это оказалось не слишком сложно. Все районы, где добывалась руда и производилось оружие для спартанской

⁸ Греки изображали мойр, богинь человеческой судьбы, в виде трех старух – Клото, Лахесис, Атропос, – пряжущих нити судьбы.

армии, были геронту известны. Ближайшие находились в центре страны, на другом берегу Эвроты, а остальные по большей части были разбросаны на восточном побережье Спарты в многочисленных общинах периеков. Там с незапамятных времен селились торговцы и ремесленники, когда-то даже обладавшие флотом, который теперь в Лаконии был запрещен. Сейчас имелось лишь небольшое количество кораблей для государственных нужд, распределенных между общинами, ни один из которых не мог покинуть гавань города периеков без «высочайшего разрешения».

Но если названия ближайших городов – Селласий, Тирос, Кифанта и Прасии – еще были немного знакомы спартанцу, проводившему все свое время между Амиклами и Пелланой, то о городах периеков, находившиеся на самых южных окраинах побережья он вообще ничего не слышал. Заракс, Эпидавр-Лимера, Асопос, Гифий – были для него пустым звуком. Зато все эти города отлично знал отец Гисандра. Вокруг них было множество клеров⁹ граждан Лакедемона, и мудрый геронт отправился в поездку, чтобы лично проинспектировать, как идут дела. В герусии он возражений не встретил. Напротив, даже получил наказ от царя Леонида проверить, как обстоят дела в его личном темене¹⁰, что раскинулся в окрестностях прибрежного Тироса, омываемого водами Арголидского залива.

Геронт провел в поездке пару недель, объезжая город за городом. Однако, не зная в точности, о чем думает Гисандр, – тот обрисовал ему невиданное доселе оружие в общих чертах, – Поликарх вернулся из первой поездки по общинам периеков в некотором смятении, не найдя всего, что хотел. И потому предложил Гисандру совершить новую поездку вместе и самому поговорить с мастерами, чтобы понять, на что они способны.

– Тех, кто называет себя мастерами, я видел немало, – посетовал Поликарх, – но не знаю, подойдут ли они тебе. Ведь ремесла у спартанцев не в чести. И эти люди давно не делают ничего отличного от ножей и мечей.

– Пожалуй, ты прав, – кивнул Тарас, только что вернувшийся из очередного маршброска по окрестностям Пелланы, – придется попросить сегодня на сесситии у Креонта и Хрисиды разрешения оставить ненадолго эномотию. Вряд ли они будут в восторге, но я у них на хорошем счету. Думаю, разрешат.

Одно радовало Тараса и немного ободряло перед поездкой – ему могло пригодиться то, почти единственное ремесло, сохраненное даже по заветам Ликурга, – производство оружия. А уж найти в Спарте человека, способного грамотно выковать несколько изогнутых медных деталей, на первый взгляд представлялось делом не сложным.

Впрочем, были опасения и на этот счет. Тарасу припомнилась судьба кифареда, пожелавшего приделать к своему инструменту новую струну и жестоко наказанного эфорами. Местные мастера действительно могли оказаться слишком узкого профиля, а к новаторам здесь относились, мягко говоря, без энтузиазма. И тем не менее следовало попробовать.

– Рискнем, – махнул рукой Тарас, усаживаясь в повозку вместе с геронтом, который сам правил единственной запряженной в нее лошадью.

В эту поездку они взяли лишь по одному слуге. Поликарх – управляющего Панорма, а командир эномотии своего верного оруженосца Этокла, не раз доказавшего ему свою преданность. Чем меньше людей знало о тайных приготовлениях, тем лучше.

Откровенно говоря, Тарас и сам до конца не представлял, как он сможет воссоздать

⁹ Клер – надел земли в Спарте.

¹⁰ Цари имели не только «обязательные» наделы земли, клеры, как и все спартиаты. Также они владели так называемыми теменами – обширными угодьями земель на территориях периекских общин. В отличие от государственной земли, эти темены были их полноправной собственностью и служили основой экономического процветания. Законы Спарты, направленные против роскоши, в данном случае никак не ограничивали царей. Нередко цари сдавали свои наделы в аренду периекам, а также увеличивали собственность, скупая новые участки.

метательное оружие, которого еще не существовало в природе. Он ведь был далеко не инженер. Так, имел некоторую склонность к механике. А в прошлой жизни в глаза не видел ни одной баллисты, разве что держал в руках арбалет. На службе все больше как-то приходилось пользоваться современными автоматами да взрывчатыми веществами, используя как средство доставки к месту военных действий бронетехнику. Здесь же еще ничего этого не было и в помине.

Но если деревянные части метательного орудия он худо-бедно представлял и даже уже несколько раз пытался начертить – последний рисунок, нацарапанный на деревянной дощечке, покоился у него под панцирем, – то вот с металлическими элементами конструкции, и особенно с тетивой, были проблемы. Луки в этом мире, конечно, уже умели делать, но вот где раздобыть жилы и конский волос, чтобы изготовить достаточной прочности торсионы, пока было не ясно. Ведь никаких специальных заводов не имелось. Разве что пустить собственных баранов на переработку во славу Спарты. Тут, правда, могли помочь мастера, что работали с корабельными канатами. Однако, как выяснил Тарас у геронта, все канаты во время перемирия Спарта закупала у Аргоса или Ахайи. Своего же производства не имела.

«Ну, конечно, – молча кивнул Тарас на сообщение геронта, – мог бы и сам догадаться. Ну, зачем Спарте канаты, если флота практически нет. В любом случае требуется совет специалиста».

Была у Тараса мысль посвятить в свой замысел самого царя Леонида, чтобы иметь возможность поискать нужные материалы за границей Лаконии. В том же Аргосе строили много кораблей. Но, поразмыслив, командир эномотии решил от нее отказаться. Леонид, привыкший доверять мускулам, копью и мечу, мог просто не поверить в рассказы о чудо-оружии и поднять его на смех. Или, что гораздо хуже, мог поверить, а у Тараса выйти какой-нибудь провал, – все-таки дело было новое. Требовалось сначала изготовить опытный образец, а затем испытать его. И Тарас решил не торопиться – время позволяло. До всего доходить своим умом, по мере сил, а также искать толковых помощников.

«Начнем с простого, – размышлял он, в то время как телега тряслась по ухабам проселочной дороги где-то между Спартой и Селассием, ничуть не походившей на отделанную плитами „трассу“ между Амиклами и столицей, – попробуем изготовить арбалет, или как он там у греков назывался. „Гастрархет“, кажется».

Оставив Селлассий в стороне, в первый, крупный по местным меркам, город периеков, Тирос, они прибыли к исходу второго дня. Городок был раза в четыре меньше Спарты, но имел несколько центральных мощеных улиц, обустроенных вполне прилично множеством храмов и, что резко отличало его от самой Спарты и роднило с Пелланой, лавок, где были выставлены в основном горшки и мотыги. Оружие здесь не продавалось и не менялось. По всей видимости, на него существовал «госзаказ».

Старый геронт выдержал это путешествие на редкость стойко для своего возраста, сказывалась закалка. Остановились они прямо в доме у одного из местных старейшин по имени Миссий, отвечавшего перед Спартой за производство оружия.

Пообедав в местной сесситии вместе с чиновниками, высокие гости из столицы объяснили Миссию, что хотели бы осмотреть арсенал и побеседовать с мастерами, что ковали копья и мечи для воинов Спарты. Их гостеприимец показался Тарасу немного удивленным, словно не понимал, зачем они здесь. А может быть, просто побаивался внезапной инспекции.

– Это можно сделать завтра же утром, – откликнулся Миссий, но, внимательно всмотревшись в нетерпеливые лица своих неожиданных гостей, добавил: – Впрочем, мастерские работают даже ночью, там всегда находятся илоты, обрабатывая металл, и кто-то из надзирателей. Если вы хотите, мы можем побывать там этим же вечером и вызвать туда любого мастера.

– Пожалуй, – сразу согласился геронт, отхлебывая вина, – мы не слишком устали с

дороги. Так что займемся делами.

А, нагнувшись к Тарасу, вполголоса добавил:

– Я здесь бывал уже в прошлой поездке и все видел, но тебе будет полезно осмотреть все самому. Сделаем это сегодня, а завтра с утра посетим царский темен. Взбодрим управляющего, это ему только пойдет на пользу. А потом отправимся в Прасии.

– Хорошо отец, – кивнул командир эномотии, – если ты не устал, сделаем это, не откладывая.

– Я великолепно себя чувствую, – заявил геронт, проглотив горсть оливок и вновь отхлебнув вина.

Тарас, уже в который раз удивлялся, сколько сил сохранил в своем худощавом теле этот старик. Мудрому геронту было уже крепко за шестьдесят, но он и не думал сидеть на солнышке, дожидаясь пока придет костлявая с косой. А много двигался, потягивал вино и даже пощипывал молодых рабынь. Одна Хилонида чего стоит. Уж если эта кобылица его, молодого хозяина, измотала своими любовными играми, то выдерживавший ее напор старик-геронт мог просто гордиться своим здоровьем.

Вспомнив Хилониду, Тарас невольно вспомнил и свой мальчишник, что устроил незадолго до свадьбы. Надо же было хорошенько оттянуться перед долгой семейной жизнью. Но едва он отчетливо представил себе, как в последний раз увидел эту греческую рабыню в имении отца, как сдернул невесомый хитончик и медленно провел рукой по приятным округлостям, набухающим от первого же прикосновения, – геронт сжал его плечо костлявыми пальцами.

– Пойдем, Гисандр, – заявил он, безжалостно выдергивая «сына» из сладостных воспоминаний, – время не ждет. Мы должны многое сегодня увидеть. Солнце уже садится.

Гисандр еле подавил вздох и поднялся из-за стола.

По дороге к арсеналу, объединенному с кузницей, где ковалось и хранилось оружие спартанской победы, Тарас больше молчал, предоставив говорить чиновникам. А сам обратился в слух. Пока они прибыли на место, он из не прекращавшегося разговора с интересом выяснил, что не имевшим права голоса периекам, было милостиво оставлено местное самоуправление. Во внутренние дела общины спартанское руководство не вмешивалось, удовлетвоваввшись получением военного налога оружием и людьми. Периеки должны были по первому требованию выставлять полностью вооруженное за свой счет ополчение, которое Спарта использовала в сражениях как наименее ценный материал. «Пушечное мясо», как сказали бы в прошлой жизни Тараса.

Кроме того, здесь имелись некоторые ремесла, запрещенные в других местах Лаконии. И потому, несмотря на долгий запрет, местные жители по-прежнему умели торговать, сохраняя свое дело в «тлеющем» состоянии и не давая угаснуть ему совсем. Иногда, в очень редких случаях государственной надобности, отсюда в страны, где деньги были не запрещены, даже отплывали за товарами корабли.

Как решил Тарас, которому все это в который раз напомнило СССР и его «железный занавес», общины периеков были в Лаконском государстве чем-то вроде «зоны свободного предпринимательства», с той лишь разницей, что получали выгоду от своей работы в виде глотка свободы и натуральных товаров. Но в любом случае их жизнь была гораздо лучше жизни илотов. Лично они все же были свободными, хотя и не имели права голоса.

Оказавшись у приземистого здания на окраине Тироса, из подвалов которого валил дым, словно из адского подземелья, они остановились. У входа стояло шестеро вооруженных бойцов из периеков, которые с явным неудовольствием уставились на прибывших в неурочный час чиновников и особенно на спартанского гоплита. Тарас поймал на себе несколько наглых взглядов, и кровь в нем начала закипать, – сказывалось спартанское воспитание, с детства прививавшее эфебам мысль о том, что в этой стране нет человека выше спартанца и все остальные должны взирать на него снизу вверх. А эти осмелились смотреть на него почти как на равного.

«Да они тут, я смотрю, совсем расслабились со своим самоуправлением», – подумал

Тарас, оскорбленный таким приемом, и, проходя в здание вслед за Миссией и Поликархом, как бы невзначай задел плечом ближнего солдата. Тот покачнулся, крепче ухватившись за упертое в каменные плиты копьё, и, скрежетнув зубами, бросил на Тараса напряженный взгляд.

– Ты что-то сказал? – с готовностью уточнил Тарас, задержавшись на секунду и демонстративно положив ладонь на рукоять меча. Его глаза горели холодным пламенем и не предвещали ничего хорошего стоявшему перед ним воину. Тарас был готов ко всему, в том числе немедленно проткнуть этого зарвавшегося мужлана.

– Нет, – выдавил из себя вооруженный периек, – вам показалось... господин.

«То-то же», – ухмыльнулся довольный Тарас, догоняя обоих чиновников по ведущим круто вниз ступенькам. Кузница действительно походила на ад в день приема грешников. В подвальном помещении с толстыми стенами и низким потолком стояло несколько жаровен, под которыми горели огромные костры, и десяток чанов с водой. В стенах угадывалось множество печей, где тлели раскаленные угли. Повсюду клубился дым, сквозь который трудно было что-нибудь разглядеть. Мелькавшие в этом дыму тени и шипение воды, охлаждавшей металл клинков, лишь усиливали сходство с преисподней. Когда из дыма прямо перед ними вынырнул широкоплечий и мускулистый периек в одной набедренной повязке, весь измазанный сажей, Тарас уже готов был принять его за черта. Не хватало только копыт и хвоста, потому что засаленные и покрытые сажей волосы над чумазой физиономией и без того торчали вверх, напоминая рога.

– Здравствуй, Сфетон, – поприветствовал его Миссий, – это геронт Поликарх из Спарты и его сын Гисандр. Они хотят услышать, сколько мечей, копий и щитов ты уже приготовил в этом месяце для гоплитов Спарты.

Сфетон обнажил белые зубы, блеснувшие на черном от сажи лице, и поклонился.

– Сфетон наш лучший мастер, – порекомендовал его Миссий своим гостям, – он делает отличные клинки и копья. Сегодня он как раз заканчивает делать большую партию наконечников, поэтому задержался здесь.

– Великолепно, – кивнул геронт, закашлявшись от заполнившего легкие дыма, – мы хотели бы поговорить с ним наедине.

– Я удаляюсь, – с готовностью откликнулся Миссий.

– Но не здесь, – вновь закашлялся геронт и Тарас мысленно с ним согласился, дышать здесь было абсолютно нечем, только в противогазе. – Нет ли здесь местечка поспокойней?

– Можно выйти во двор, – подал голос Сфетон, – там есть скамьи, где мы иногда отдыхаем в тени деревьев.

– Отличная мысль, – похвалил Тарас, – веди нас.

Пока они, то и дело теряя Сфетона из виду, преодолели задымленное помещение, несколько раз им преграждали дорогу «закопченные» периеки, спешившие опустить в воду раскаленный клинок. Злобное шипение воды раздавалось во всех углах, не давая забыть о том, где они находятся. Тарас прикинул, что производство мечей, копий и всего остального – он заметил в углу низкий каменный стол, где остывали медные пластинки, которым предстояло в скором времени стать доспехом гоплита, – было поставлено здесь на поток. А значит, имело не очень хорошее качество. Впрочем, он мог и ошибаться. Поток потоку рознь. Ведь за плохо сделанный доспех мастеру грозила неминуемая смерть. Так что делать халтуру периеки могли только для своих. Только в этом случае они имели шанс уйти от возмездия.

Миссий тактично оставил их наедине, не последовав за Поликархом и его сыном. Оказавшись во дворе арсенала и вдохнув, наконец, полной грудью, Тарас осмотрелся. Это было небольшое пространство примерно в тридцать квадратных метров, окруженное стеной дома без окон. Здесь стояло несколько скамеек под чахлыми деревьями, изнывавшими от двойного жара – солнца и долетавшего сюда тепла из «преисподней». Кого могли укрыть своей тенью эти почти свернувшиеся от жары листья, Тарас не уразумел, но не это его сейчас волновало. Место было вполне подходящее для приватной беседы.

Прогнав отсюда троих отдохавших илотов, Тарас подозрительно посмотрел по сторонам, что не укрылось от Сфетона, и, задав для отвода несколько вопросов о количестве мечей и копий, предназначенных для Спарты, все же рискнул вытащить из-за нагрудника деревянную дощечку с чертежом. Геронт стоял рядом молча, предоставив на этот раз сыну самому все разузнать.

– Скажи, – выдавил из себя Тарас, пристально взглянув в глаза черному от сажи мастеру, – ты мог бы изготовить вот это?

Сфетон некоторое время изучал мудреный чертеж Тараса, потом в задумчивости почесал просаленные волосы и спросил:

– Похоже на телегу с упором. Только вот зачем этот упор, лошадь ведь не сможет сдвинуть ее с места?

Тарас молчал. Тогда мастер продолжил задавать наводящие вопросы, рассуждая вслух.

– Да и колеса у нее какие-то уж очень маленькие. А что это, господин Гисандр?

– Телега, – соврал Тарас, не зная как отвечать на многочисленные вопросы мастера, не раскрывая ему сути, – только необычного вида.

– А зачем ей этот ковш? – указал мастер на устройство для закладки снаряда. – Такое впечатление, что им что-то надо будет черпать? Но зачем? И где это делают такие мудреные телеги, господин Гисандр?

– Ладно, – передумал вести дальнейшие переговоры Тарас, больно уж много вопросов задавал этот периек, да и выражение лица у него было сальное, словно тотчас побежит докладывать «кому следует», о чем шел разговор. – Нам не нужна эта телега.

Сфетон кивнул, но по его лицу было видно, что он все замечательно запомнил, и попроси его повторить, – сделает без запинки, а то еще и чертеж воспроизведет. И то, что он уличил спартанцев во лжи, тоже не вызывало сомнений. «А может, его прирезать для верности? – промелькнула в мозгу Тараса крамольная мысль. – Впрочем, вряд ли он действительно понял, о чем речь, да и не поверит ему никто».

Но на всякий случай добавил вслух:

– Забудь все, о чем мы тут говорили.

– Я буду нем как рыба в водах Эвроты, – закивал Сфетон.

– Конечно, будешь, – слащавым тоном заявил Тарас, – а то я тебя скормлю этим самым рыбам. Помни об этом, пока жив.

И, положив ладонь на рукоять меча, дождался, пока ухмылка окончательно сползла с лица периека. «Вот теперь он действительно будет молчать», – удовлетворенно подумал Тарас.

– Пойдем, отец, – произнес он, обернувшись к геронту, – здесь нам больше нечего делать. Арсенал Тироса полон и Спарта скоро получит отменные копия.

И повернулся спиной к Сфетону, на которого теперь было жалко смотреть.

Из арсенала они отправились спать в дом к Миссию, а утром посетили царские уголья. Однако долго там не задержались. Тарас был отпущен лохагом всего на две недели. А потому, нагнав страха на царского управляющего, в ведении которого находились обширные земельные уголья Леонида, прямо оттуда они отправились в Прасии, куда намеревались прибыть уже к вечеру. Этот город также лежал на побережье.

«Немало земли взял себе наш царь, первый среди равных, – усмехнулся Тарас, оглядывая протяженные поля, на которых трудились периеки, – все-таки в положении царя есть свои выгоды».

Глава третья Горными тропами

Между тем лагерь уже проснулся. Воины, покинув свои палатки, принимались за еду и разговоры. Вступать в бой никому еще не пришлось. Потери пока несли только воины Леонида, дорого продавшие свои жизни. Многие бойцы из Аркадии и Коринфа с

удовольствием оставили бы Фермопилы, но сила приказов спартанского царя держала их здесь, несмотря на то, что у каждого отряда был свой командир.

«Стоит нам дать слабину, и они разбегутся по своим домам, – подумал Тарас, сидя после еды в одном хитоне на камне и рассматривая бурливший лагерь, – но они не дождутся».

Скользнув взглядом по уходившей в сторону деревни Альпены тропе, за которой начиналась вполне приличная дорога шириной в одну повозку, Тарас вспомнил о главном. Пора было выдвигаться на поиски другой тропы. Той, что вела в тыл к персам. Тем более что десять человек из гвардии Леонида, что должны были идти с ним на поиски, медленно приближались к его палатке со свои оруженосцами. Среди них были Эгор с Архелоном и спартанец Офриад¹¹, названный так в честь участника битвы чемпионов.

– Этокл, – подозвал он оруженосца, – принеси мои доспехи и позови Брианта, если он уже вернулся.

– Сейчас принесу, – поклонился илот, отправляясь выполнять приказание, – но вы ведь отправили Брианта с рассветом разыскать тех самых пастухов и расспросить о тропе. Я его не видел с тех пор.

– Ладно, скоро объявится, – пробормотал Тарас, поглядывая на утреннее солнышко, еще не начавшее припекать, как следует.

– А вы будьте готовы выступать, – сообщил он стоявшим неподалеку периекам, одетым в легкие панцири, – я вижу только троих, где еще двое?

– Мы готовы, хозяин, – ответил Никомед, бывший у них за старшего, сжав копье, – Гиппоклид и Мегаклид отошли по нужде. Вон они возвращаются.

Эти пятеро периеков тоже входили в его тайный отряд диверсантов, куда он отбирал их вместе с отцом. Они хоть и был свободными гражданами, но имели кое-какие грехи перед своими общинами, за которые могли запросто стать илотами. И мудрый геронт, зная нужду сына, перевел их на поселение недалеко от Пелланы, исправив ситуацию. Но за это ребята обязались служить новому господину Гисандру верой и правдой, а также хранить молчание. Теперь они обрабатывали землю, принадлежащую для вида местной общине, а, по сути, Тарасу, больше упражняясь на ней в рукопашных схватках по невиданным до сих пор методам. Дело оказалось со всех сторон выгодное и даже интересное. А становиться рабами им совсем не хотелось. Ведь в случае чего Поликарх мог все вернуть на свои места.

Сюда они прибыли в составе тысячи периеков, прикрывавших тылы гвардии Леонида. Тарас постарался, чтобы его люди вошли в контингент, направлявшийся к Фермопилам. Так что никто и не догадался, почему, когда разрешение царя было получено, он выбрал именно этих пятерых. Они были не самые рослые и крепкие на вид, хотя жилистые.

Кроме них у Тараса имелась в запасе еще дюжина периеков и восемь илотов. Правда, не всех удалось взять с собой сразу, но остальных должен был привести Поликарх. По уговору геронт должен был постоянно торопить герусию, насколько это было возможно, с отправкой армии и сам выдвинуться вместе с обозом и подкреплениями. Либо, если ожидание затянется, найти способ покинуть Спарту, чтобы прибыть к Фермопилам вместе с личным обозом, груженным оружием победы. В сопровождении специально обученных периеков, конечно.

Двоих илотов и еще одного ценного человека – алхимика, – которого он пока держал

¹¹ Так называемая «Битва чемпионов» произошла 546 году до н. э между Спартой и Аргосом из-за Фирей, города в Кинурии, области Аргониды, захваченной спартанцами. Прибывшие к месту предстоящего сражения войска договорились о том, что спор решится схваткой между лучшими воинами. С обеих сторон в битве принимали участие по 300 человек. Сражение шло весь день и закончилось лишь к вечеру. Из воинов Аргоса выжили двое, из спартанцев один воин по имени Офриад. Аргивцы посчитали себя победителями и возвратились в Аргос. А Офриад снял доспехи с убитых спартанцев, отнес их в лагерь, и сам вернулся на поле боя, как бы удерживая его за собой. Когда на следующий день войска вернулись, то спор разгорелся с новой силой. Никто не желал признавать свое поражение. В новой схватке с участием уже всего войска победили спартанцы.

среди периеков со всем своим скарбом, Тарас уже взял с собой. Теперь у него было сразу два оруженосца из рабов, что не возбранялось. Некоторые спартанцы имели и по пять.

Услышав ответ Никомеда, Тарас кивнул и стал облачаться в панцирь, который уже принес Этокл. Вскоре почти одновременно к палатке Гисандра подошли спартанцы и Бриант, спешивший по тропе от деревни.

– Приветствую тебя, Гисандр, – поздоровался с ним Офриад, остановившись в двух шагах и опершись о копье, – куда ты поведешь нас?

– Мы пойдем в горы искать тайную тропу, о которой нам поведали местные пастухи, – сообщил Тарас, подпрыгивая на месте и встряхнувшись, чтобы проверить, как плотно сидит на нем доспех.

– Я не знал, что здесь есть обходная тропа, – поделился сомнениями Эгор.

– До вчерашнего дня не знал и я, – не моргнув глазом, соврал Тарас, – но если она есть и персы найдут ее раньше, то смогут спуститься где-то там у Альпен, в нашем тылу.

Он вскинул руку в направлении отрогов, уходивших на север, за которыми пряталась ближайшая деревушка.

– А твои люди, что сообщили тебе о ней, – проговорил Архелон, растягивая слова, – им можно доверять?

– Сейчас и узнаем, – просто ответил Тарас, и, обернувшись к запыхавшемуся Биранту, спросил: – Ну, что тебе рассказали пастухи?

– Тропа есть, – подтвердил илот, посмотрев на сгрудившихся неподалеку спартанцев так, словно им не следовало знать о ней, но, увидев одобрителный кивок Тараса, продолжил: – Они проведут нас до ближайшего перевала, через который сами гоняют коз из Локриды в Малиду.

«Молодец, Бриант, – мысленно похвалил Тарас своего бойца за попытку скрыть информацию, – не забыл уроки. Конспирация, первое дело. Главное, чтобы никто не знал того, что знаем мы. Или не понимал того, что происходит».

– Ты предупредил их, чтобы они молчали о нашем разговоре? – уточнил командир эномотии.

– Да, – кивнул илот, который уже перевел дух.

– Ладно, – кивнул Тарас, – возьми мое копье и веди нас к пастухам.

– Они ждут нас у самых Альпен, господин, – добавил Бриант, указав на поросшие густым лесом горы, чьи вершины уже начинало поджаривать солнце, – а тропа, говорят, начинается где-то вон там, за отрогом. До нее еще надо дойти.

– Тогда поторопись, – произнес Гисандр, первым направляясь вниз меж палаток.

– Ты возьмешь с собой периекских лучников? – удивился Офриад, глядя, как пятеро легко вооруженных воинов пристраиваются им вслед. Двое из них несли за спиной на лямках нечто замотанное в тряпки, схожее видом с небольшим луком. На боку у каждого действительно висел колчан, но стрелы показались ему очень короткими.

– Они могут пригодиться, если мы случайно столкнемся на тропе с персами, – охотно пояснил Тарас.

– Что же, может быть, ты и прав, – нехотя согласился Офриад, – хотя спартанцам больше пристало сражаться копьем и мечом.

– Вот потому-то мы и не берем в руки луков, – усмехнулся Тарас.

Когда лагерь почти остался позади, отряду повстречался Хрис, предводитель локров, без потерь вернувшихся в лагерь с «ночного дежурства». Персы действительно не посмели атаковать Фермопилы, уверенные в том, что их бессменно охраняют спартанцы.

– Гисандр, – Хрис с удивлением воззрился на красные плащи спартиатов, – а разве ты не должен вместе с Леонидом охранять проход?

– Я его и охраняю, – туманно ответил Тарас и, не удостоив командира локров объяснениями, продолжил спускаться по тропе меж камней.

Вскоре они были на краю деревни, что входила в земли, подчинявшиеся городу Трахин. Часть солдат из Трахина тоже пришла оборонять ущелье еще до тех пор, пока город не

заняли персы.

Трое поджарых парней в рваных хитонах, подпоясанные поясами, ожидали их на краю Альпен, откуда несколько тропинок расходилось в разные стороны, пропадая среди скал. Пойти разберись, которая в конечном итоге вела через горы в нужном направлении. Без проводника отыскать ее было не реально. Но самих проводников Тарас, кажется, нашел.

– Я Гисандр из Спарты, – объявил пастухам Тарас, едва приблизился к ним.

Мог бы и не называться. Пастухи быстро поклонились, – вооруженные до зубов гоплиты в красных плащах были хорошо известны всем грекам. И каждый знал, что лучше с ними не спорить. Особенно если ты не воин, а простой крестьянин.

– Мой раб сказал, что вы покажете нам тропу в Малиду, – не столько спросил, сколько приказал Тарас. – Вы знаете ее?

– Да, господин, – ответил самый старший из парней, – мы иногда гоняем по ней коз. Очень редко. Поэтому о ней почти никто не вспоминает.

– Иногда? – удивился Тарас, слегка нахмурившись.

– Чаше мы пользуемся другой дорогой в Малиду, – пояснил пастух, – через Фермопильское ущелье, так безопаснее. Но теперь там не пройти.

– Куда ведет тропа? – уточнил Тарас.

– Она резко поднимается в горы, там довольно круто. В прошлый раз Орат потерял там десять коз, – продолжал излагать старший пастух, указав на одного из молодых помощников. – И проходя через два перевала, спускается на равнину недалеко от моря. Говорят, там уже стоят персы.

– Значит, путь не близкий, – проговорил Архелон, внимательно слушавший весь разговор.

– Надо взять с собой еды хотя бы на два дня, – посоветовал Эгор.

– Я позаботился об этом, – кивнул Тарас в сторону илотов, тащивших кроме копья и щита грубый мешок с походной снедью, – ведь Леонид хочет, чтобы мы прошли всю эту тропу до конца и своими глазами увидели, где она заканчивается.

– Тогда следует поторопиться, – вступил в разговор Офриад.

– Ты прав, – не стал спорить Тарас и, махнув старшему пастуху рукой в сторону гор, сказал: – Показывай дорогу.

– Но, – все же осторожно попытался возразить тот, услышав про два дня, – мы хотели бы вернуться назад вечером. Ведь вашему слуге мы сообщили, что доведем вас до первого перевала.

– Ты вернешься тогда, когда мы отпустим тебя, – заявил ему Офриад, выступая вперед, – или не вернешься совсем.

Пастух вздрогнул и подчинился. Вариантов у него было не много, на что способны в гнев воины Спарты ему не надо было объяснять. А потому пастухи, встав в голову колонну, повели за собой весь отряд. Сразу за ними шел Тарас с илотами, следом все спартанцы с оруженосцами, и замыкали колонну пятеро периеков.

Обогнув ближайший отрог, они вскоре оставили деревню позади себя и стали карабкаться в горы по одной из многочисленных и довольно широких троп, по каждой из которых могли подниматься сразу двое человек. На каменистой земле были отчетливо видны следы копыт и засохшие испражнения. Не единожды проходившие здесь животные качественно «пометили» этот путь.

Переставляя ноги в сандалиях с большой осторожностью, Тарас несколько раз оглядывался назад: не следит ли кто за ними. Но пока никого не заметил. Кроме того, он отдал приказ арьергарду из периеков чуть поотстать, и тоже посматривать назад. До поры никто не должен знать об этой тропе, кроме них. О пастухах теперь можно было не беспокоиться.

Оставшиеся в лагере греческие воины предавались праздному времяпровождению, ожидая вестей от Леонида. Такое отношение к войне этих бойцов, когда враг в двух шагах, раздражало Тараса. «Впрочем, что с них взять, – подумал он, взбираясь на очередной уступ,

с которого в разрывах кипарисов и зарослей колючих кустарников открывался живописный вид на долину и лагерь, полный людей, – они привыкли воевать именно так. Только днем и желательно на ровном месте, а еще лучше договорившись с противником о времени встречи. Ведь даже мы, да простит меня Леонид, просто стоим и ждем, когда персы приблизятся. Нет, надо внести кое-что новенькое от себя в этот расклад. Иначе победы не жди».

Рассматривая с высоты лагерь, Тарас особенно не беспокоился, что его заметят. Отсюда их уже было не разглядеть. Кругом лес и кустарник, которым поросли все склоны. В этой «зеленке» были плохо различимы даже красные плащи и блестящие доспехи спартанцев. А одетые поверх доспехов в коричнево-серые лохмотья периеки, вообще сливались с камнями. Тарас учитывал подготовку десантников и опыт ведения горной войны. Греки свои горы тоже знали не понаслышке, но видели они их совершенно другим зрением.

Вскоре лес стал редеть, а многочисленные тропинки слились сначала всего в две, которые затем разошлись в разные стороны. Оставшись в единственном числе, последняя тропинка еще и заметно сузилась. Кое-где она проходила теперь по краю почти вертикального склона, местами походившего на обрыв.

– Это здесь твой дружок Орат потерял десять коз? – уточнил Тарас у старшего пастуха по имени Лисий, когда из-под его ноги сорвался и ускакал вниз камень, вызвав небольшую осыпь.

– Нет, – ответил тот, оборачиваясь, – это случилось дальше, у второго перевала, а мы еще не дошли до первого. Там будет гораздо круче.

– Расстроился, наверное, – предположил Тарас, заметив с каким трепетом взрослый пастух относился к молодому, то и дело прихватывая того за талию, когда они шли рядом по узкой тропе, – десять коз стоят недешево.

– Да, – мечтательно протянул пастух, даже останавливаясь, – мы с Оратом любим коз. Всю жизнь с ними живем в этих горах. Для нас это была большая потеря.

«Интересно, чем вы с этими козами тут занимаетесь, – невольно подумал Тарас, поправляя съехавший плащ и вытирая раскрасневшееся от жары лицо, – с вас, греков, станется. Еще и не такое вытворяете в этих идиллических местах, извращенцы».

Подумав так, Тарас вдруг на минуту вновь ощутил себя русским, просто заброшенным к спартам для того, чтобы выведать все их секреты. Вспомнил невольно и все что читал в прошлой жизни о греческих богах и героях. А читал он в детстве в основном мифы, из которых следовало, что стать героем типа Геракла или Персея мог только плод любовной связи бога и человека. Причем в каждой такой связи обязательно поучаствовал любвеобильный Зевс, являвшийся к чужим женам и покрывавший их то в образе лебедя, то жеребца, то быка, то льва. В общем, у пастуха Лисия по части зоофилии или других извращений было немало примеров из народных сказаний, чтобы с чистым сердцем пойти по стезе порока и разврата, который он считал нормой жизни, а где-то даже божественным началом.

«Да, – вздохнул Тарас, морщась от своих размышлений, – и кого только не развратили древние „цивилизованные“ греки. Говорят, даже персов научили спать с мальчиками. И чего им не хватает, вроде бы столько баб кругом и ходят почти без одежды».

Отогнав эти гнилые размышления, Тарас вновь стал смотреть на тропу, забирающую все круче вверх. Вскоре на одном из перепадов, где послышался шум горного ручья или небольшой речки, ему даже пришлось карабкаться, хватаясь за камни руками и подтягиваясь вверх, рискуя рухнуть на головы ползшим позади него илотам. «И как только здесь козы пробираются, – удивлялся Тарас, – хорошо еще, что руки свободны».

Его шлем и щит нес Этокл, а копьё Бриант, скакавшие по камням следом за ним. Сам же Тарас был облачен в доспех с наручами и поножами, а также вооружен мечом, висевшим на поясе, который стучал его по ляжкам во время движения. Но мало ли кого можно было встретить на этой тропе, и оставаться совсем безоружным он не рискнул.

Однако спартанцы были приучены и не к таким переходам. Никто не роптал и не ругался. Даже наоборот, движение шло довольно быстро, а Офриад все время торопил

илотов Тараса, подталкивая их в спину, недовольный медлительностью слуг.

Наконец, когда солнце прошло зенит, а день вступил в силу, отряд достиг первого перевала. Выйдя из внезапно закончившегося леса на небольшое плато и легко преодолев вброд текущую меж камней неглубокую речку, спартанцы остановились, повинувшись знаку командира.

– Отдохнем! – приказал Гисандр.

– Мы не устали, Гисандр, – ухмыльнулся двужильный Оффриад, хотя пот с него тек в три ручья, – можем идти дальше.

Позади него молча остановились Эгор, Архелон и остальные, поглядывавшие на Гисандра.

– Надо осмотреться, – настоял на своем Тарас, знавший, что спартанцы всегда будут хорохориться, сохраняя лицо, даже если умирают. – Этокл и Лисий, идите за мной.

Сложив у ближайшего камня тяжелый щит, Этокл последовал за хозяином, так же как и старший пастух. Небольшая морена выходила к обрыву, с которого открывался вид на узкую горную долину, где не было видно никаких поселений. Вряд ли тут кто-нибудь жил, кроме диких животных. Здесь было заметно прохладнее, чем внизу, а кое-где под камнями Тарас даже разглядел снег.

– Далеко еще до второго перевала? – спросил он Лисия, подхватив горсть снега из-под ближайшего валуна и сжав ее в ладони. Снег приятно хрустнул под пальцами, напоминая о чем-то давно забытом.

– Вот он, – указал пастух на более высокий перевал, что виднелся между двумя вершинами на другом конце долины, почти напротив того места, где они стояли, – если поторопимся, до темноты можем успеть. Но придется прямо там и заночевать. Под перевалом есть пара мест, где можно разжечь костер и подогреть пищу. С козами мы ходили дольше, и часто там останавливались.

Тарас проследил за его жестом. По прямой расстояние было невелико. Но он отлично знал, что в горах никто по прямой не ходит. Им предстояло до темноты обойти краем всю долину, по заросшему лесом и кустарником склону. А это удовольствие не из самых приятных. Но война, есть война. «Зато нас там никто не ждет», – порадовал себя Тарас, хотя в глубине души почему-то шевельнулся червячок сомнения.

– Ты можешь возвращаться к месту привала, – отпустил проводника Тарас и, дождавшись, пока тот удалится на приличное расстояние, обернулся к стоявшему рядом илоту: – Разыщите периеков и скажите Никомену, чтобы он пришел сюда.

Не прошло и десяти минут, пока Тарас отдыхал, присев на валун и созерцая горную долину, как у него за спиной раздалось сопение двоих уставших людей. Все это время Тарас прислушивался к своему предчувствию, говорившему, что скоро это путешествие перестанет быть простой прогулкой на свежем воздухе.

– Никомен, – произнес Тарас, осмотревшись по сторонам и убедившись, что никто из спартанцев их не слышит, – ты видел кого-нибудь позади нас?

– Нет, хозяин, – ответил тот, отдышавшись и поправив замотанный в тряпки предмет за спиной, – за нами никто не увязался. Да и тропа так часто петляла и расходилась в стороны, что, не зная дороги, проследить за отрядом было невозможно.

– Хорошо, – кивнул Тарас, – ты и второй воин с гастралетами сейчас переместитесь в голову колонны и пойдете рядом со мной. Думаю, скоро вы оба мне очень пригодитесь. Можешь идти.

Никомед молча кивнул и отправился за вторым бойцом. Тарас, закончив осмотр местности, вернулся назад в сопровождении илота. Спартанцы уже достаточно отдохнули и занимались гимнастическими упражнениями. А Эгор с Архелоном вообще прыгали друг напротив друга и отрабатывали удары ногами в корпус, которым их научил Тарас, дав-таки друзьям обещанные уроки карате. Сидевший рядом Оффриад смотрел во все глаза и не мог понять, что за неприличные пляски исполняют эти двое спартиатов. Пастухи сидели в обнимку за кустарником и мило беседовали, разве что не целовались.

– Выступаем! – крикнул Тарас, нарушив эту идиллию, едва завидел бойцов с гастрфетами за спиной, приближавшихся к нему. – К вечеру мы должны быть у второго перевала.

Примерно пару километров тропа оставалась довольно широкой, хоть и петляла между валунов и деревьев. Потому Тарас даже перешел на легкий бег, заставив попотеть всех своих бойцов. Впрочем, никто кроме пастухов, на это не жаловался. Да и те, хоть измотались вконец, даже не пискнули, взглянув на суровое выражение лица командира эномотии, когда он разрешил наконец передохнуть уже почти под самым перевалом.

День к тому времени уже почти закончился. Солнце быстро падало за кромку скал, погружая весь греческий мир во тьму. И Гисандр, дав отряду пять минут отдышаться, приказал продолжить движение, чтобы разыскать еще до темноты одну из тех стоянок, о которых говорили пастухи.

К перевалу они все же успели в последних лучах заката. Но все стоянки оказались на другой стороне. И поэтому дальше шли уже почти в полной темноте. А когда преодолели сам перевал, то мрак был уже кромешным. К счастью, быстро стали зажигаться звезды, и появилась луна, слегка посеребрив вершины гор. Хотя спартамцам было абсолютно все равно, когда идти, днем или ночью. Все они еще хорошо помнили криптии, во время которых приходилось подолгу бродить по ночам с ножом в руке, в надежде найти и прирезать одиноко бредущего илота.

Перевал, особенно средняя часть седловины, оказался совсем узким. Это были, конечно, не Фермопилы, но кое-какое сходство имелось. Сквозь этот проход могло свободно пройти человек пять, не больше. А для коз вообще было раздолье.

– Здесь ты гонял своих коз, пастух? – уточнил Тарас у Лисия, что брел впереди вместе с Никомедом и Мегаклидом.

– Да, это и есть второй перевал, – подтвердил тот, – а ближайшая стоянка у горного ручья уже близко. Вон там, слева. Осталось пройти пару стадий по тропе, и мы услышим шум воды. Мы всегда здесь останавливались, чтобы напоить коз. Только надо двигаться осторожно, скоро начнется обрыв.

– А здесь неплохое место, чтобы построить еще одну стену, перегородив проход, – вслух подумал Тарас, подытожив свои наблюдения.

Он уже немного расслабился. Путь был почти пройден, скоро они устроятся на ночлег, разведут костры и поедят свежего мяса – Бриант по дороге убил горную козу и теперь тащил ее на себе. Но едва они поднялись на очередное возвышение, как увидели огни. На той самой стоянке, которую предрекал Лисий, уже горело несколько костров. Впрочем, умело укрытых камнями со всех сторон от постороннего взгляда. Если бы они не смотрели на них с самого верха, то возможно, и не разглядели бы эти всполохи даже в кромешной темноте. Те, кто их разжег, явно не хотели быть замеченными раньше времени.

– Стоять! – прошипел Тарас и замер на месте, присматриваясь к фигурам в длинных балахонах, бродивших вокруг костра. Их высокие тирары, бороды, луки и короткие копья не оставляли сомнений – персы!

Глава четвертая

Вакханалия

Путь до следующего пункта назначения, периекского городка Прасии, проходил вдоль по берегу моря. Оставив позади обширные угодья царя Леонида, немного поколебавшие веру Тараса во всеобщее равенство даже в Спарте, геронт и его сын некоторое время молчали, предаваясь созерцанию. Уж больно день был хорош. Песчано-желтые скалы, сквозь которые проходила великолепно вымощенная камнем дорога, поросли редкими деревцами с сочно-зеленой листвой. Лазурное море поблескивало под лучами солнца, навевая умиротворение. Глядя на все эти красоты, Тарас даже позабыл о цели поездки и под скрип телеги, которой теперь правил Панорм, стал предаваться сладостным воспоминаниям. А вспомнить хотелось

многое.

Перед свадьбой, хотя Тарас и был уже «заслуженным» воином, несмотря на свой возраст, папаша невесты решил устроить ему несколько испытаний, прежде чем отдать свою дочь. И Тарас не мог отказаться, – Автоний имел на это все отцовские права.

К счастью, все испытания, кроме некоторых, были на силу и ловкость. Сначала инструктор эфебов потребовал от Тараса метать копье на меткость и тяжелые камни на дальность. Эти состязания новоиспеченный спартиат выиграл с легкостью, оставив позади всех лучших эфебов Амикл, воспитанных будущим тестем.

Тогда уязвленный Автоний «предложил» ему подобно древним героям состязаться в беге с конем.

– На нем будет сидеть один из моих эфебов, – заявил Автоний, нервно поглаживая бороду, и указав на рослого парня. – Он проскачет три круга, а ты должен пробежать их быстрее.

Прежде чем ответить, Тарас помолчал. Он чувствовал себя немного уставшим: эти предсвадебные «олимпийские игры» в Амиклах слегка затянулись. Но Елена с любопытством наблюдала за ним из-за ограды стадиона, и он не мог ударить лицом в грязь.

– Выиграешь – ты победил, Гисандр, – добавил Автоний, хитро прищурившись, – а в случае проигрыша должен будешь вычистить конюшни на дальнем краю стадиона. А потом биться сразу с пятью моими лучшими эфебами на мечах.

«А тесть у меня не промах, – усмехнулся Тарас, поглядев на длинный сарай, где обитали местные лошади, которых в основном использовали на работах, а изредка для упражнений эфебов в ловкости, хотя конницы у спартанцев и не было, – просто так дочь не отдаст. Хорошо еще не заставляет биться со всей армией Аргоса. Ну, а с пятью пацанами я как-нибудь управлюсь, надо лишь обогнать этого вялого тяжеловоза».

Скользнув по скуластым лицам поджарых длинноволосых парней в серых гиматиях, шагнувших вперед по команде Автония, Тарас кивнул. Особого выбора у него не было. А качать права он не собирался – это было ниже достоинства настоящего спартамца.

– Давайте сюда вашего коня, – решил Тарас.

Автоний махнул рукой уже выбранному для этого состязания эфебу. Тот вскочил на коня без всякого седла, надал ему пятками и устремился во весь опор вдоль деревянной ограды стадиона. Тарас, отстав на несколько шагов, устремился за ним. Он бежал изо всех сил, да и подготовка имелаась. Не раз и не два Хрисид гонял свой лох по окрестным горам Пелланы с полной выкладкой. И Тарас выдерживал эти марш-броски, не жалуясь. Однако здесь ему все время приходилось догонять. Хотя на втором круге Тарас метров двадцать даже продержался впереди, но к третьему уже иссяк и, как ни старался, так и не смог догнать лошадь. Уж больно прыткой, на удивление, та оказалась.

«Ну, просто Геракл какой-то», – усмехался Тарас, разгребая чуть позже засохшее дерьмо деревянной лопатой, пока привязанные к крюкам лошади смотрели на него немигающим взглядом. На эту работу у него ушло почти два часа, вслед за чем он должен был драться сразу с пятью лучшими эфебами Автония.

Едва Тарас вышел из конюшен весь в соломе и провонявший лошадиными испражнениями, учитель фехтования – лучше бы он этого не делал – с ухмылкой напомнил ему об этом. К тому моменту, как Тарас закончил разгребать дерьмо, он был уже на взводе.

Первым же ударом рукояти затупленного меча в челюсть спартамец отправил в нокаут самого рослого из противников. Второго, отбив удар клинка сверху, «угостил» ударом ноги в пах, заставив надолго позабыть про женщин. Выронив меч и щит, парень выл, катаясь по траве. А Гисандр тем временем быстро расправился с остальными.

Третий эфеб чуть дальше, чем положено выставил вперед левую ногу и тут же получил мощный удар по колену, в котором что-то хрустнуло. Гисандр был очень зол и не заботился о том, как эти парни завтра будут «тащить службу». Пусть уж их учитель фехтования сам разбирается с педономом и начальником лагеря, раз решил подключить их к испытаниям жениха своей дочери. Потеряв все оружие, и этот достойный эфеб присоединился к своему

«однокласснику», уже валявшемуся на траве.

Оставалось двое самых стойких ребят, с которыми пришлось немного повозиться. Они нападали то попеременно, то разом, даже заставив Гисандра некоторое время отступать. Отбивая удары щитом и уклоняясь от них, Тарас выжидал момента, чтобы наказать кого-то из быстрых эфэбов за первую же ошибку. Но те ошибок не делали. В общем, это были достойные противники. И все же Тарас не мог позволить себе проиграть второе состязание подряд на глазах у молодой невесты, хотя оно и могло показаться несправедливым.

– Спартанцы не сдаются, – сплюнул он кровь из рассеченной губы, когда пропустил удар тупым мечом, едва не лишивший его глаза, и нанес ответный ногой в грудь раскрывшемуся противнику, – они либо побеждают...

Парень отлетел назад и, споткнувшись, рухнул навзничь, распластавшись на траве.

– ...либо умирают! – пригнувшись, Тарас крепко уперся ногами в землю, сгруппировался, пропустил просвистевший над головой меч последнего бойца и жестко принял его корпус на плечо. По инерции эфэб, задохнувшись от удара в солнечное сплетение, перелетел через Гисандра и упал позади него, выронив щит. Но тут же поднялся, выставив вперед меч, бешено вращая глазами и ловя ртом воздух.

– А ты крепкий парень, – удовлетворенно заметил спартиат, молниеносным движением вышибая меч из дрожащей руки и повторяя удар ногой в грудь.

– Ну, вот и конец испытаниям, – пробормотал он, убедившись, что эфэб лежит лицом вниз, и откинул носком сандалии в сторону скатившийся с головы противника шлем. Для верности Тарас бросил взгляд на Автония, наблюдавшего весь поединок, – не измыслил ли тот еще что-нибудь?

– Странно ты дерешься, – произнес будущий тесть, – но эффективно. Кто тебя научил?

– Один мастер, – туманно ответил Тарас и добавил, вспомнив удивление Эгора и Архелона, – из местных.

– Кто он? – уточнил Автоний. – Я его должен знать.

– Вряд ли, – напрягся Тарас, не желая продолжать этот разговор, – он учил меня в детстве и давно умер.

– Жаль, – нехотя отступил Автоний, – хороший был мастер, раз ты так запросто уложил пятерых моих лучших учеников, почти не используя меч. Можешь считать, что прошел испытания... родственник.

На этот раз по лицу бородатого крепыша Автония, скрестившего руки на груди, промелькнула настоящая улыбка, за которой не скрывалось никакого подвоха.

Окинув взглядом стонавших на поле битвы эфэбов и не найдя глазами Елену, Тарас устало кивнул, как будто речь шла о рядовом событии, и отошел к ручью, который тек на дальнем краю поля, чтобы омыть свою рану. Кровь уже почти запеклась, но губа была слегка надорвана. А попади эфэб чуть выше – иметь бы Елене одноглазого жениха.

Тарас перелез через ограждение. Раздвинув высокий, в рост человека, кустарник, который густо рос по обоим берегам и, зачерпнув ладонью воду, стал смывать кровь. Рана саднила и должна была еще некоторое время болеть, но Тараса отвлек от грустных размышлений внезапно раздавшийся голос.

– Ты храбро бился, воин, и теперь я принадлежу лишь тебе.

Тарас перестал скрестить свою губу и поднял глаза, – перед ним никого не было. На другом берегу ручья лишь колыхнулся кустарник, словно с ним заговорила речная нимфа и, едва сообщив приятную весть, скрылась в водах. Правда, голос у нимфы был очень знакомый. И Тарас некоторое время ждал, не сводя взгляда с противоположного берега, отделенного от него лишь парой метров. И дождался. Спустя мгновение из кустов появилась Елена, босая, в невесомой тунике и с распущенными волосами. Войдя в воду, она медленно направилась к нему. Глядя на это соблазнительное тело, обтянутое мокрой тканью, Тарас мгновенно позабыл все свои раны. Казалось, и кровь прекратила струиться из рассеченной губы.

Оказавшись рядом, она обвила его шею руками и приникла в поцелуе, нисколько не

смущаясь кровоточившей раной. Даже напротив, осторожно погладив ее нежной ладонью. Ответив на поцелуй, Тарас обхватил ее упругое тело и захотел обладать ею тут же, прямо на песке, не обращая внимания на то, что за спиной у него огромный стадион, а вокруг целый город. И не маленький, по здешним меркам. Правда место было тихое, и к стадиону примыкала роща, довольно густая, исполнявшая роль местного парка. А ближайшие дома горожан были лишь в нескольких сотнях метров.

– Я хочу быть с тобой прямо сейчас, – заявил Тарас, обшаривая пальцами все изгибы стана своей возлюбленной.

– Здесь нас могут увидеть, и отец еще не ушел с поля, – проговорила Елена, уже таявшая в руках Гисандра, однако, добавила, лукаво улыбнувшись: – Но победитель должен получить награду.

И она увлекла его сквозь ручей и кусты в рощу. Там, пробежав метров пятьдесят и отыскав укромный уголок, укрытый со всех сторон листвой, Тарас уже хотел повалить ее на траву, как девушка вдруг уперлась в его грудь рукой и указала на дерево. Поначалу нетерпеливый Тарас не понял, чего она хочет. Но, проследив за ее жестом, увидел раскидистое дерево неизвестной породы, похожее на иву. Ее широкий ствол буквально в двух метрах от земли расходился на несколько мощных почти горизонтальных веток. Таких, что, изогнувшись рядом, создавали природное ложе, укрытое от посторонних взглядов листвой.

– Ты хочешь заняться этим на дереве? – Тарас не ожидал такой игривости от скромной гимнастки.

– Это особое дерево, – почти серьезно произнесла Елена, – говорят, здесь обитает дух рощи и встречается на нем с нимфами. А иногда сюда заходит Дионис.

– Тогда не будем гневить духов, – сразу согласился Тарас, озираясь по сторонам, – давай побыстрее залезем на дерево и попробуем, пока не пришел Дионис. Или... еще кто-нибудь.

Он помог взобраться Елене на дерево и, пока она устраивалась там, сорвал с себя доспехи, бросил их прямо на траву вместе с мечом и вскарабкался следом. Такого в своей жизни он еще не делал. Конечно, кора немного царапала колени, а обнимать девушку, держась одной рукой за ствол, чтобы не свалиться вниз, было не очень удобно, но Тарас справился с этой нелегкой задачей. Спартанцы не отступают ни перед чем. Обвив его шею руками, обнаженная Елена стонала так, что Тарас уже начал переживать, не сбегутся ли на крики все местные духи или прохожие. Но обошлось. А второй раз он уже наловчился и проделал то же самое «без рук», крепко держась за набухшие груди и балансируя на сотрясавшихся ветвях. В общем, Дионис мог быть доволен.

Проводив Елену кружным путем домой, где, к счастью, Автония еще не было – видно, все еще занимался на стадионе со своими эфебами, – Тарас вновь повалил ее на лежанку и успел доставить девушке удовлетворение еще пару раз. Простились они окончательно разомлевшие, договорившись о скорой встрече. И тем же вечером Тарас отправился в свое имение, но по дороге заглянул к отцу, которого обещал навестить.

Геронт был дома и с удовольствием принял сына. Переночевав и набравшись сил, Тарас, впрочем, не сразу отбыл из окрестностей Спарты в дальнейшее путешествие. Ему помешало одно обстоятельство, вернее целых три.

– Что это с твоим лицом? – утром буднично поинтересовался Поликарх, привыкший за свою долгую жизнь к увечьям среди бойцов.

– Да так, – отмахнулся Тарас, выпивая воду из кувшина и поглаживая небольшой шрам на губе, – до свадьбы заживет. Обряд проходил.

– Ну и как? – усмехнулся мудрый геронт, прищурившись на солнце.

Они стояли на балконе, наблюдая за мирно работающими на полях илотами и обозревая окрестные пейзажи, в которых преобладал желто-золотистый цвет.

– Прошел, – подтвердил Тарас, – правда, для этого пришлось научить жизни пятерых эфэбов.

Про конюшни Тарас умолчал, ведь, в конце концов, он получил в тот день даже больше, чем рассчитывал.

– Я и не сомневался, – приобнял его за плечо геронт, – значит, скоро свадьба?

– Ну, да, – кивнул Тарас, вспоминая о том, что Елена хотела приурочить ее к первой неделе после очередного религиозного праздника. Не то Артемиды, не то Аполлона. Каждое из божеств носило у спартанцев сразу несколько эпитетов и считалось отдельной ипостасью бога, а потому и праздников было великое множество. До того праздника, за которым должна была последовать свадьба, оставалось уже немного. Буквально пару недель.

– А что, Гисандр, – вдруг сальным голосом проговорил геронт, проводив взглядом проходившую мимо сарая Хилониду, даже с корзиной на голове грациозно покачивающую бедрами, – не хочешь ли ты на последок поразмяться с нежными козочками? Ведь Елена, насколько я успел узнать ее, потом тебе спуска не даст. Она достойная партия и ее надо чтить, как жену.

«Похоже, папаша сам предлагает мне устроить мальчишник, – догадался Тарас, – неплохая идея. Да и не в двадцатом веке появилась, как я погляжу».

– Ну, мне, конечно, надо возвращаться в Пеллану, – не очень усердно стал возражать Тарас, – но на один денек я мог бы задержаться.

– Я все подготовлю, – взялся за дело геронт, ухмыльнувшись, – ты будешь доволен.

Он резко обернулся, собираясь спускаться по лестнице, однако, пройдя пару шагов, остановился.

– Но чтобы потом, Гисандр, ты вел себя достойно.

– Обещаю, – проговорил Тарас, которого уже захлестнули мысли отнюдь не платонического содержания, когда он заметил еще одну рабыню, немногим старше Хилониды, что склонилась в интересной позе на поле, выдергивая из земли какие-то овощи. Ее хитон натянулся, поднявшись вверх, оголив загорелые ляжки. А все остальное распавшееся воображение Тараса уже дорисовало.

Тем же вечером Поликарх, исчезнувший куда-то на полдня, сообщил Тарасу, что он может отправляться в известный ему сарай, где его ждет много приятного.

– Извини, не смог удержаться и проболтался, – заметил престарелый геронт с легкой завистью в голосе, – желаю отлично провести ночь. Все, что тебе нужно для этого, ты найдешь в сарае.

От предвкушения новой встречи с милашкой Хилонидой Тарас едва не возбудился уже по дороге. Но, проникнув в сумраке под крышу уже известного ему вдоль и поперек сарая, оторопел от увиденного. Старик геронт постарался на славу, чтобы насытить последние холостяцкие дни Гисандра плотскими утехами.

Присев на копну сена, его ожидали сразу пять обнаженных дев, среди которых была и Хилонида. Но ее еще девичьи груди терялись теперь на фоне куда более пышных форм длинноволосых гречанок. Скользнув взглядом по лицам, Тарас узнал только троих – это были рабыни «отца». А еще двух прелестниц ему, похоже, одолжил сосед. Разглядывая это буйство плоти, Тарас почувствовал, как за его спиной пробежал призрак Вакха.

– Одна жена хорошо, а две лучше, – пробормотал он, приближаясь, – ну а пять, вообще великолепно. И почему я не султан?

Гречанки воззрились на него, молча ожидая, кого он выберет первой. Присев между обнаженных дев, Тарас едва не опрокинул кувшин и плошки со снедью, вопреки всем спартанским законам, оказавшиеся здесь. Но тут же ухватился за эту возможность оттянуть выбор, неожиданно ставший для него проблемой.

– Хилонида, налей-ка вина, – попросил Тарас, чтобы иметь время справиться с охватившим его замешательством, а пока молодая прелестница выполняла его просьбу, ощутил горячее бедро сидевшей рядом пышной крестьянки с узким лицом и длинными черными волосами.

Не в силах сдержаться, он положил свою руку на ее бедро и провел по коже, гладкой как шелк. Девушка вздрогнула, словно от разряда тока, и слегка напряглась, осмелившись

поднять глаза на молодого хозяина. Это были глаза испуганной серны. Тарас некоторое время гладил рукой ее бедро, а потом запустил руку еще ниже. Затем быстро повалил ее на живот и пристроился сзади, обхватив упругие ягодицы.

– Эх, Хилонида, – пробормотал Тарас и вошел в уже готовую к соитию девушку.

А когда, немного подвигав бедрами, он со стоном закончил в первый раз, то, наконец, расслабился и с удовольствием выпил вина. После чего принялся за Хилониду, ничуть не расстроенную тем, что первой выбрали не ее.

«Нет, все-таки греки развратят кого угодно», – думал Тарас, когда прошел полный круг и отдыхал перед заходом на второй, с наслаждением барахтаясь между пяти потных тел. Эта ночь пролетела мгновенно и показалась ему очень короткой. А когда он, изможденный любовными играми, покидал вместе со своим гаремом на одну ночь сарай, ему вновь послышался смех Вакха. Но Тарас не стал обращать внимания на свои галлюцинации, ведь без этого греховодника здесь явно не обошлось.

Поспав до обеда, чтобы набраться сил, Тарас, наконец, облачился в свои доспехи и в сопровождении верного Этокла отправился в сторону Пелланы. Сладкие ночные воспоминания еще не успели выветриться из головы, когда он миновал Спарту и углубился в оливковую рощу. Вскоре позади послышался шум – стук копыт и скрип колесницы. Тарас обернулся, чтобы рассмотреть приближавшихся людей. Нечасто на этой дороге можно было увидеть такое средство передвижения для богатых, все чаще попадались крестьянские телеги или обычные повозки. В колесницах разъезжали лишь самые помпезные из спартанцев, что осуждалось остальными.

Не прошло и минуты, как с ним действительно поравнялась колесница, в которой стояла еще одна знакомая прелестница – та самая черноволосая бестия, что поборола Елену в первой же схватке и стала лучшей среди молодых спартанок на Гимнопедиях. Звали ее Гелона. Первое, о чем невольно вспомнил Тарас, это то, как она настойчиво терлась о его уставшее тело своими бедрами, вызывая желание во время парада победителей. Тогда он едва сдержался. А сейчас в нем возникло стойкое предчувствие, что неспроста она появилась на этой пустынной дороге. Похоже, кое-кто с небольшими рожками и хвостом, опять постарался.

– Здравствуй, Гисандр, – первой начала разговор воительница, иначе было и не назвать эту крупную девицу, затянутую вместо хитона в кожаную мужскую рубашку, которую обычно носили спартанцы под панцирем, – я еду по этой дороге в свое имение. Если нам по пути, то я могу подвезти тебя.

– Я не устал, – ответил Тарас, отклонив голову в шлеме немного назад и медленно осматривая ее прелести снизу вверх: девчонка была кровь с молоком, и первое, что он заметил, была необъятных размеров мускулистая и хорошо прокачанная физическими упражнениями попа, крепко державшаяся на мощных бедрах. Не зря Гелоне достался первый приз за борьбу. Все остальное тоже было на месте. Лицо у спартанки было красивое, яркое, выразительное. Но попа!

– Пожалуй, я проеду с тобой некоторое время, – сдался Тарас, запрыгивая в колесницу, откуда он бросил взгляд на Этокла, тащившего щит и копье, и сказал с нажимом:

– А ты пойдешь пешком следом за нами. До конца рощи. Но не слишком торопись.

Этокл молча поклонился, быстро уловив, к чему клонит хозяин. Гелона, словно всю жизнь ждала этого момента, хлестнула лошадей, и они быстро оставили медленно бредущего оруженосца позади. То, что оба они, едва встретившись, подумали об одном и том же, Тарас понял очень быстро. Буквально через пару минут. Стоило Этоклу исчезнуть из виду, и Гелона вновь повела себя как на Гимнопедиях – стала нежно прижиматься бедром. Да с каждым мгновением все плотнее, явно давая понять, что на этот раз Тараса ничто не спасет от ее желания. И хотя ехали они молча, разговоры были уже не нужны, оба все понимали без слов.

С Гелоной он совокупился прямо в лесу, едва мощнотелая красотка свернула с дороги и повозка остановилась среди деревьев. Эта сильная женщина за двадцать минут неистовой

страсти просто выпила из него все соки, заставив ублажать ее по-всякому. А потом скрылась в пыли, хлестнув лошадей, словно ее и не было.

«Пора заканчивать этот затянувшийся мальчишник, – решил боец, – а то, так и до животного опуститься недолго, если думать только промежуточно».

Спустя пару дней абсолютно изможденный Тарас добрался-таки до Пелланы, где сразу же был вызван лохагом на службу и принял участие в учебном сражении, а потом и марш-броске. Честно говоря, он был очень рад этому, так как времени и сил на женщин у него больше не оставалось. Хотя даже после дневного марш-броска он ощущал себя гораздо бодрее, чем после двадцати минут с Гелоной. Как он узнал спустя месяц, Гелона вышла замуж и теперь жила недалеко от Селласия. «Похоже, – усмехнувшись, поймал себя на мысли Тарас, – у нее тогда был девичник».

– Давай остановимся у ближайшего источника, отец, – предложил Тарас, неохотно возвращаясь из воспоминаний. Он случайно заметил вырубленную в скале нишу, где бил небольшой фонтанчик, – посидим немного, а то я устал трястись в этой колымаге.

– Ну что же, давай, – согласился Геронт, тоже размышлявший о чем-то своем. – Панорм, подвези нас вон к тому бассейну.

Через пару минут они омыли руки и лица, и, освежившись, присели на прохладные камни, что находились в тени нависавшей скалы.

– Скажи, отец, – вдруг спросил Тарас, глядя на блестящую перед ними морскую гладь, – а почему у нас нет флота? Ведь он мог бы стать столь же грозным оружием для врагов, как и наша армия.

– Так завещал нам Ликург, – ответил мудрый геронт, вытирая рукой мокрое лицо. – Спартамцам запрещено строить военные корабли и служить во флоте. Мы сильны своей армией.

– Да, наша армия лучшая во всей Греции, – кивнул Тарас. – Но ведь если бы у нас был флот, то мы могли бы стать вдвое сильнее. Ведь море омывает все наши берега. Да и добраться нашей армии до других враждебных полисов было бы гораздо легче.

– Ты осуждаешь наши традиции? – брови Поликарха поползли вверх.

– Нет, что ты, – поспешно добавил Тарас, – но ведь у афинян, наших главных врагов, есть и то, и другое. Иногда они оказывают нам сильное сопротивление на суше, но у них всегда есть возможность нанести нам удар в спину и высадить своих солдат на любом из наших берегов. А у нас нет таких возможностей.

– Не нам менять заветы Ликурга, – хмуро ответил геронт, но в его словах Тарас уловил нотки согласия. Похоже, старому геронту тоже не все нравилось в древних заветах, хотя он сам был их охранителем.

Поликарх встал, поправив гиматий, и сделал несколько шагов по направлению к повозке.

– Поторопимся, – сказал он, обернувшись к Гисандру, все еще отдыхавшему в тени небольшого грота. – Прасии уже близко, а нас ждут дела. Ведь ты еще не нашел мастера.

Глава пятая

Удар в спину

Приказав пастухам молчать и отойти обратно за перевал, быстрым движением Тарас надел на голову шлем, затянув ремешок.

– Бриант, копье! – произнес он громким шепотом.

– Кого ты увидел там? – поинтересовался Офриад, появляясь за его спиной вместе с остальными спартамцами. – Потерявшихся коз?

– Персы, – тихо проговорил Тарас, объясняя свои приготовления и указав на мерцавшие костры, – человек тридцать.

– Что же, – обрадовался предстоящей битве Офриад, – атакуем их. Нас десять бойцов, мы с ними легко справимся.

– Возможно, – ответил Тарас, взвешивая на руке копье, – но мы должны убедиться, что их не больше и что никто из них не уйдет живым, чтобы рассказать о том, что встретил нас здесь. Надо узнать, кто они, куда идут и как оказались здесь. Быть может, они заблудились и не подозревают о том, что это за тропа.

– А может быть, у них есть проводник из местных пастухов, как и у нас, – предположил Архелон, выглядывая из-за валуна, чтобы лучше рассмотреть персов, – который тоже знает о тропе.

– Так что же ты предлагаешь, – дернул плечом нетерпеливый Офриад, – ждать до утра?

– Нет, – успокоил его Тарас, – до рассвета мы ждать не будем. Ночь – наше время. И мы нападём. Но прежде дождемся, пока они улягутся спать. Мы убьём часовых, а затем переколем их во сне, как свиней.

Этот план Офриаду понравился.

– Что же, – сказал он, присаживаясь на камень, – ради этого я подожду. Ты хорошо придумал, Гисандр.

Остальные спартанцы тоже сели, спрятавшись за камнями, чтобы иметь возможность наблюдать за тропой, оставаясь невидимыми. Луна освещала лишь кромки скал, оставляя в проходе кромешный мрак. Тарас, в душе предпочитавший действовать силами своего обученного отряда, понимал, что удержать спартанцев от схватки с персами все же не удастся. А они ни за что не захотят драться в одном строю с илотами и косо посмотрят даже на периеков. В то же время он намеревался испытать в бою новое оружие – гастрифеты, которые били вдвое дальше луков. Из них можно было поражать одетых в доспехи персов даже отсюда, с места засады. Но Тарас решил все же выдвинуть стрелков вперед и приказал Никомеду и Мегаклиду подползти поближе к стоянке персов, откуда они должны будут контролировать тропу. А если кто из персов в одиночку направится в эту сторону, пропустить его, а потом тихо захватить в плен. Если же все будет спокойно, то ждать общего наступления и «валить» всех, оказавшихся в зоне досягаемости.

Когда два периека с гастрифетами за спиной и колчанами стрел на боках растворились во тьме, Тарас приказал остальным ожидать возле спартанцев, а затем подождал к себе илотов.

– Этокл и Бриант, вы должны ожидать здесь окончания драки и не вступать в нее, если дело не обернется совсем плохо, – заявил Тарас, – а затем один из вас, это будешь ты, Бриант, отправится вместе с пастухами по тропе назад и сообщит все царю Леониду. Даже если мы погибнем, он должен знать об этой тропе. И ты проведешь его сюда.

Бриант кивнул.

– А ты, Этокл, отойдешь к первому перевалу и будешь ждать прибытия спартанцев. Если же персы пойдут вперед, то вернешься в лагерь вслед за Бриантом.

Этокл тоже молча кивнул.

– И еще, Бриант, – Тарас понизил до шепота и без того тихий голос, – эти пастухи... они слишком много знают. Так что, в случае нашей смерти, должен остаться только один человек, кто помнит, как отыскать эту тропу.

– Я все понял, господин, – пробормотал Бриант, – у меня хватит силы и ловкости.

– Не сомневаюсь, – подтвердил Тарас, внезапно ощутив, как и в его характер по капле просочилось спартанское вероломство, – ведь не зря же я тебя учил два года.

Отдав все необходимые распоряжения, Тарас вновь вернулся к самой крайней скале, что почти перегораживала выход с перевала, и, встав рядом с Архелоном, посмотрел в сторону лагеря персов. Там уже погасли почти все огни. Тлело только три костра, в которых слуги поддерживали слабый огонь для обогрева. Ночью в горах не жарко. И подумав об этом, Тарас, раньше не замечавший прохлады от возбуждения, даже запахнулся в свой плащ.

– Они уже уснули, – поделился наблюдениями Архелон, – думаю, ты прав, их человек тридцать. И мы можем иметь успех, если нападём внезапно.

Тарас, присмотревшись к лагерю, согласился с Архелоном. Он сделал призывный жест, и тотчас рядом с ним бесшумно возникло десять силуэтов со щитами и копьями. Укрытые

плащами доспехи во тьме делали спартанцев почти невидимыми, лишь луна слегка серебрила покатые бока шлемов.

– Мы должны как можно быстрее пробиться через лагерь к дальнему концу стоянки, отрезать им путь к отступлению и гнать обратно наверх, к обрыву, – сообщил вводную Тарас. – Вперед, спартанцы!

Подняв копья и щиты, гоплиты побежали вперед, мягко ступая по камням своими сандалиями. Держась по двое на тропе, они обогнули несколько валунов, перекрывавших подъем на перевал, и устремились вниз. Тарас бежал первым, а позади него трусили Офриад и Эгор с Архелоном. Огни лагеря быстро приближались. Вскоре слева появился обрыв, откуда на Тараса пахнуло холодом бездны. Своих «арбалетчиков» он не видел, но это было только к лучшему. Значит, их не видели и враги.

Но вот когда до ближнего костра оставалось метров пятнадцать, и Тарас уже мог отчетливо разглядеть дремавших вокруг него персов, рядом вдруг выросла какая-то тень, поднявшись из-за валуна. Почуввав удар копья, нацеленный себе в грудь, Тарас переместил щит и отвел хлесткий удар в сторону. Наконечник персидского копья, звякнув, проскользнул мимо цели. Зато Тарас был точен. Коротким и мощным ответным ударом он пронзил легкий доспех воина и пинком ноги в грудь мертвецу освободил увязшее в теле древко. Чуть в стороне мелькнула еще одна тень, но ее обезвредил Офриад.

На то, чтобы разделаться с часовыми, ушло не больше пяти секунд, но звон ударов разбудил еще троих персов. Те вскочили со своих мест, начав что-то кричать и размахивать руками. Но тут из-за спины спартанцев раздался короткий шелестящий звук, и двое из них рухнули обратно, причем ближний воин упал прямо в костер. Прежде чем перепрыгнуть мертвеца, ноги которого уже лизали языки пламени, Тарас успел рассмотреть оперение короткой стрелы, торчавшей у того из груди.

«Молодцы, гастралетчики, – мысленно похвалил он, протыкая на ходу другого перса, который только попытался подняться, – вам бы еще приборы ночного видения, тогда и часовых сняли бы издалека».

Между тем спартиаты прорывались вперед, убивая в полумраке сонных персов одного за другим. Никто не ждал нападения и потому рейд удался на славу. Рвавшийся в бой Офриад отправил к богам уже троих. А Эгор с Архелоном каждый по двое. Но это были только те персы, кто оказался прямо на пути колонны. Остальные, а их еще было немало, успели прийти в себя и схватиться за оружие. Засвистели стрелы, и один спартанец упал, сраженный метким выстрелом в шею. Как успел заметить пронесившийся мимо Тарас, желавший как можно быстрее отрезать персам путь к отступлению, здесь были копейщики и лучники в длинных балахонах, но почти без доспехов. А кроме того, несколько слуг или проводников вообще без оружия.

«Легко вооруженный отряд, значит, не „Бессмертные“¹², – смекнул предводитель спартанцев, – отлично, меньше будет возни».

Пробив себе дорогу сквозь стоянку персов, спартанцы вскоре вновь оказались в кромешной темноте.

– Здесь никого нет! – крикнул Тарас, останавливаясь и озираясь по сторонам. – Мы пробились. Теперь назад!

Спартиаты немедленно развернулись на небольшом пятачке. Тропа здесь чуть расширялась, а камней было меньше. Выстроившись клином, острием которого был Тарас, и,

¹² «Бессмертные», – телохранители царя, элитный отряд тяжеловооруженных персидских войск, которым командовал военачальник Гидарн. Этот отряд состоял из 10 000 пехотинцев-копейщиков, 1000 алебардистов и 1000 конных телохранителей. В него также входили боевые колесницы.

«Бессмертными» этих солдат называли потому, что число пехотинцев всегда поддерживалось на уровне 10 000 человек, не больше и не меньше. Если погибал один, его тут же заменял другой. Согласно хроникам, именно «бессмертные» с самим Гидарном во главе были посланы по горной тропе в обход спартанцев Леонида, державших Фермопилы.

прикрывая друг друга щитами, девять воинов устремились наверх. На сей раз их встретил град стрел, персы успели опомниться, но лучники здесь оказались плохие, да и темнота до поры скрывала спартиатов. А потому большинство стрел, отбарабанив по щитам, осыпалось на тропу, а остальные ушли в перелет над головами воинов.

Однако вскоре персы, поняв, что их атакует не вся спартанская армия, а лишь горстка солдат, бросились на них с копьями наперевес. Числом, несмотря на потери, персы все еще превосходили спартанцев. Их было человек двадцать, двадцать пять, считая припавших на колено лучников. И эта небольшая лавина стремительно надвигалась. Кто-то из персов подбросил хвороста в костры, чтобы осветить место сражения. И теперь сами персы стали отчетливо видны, поскольку у них за спиной был огонь, а за спартанцами темнота.

Тарас этому только обрадовался. Когда перед ним возникло несколько бородатых персидских воинов в тиарах и с круглыми плетеными щитами, он чуть присел, крикнув:

– Коли!

Девять копий вылетело вперед и, ужалив врагов, оттянулось назад. Несколько персов упали замертво, еще двое были ранены, но наступавшие спартанцы тут же добились их. Остальные откатились назад беспорядочной толпой. Совершенно обезумевшие, они прыгали меж костров, но не бежали к перевалу, видимо, боясь, что и там их ждет засада. Сквозь прорези шлема Тарас увидел, как трое персов размахнулись и метнули свои копья. Но их движения были теперь хорошо видны, и спартанцы легко отразили щитами пущенные в них «снаряды». Однако и стрелы персидских лучников на сей раз были точнее. Один из спартанцев застонал, получив в бедро такой гостинец. Однако, стиснув зубы, двинулся дальше, подволакивая ногу.

Сам Тарас переступил через персидское копье, мгновение назад со звоном отскочившее от щита, и вдруг увидел, как один из воинов врага в богатом доспехе, похожий на военачальника, вдруг дернулся и повалился лицом вперед. Из его спины торчала короткая стрела. Чуть в стороне упал второй. А потом и третий. Еще один, заподозрив неладное, обернулся назад, и тут же из темноты прилетел пущенный из гастрфета болт¹³. Удар был такой силы, что пробил кожаный нагрудник перса насквозь и опрокинул воина навзничь. «А вот и снайперы заработали», – обрадовался Тарас, запрыгав по камням вверх. Остальные спартиаты устремились за ним.

Достигнув площадки с кострами, на которой ночевали персы, они застали там человек восемь и продолжали теснить оставшихся врагов к обрыву, все еще стараясь держать строй. А те, поняв это, предприняли новую яростную контратаку. Двое персов набросились на раненного стрелой спартанца. И один из них сумел всадить свое копье ему в бок. Увидев смерть друга, Офриад метнул свое копье в первого, «прошив» того насквозь, а затем подскочил к ближнему воину уже с мечом и вонзил его персу в живот.

– Умри, варвар! – зарычал ему в лицо Офриад, выдергивая окровавленный клинок, и ударом ноги столкнул смертельно раненного перса в пропасть. Тот с криком пропал в темноте.

Строй рассыпался на отдельные схватки, в которых ожесточенные воины Спарты добивали оставшихся врагов. Но персов уже охватила паника. Оставшись без командира, они побросали свои копья на землю, воздев руки к небу и желая сдаться на милость победителям, явившимся сюда из мрака, словно посланцы богов смерти. Но прежде чем Тарас принял решение, трое из шестерых, оставшихся на краю обрыва, были заколоты и сброшены вниз.

– Этих не трогать! – приказал Тарас, заметив, что Архелон и Офриад уже занесли над обреченными свои разящие копья. – Я хочу с ними поговорить перед смертью.

Повинуясь, спартанцы согнали трех оставшихся персов к ближайшему костру и, оставив их под охраной Эгора и Архелона, отправились добивать раненых врагов. То тут, то там еще некоторое время раздавались предсмертные хрипы.

¹³ Арбалетные стрелы называют болтами.

Опустив острие окровавленного копья вниз, Тарас остановился напротив пленников, изучая их лица и одежду. Два рослых и бородатых бойца были легко вооруженными воинами. Их кожаные панцири с нашитыми металлическими кольцами были в нескольких местах порваны скользящими ударами спартанских копий. Оба перса были ранены, но не смертельно. Свои тиары они потеряли в бою, и сейчас их длинные волосы развевал горный ветер. В глазах этих поверженных бойцов Тарас прочитал страх. Они уже были сломлены. Третий же пленник был явно греком. Молодой парень, лет двадцати, был одет в гиматий и сандалии, как одевалось большинство людей по эту сторону Геллеспонта. «Значит, это проводник из местных, – решил Тарас, – это хорошо, он может многое прояснить».

– Ты кто такой? – спросил Тарас и подвел острие своего окровавленного копья прямо к лицу пленного грека.

Видимо, спартанец, на медном шлеме и щите которого играли отсветы костра, выглядел достаточно грозно, потому что парень вздрогнул и повалился перед ним на камни. Он стал ползать и целовать его сандалии, стараясь обхватить их руками. Но Тарас ударом ноги отбросил его в сторону.

– Не заставляй меня напрасно тратить слова, – произнес он, – если хочешь прожить еще мгновение.

– Меня зовут Эпиальт, – пробормотал грек, съежившись. – Я малиец, пастух.

– Эпиальт? – переспросил Тарас, нахмурившись. – Отчего-то мне знакомо твое имя¹⁴. Кто эти люди?

– Это кассии из отряда Анафа. Они силой захватили меня в долине и заставляли служить им проводником.

Тарас присмотрелся к пленнику внимательнее и понял, что тот врет. Скорее всего, персы обошлись с ним милостиво. Быть может, даже заплатили ему. Как он слышал от перебежчиков, персы убивали не всех, а ко многим покоренным народам относились вполне «по-человечески», желая вызывать лояльность у новых подданных персидской империи. Ведь царь Ксеркс уже видел эти земли своими.

– Это простые воины или военачальники? – уточнил Тарас, оставив пока эти мысли при себе и кивнув в сторону персов. Те, поняв, что речь идет о них, насторожились.

Проводник поискал глазами и, указав на мертвого перса, из спины которого торчала стрела, пробормотал:

– Вот их командир, а это простые воины.

Тарас колебался недолго. Подозвав жестом появившихся из тьмы периеков, тех, что были с мечами, он приказал:

– Снимите с них доспехи и отдайте Этоклу с Бриантом, они ждут на другом краю перевала. Скажите, что я отменяю прежнее поручение и приказываю им переодеться персами.

– А что с ними делать потом, господин Гисандр? – осведомился Гиппоклид, кивнув в сторону персов.

– Они мне не нужны, – ответил Тарас, – но сделайте это так, чтобы на тропе не осталось следов. А потом сбросьте их в пропасть.

Когда периеки уволокли почти не сопротивлявшихся персов, Тарас вновь вернулся к пленному греку.

– Куда ты их вел? – спросил Тарас, боясь услышать ответ. Но то, что он услышал, скорее, обрадовало его, чем насторожило.

– Я вел их в Дориду¹⁵, но по дороге мы заблудились. Я ведь плохо знаю эти горы и ошибся перевалом, – от страха Эпиальт, догадавшийся, что больше он своих спутников не

¹⁴ Согласно Геродоту, персов в обход Фермопил провел малиец по имени Эпиальт.

¹⁵ Дорида находится гораздо западнее Фермопил.

увидит, не мог остановиться, – но когда понял, что совершил ошибку, ничего не сказал им из страха, а предложил заночевать. Тут появились вы.

– Значит, ты не знаешь, куда ведет эта тропа? – Тарас вперил пристальный взгляд в глаза пленника, опять поймав себя на мысли, что тот пытается скрыть от него правду.

– Точно не знаю, – замотал головой грек, подняв полные ужаса глаза на командира спартанцев, который вдруг вновь выбросил копье вперед и остановил его острие в миллиметре от шеи Эпиальта.

– Но кажется, – выдавил тот из себя, ощутив кадыком смертоносную сталь, – она ведет в Локриду.

Эти слова решили его судьбу. «Предавший единожды, сделает это снова, – пронеслось в мозгу Тараса, – а об этой тропе персы должны узнать как можно позже».

– Говори правду, ты вел этих солдат в Локриду или их ждут в другом месте? – спросил Тарас, за спиной которого уже выстроились вернувшиеся спартанцы. – И сколько идти до лагеря персов?

– Они должны были прибыть в Дориду, господин, где уже стоят кассии, через два дня, – торопливо пробормотал Эпиальт, – это последний отряд кассиев, который покинул большой лагерь.

«Значит, их там не хватятся еще несколько дней, – прикинул Тарас. – Это хорошо. Если, конечно, наш друг на этот раз сказал правду».

– А лагерь персов стоит всего в пяти стадиях от того места, где кончается эта тропа, – проговорил Эпиальт обреченно.

«Какая важная тропа, – еще раз отстраненно подумал Тарас, опуская копье, – на одном конце наш лагерь, на другом персидский».

– Извини, Эпиальт. Ничего личного, – закончил он допрос и повернулся к стоявшим позади спартанцам: – Сбросьте его в пропасть.

– Позволь, это сделаю я, – первым вызвался Оффриад и, схватив упиравшегося парня, потащил его к обрыву.

– Не скули, предатель, – прикрикнул он, пнув пленника. При этом из-за пояса у того выпал какой-то сверток. – Такие греки нам не нужны.

И не слушая вопли о прощении, столкнул Эпиальта во мрак.

Архелон, тоже видевший все, поднял тряпичный сверток с земли. Развернув его, он высыпал на ладонь несколько блеснувших в отсветах пламени монеток с изображением профиля богоподобного Ксеркса.

– Персидское золото, – усмехнулся Тарас и, повернувшись к Оффриаду, добавил: – Благодарю тебя, друг. Ты избавил нас от того, кто мог бы принести много зла Греции.

– Я всегда готов убивать врагов Греции, – заявил спартанец, подхватывая с земли свой щит. – Что прикажешь делать дальше, Гисандр?

– Похороните мертвых спартанцев за перевалом, а персов сбросьте вниз, чтобы не осталось следов, – приказал Тарас, обводя взглядом всех, кто стоял рядом, – и мы немедленно отправляемся дальше. Никомед, позови пастухов.

Когда рассвет окрасил небо в алый цвет, потерявший трех спартанцев отряд, уже почти спустился в долину. Вскоре тропа пошла круто вниз и стало ясно, что они приближаются к равнине. Тогда Тарас остановился, чтобы вновь допросить пастухов.

– Нет ли здесь какой-нибудь скалы, откуда можно понаблюдать за долиной, прежде чем спуститься туда? – спросил он у Лисия.

– Вон там, – указал пастух чуть в сторону, – через пару стадий тропа раздваивается и поворачивает в сторону Дориды. Она идет вверх и затем расширяется. В этом месте есть небольшое плато, где можно остановиться и осмотреть ближние склоны.

– Отлично, – согласился Тарас, – веди нас туда.

Как и предвещал Лисий, тропа разошлась на две и стала круто забираться влево и вверх, отклоняясь от основного маршрута. Перед тем как, устремиться по ней, Тарас бросил взгляд на развилку, подумав, не оставить ли здесь половину людей, ведь персы могли снова

«заблудиться» и случайно пройти в тыл отряду Гисандра. Но передумал, ограничившись тем, что оставил на возвышении двоих гастрафетчиков.

– Даже если увидите персов, в бой не ввязываться, – предупредил он своих людей, отправляясь наверх, – только если они решат подняться вслед за нами.

Те кивнули, пристраиваясь за камнями со своим смертоносным оружием, покосившим почти десяток персов в ночной схватке.

Плато спартанцы отыскивали довольно быстро. Оказавшись на его краю, Тарас невооруженным глазом увидел в дальнем конце долины огромный лагерь персидской армии, окруженный частоколом с башнями и воротами. Лагерь был огромен и хорошо различим, хотя находился даже не в этой узкой, а в соседней обширной долине. Он светился изнутри тысячами костров и чем-то он напомнил Тарасу стандартный лагерь римского легиона. Во всяком случае, люди, придумавшие это сооружение, неплохо защищавшее армию посреди вражеских земель, были отнюдь не дураками. Греки, к слову, ничего такого не строили даже в дальних походах.

«Видно, мы еще не сталкивались с настоящими персами, – подумал Тарас, разглядывая издалека боевую мощь противника, – даже не видели этих „Бессмертных“. А ведь есть еще огромный флот, на котором Ксеркс может запросто перебросить мощную армию куда угодно. Хотя бы нам в тыл. И остается лишь надеяться, что афиняне их остановят».

Вокруг лагеря в предрассветной мгле сновали разъезды персидской конницы. Казалось, что там вообще никто не спал даже ночью. Приглядевшись к клубам пыли на боковой дороге, Тарас заметил отряд боевых колесниц, покинувших лагерь и устремившихся куда-то на север. Вслед за ним в противоположном направлении, скорее всего к Фермопилам, направился многочисленный отряд копейщиков, которые шли, опустив копья острием к земле. Звуки из лагеря персов, конечно, сюда не долетали. Но Тарас мог себе представить, какой там стоял гвалт. Здесь собрались десятки тысяч солдат со всей Азии, Персиды, Сирии и даже Египта.

– Говорят, у персов есть даже слоны, – нарушил тишину Эгор, так же как все молча созерцавший лагерь персов.

– А кто это? – не понял его Офриад, мало интересовавшийся чем-либо, кроме искусства войны.

– Это огромные животные с клыками длиннее твоего копья, – пояснил Тарас, немного удивленный, откуда его друг знает про слонов, которых в Греции отродясь никто не видал, – но их не стоит бояться. В горах они почти бесполезны, а на равнину мы персов не пропустим. К тому же они не выносят горящих стрел.

Тарас отвернулся от лагеря. Они видел все, что нужно для первого раза. Пора было уходить обратно. Но в том, что скоро он сюда вернется, Тарас ни секунды не сомневался.

Глава шестая

Эпидавр-Лимера

В Прасии они прибыли вечером, и все произошло почти по той же программе, как и в Тиресе. Те же чиновники от общины периеков показали им арсеналы с готовым оружием – щитами, копьями, мечами, – а затем провели в кузницы. Поговорив с мастерами, Тарас опять остался недоволен. Местные периеки вопросов задавали меньше, чем Сфетон из Тираса, но показались ему и менее толковыми. Да и многие осмотренные копья были не лучшего качества, и геронт забраковал их, приказав изготовить новые. По той же причине, даже обсудив чертеж, Тарас не решился разместить свой заказ именно здесь. К счастью, разговор тоже состоялся вечером, и Тарас предложил отцу, не мешкая, покинуть утром этот город. Что они и сделали.

Затем два дня они тряслись в повозке до следующего города периеков Кифанты, остановившись на ночлег в имении старого друга отца по имени Меандрий. Этот Меандрий тоже был геронтом, а его клер очень удачно для путников находился как раз между двумя

городами.

– Он будет рад меня видеть, – уверил сына Поликарх, – в молодости мы с ним вместе немало повоевали с Аргосом и Аркадией.

– Ну что же, давай, навестим твоего старого друга, – согласился Тарас, едва не добавив «фронтового». Тем более что у него самого знакомых в этих краях не было. А с постоянными дворами в Спарте дело обстояло из рук вон плохо.

Геронт Меандрий, поджарый спартанец с морщинистым лицом, действительно принял их радушно.

– Крепкого бойца ты вырастил, Поликарх, – проговорил Меандрий, бесцеремонно осмотрев стоявшего перед ним гоплита, – а ведь я помню его еще совсем юным эфебом лет десяти. Он сильно изменился с тех пор.

Услышав об этом, Тарас по привычке напрягся, но Меандрий не стал копаться в его родословной, в просто поверил, что перед ним тот самый Гисандр.

– Да, он возмужал, – согласился Поликарх, – и выиграл Гимнопедии, став лучшим борцом Спарты.

– Это я знаю, – кивнул Меандрий, – ты можешь гордиться своим сыном.

– Ты тоже, – похвалил его в ответ Поликарх, – ведь твой сын погиб как герой в битве с аргивцами.

– Это так, – подтвердил Меандрий, ничуть не расстроившись от этих воспоминаний, – он умер, не опозорив Лакедемон и своих родителей. Так что я выполнил свой долг, как и ты, воспитав хорошего бойца.

Сразу по приезду Меандрий отвел гостей на сесситии в ближайшую деревню, где и сам столовался. Там, сидя за длинным столом под сенью дикого винограда – в этой деревне не было специального здания для сесситий и ели прямо на улице, – измученные дорогой путники хорошенько отдохнули. Отведав черной похлебки, к которой желудок молодого спартиата уже привык, Тарас ел козий сыр с черствым хлебом и оливками, запивая все это молодым слабеньким вином. А старики вообще к вину не притронулись, предпочитая ему обычную воду. Впрочем, Тарас уже привык, что здесь встречи «однополчан» не сопровождались обильными возлияниями. Обычно старшие силой заставляли напиваться только своих илотов, чтобы показать молодежи, что пьянство это страшное зло, за которое стоит убивать. Что и делали, убивая затем в назидание пьяных илотов.

Впрочем, пить вино полноправным спартиатом не возбранялось. Но при таких порядках сильно «закладывать за воротник» никто не стремился. Вот и Тарас, поглядывая на садившееся солнце, осторожно потягивал слабенькое винцо и молчал, больше слушая разговоры местных спартанцев. Зато два геронта, едва встретившись, долго обсуждали какие-то только им интересные темы, совершенно позабыв о главном достоинстве спартанцев – лаконичности. А обсудив все, отправились в имение Меандрия на ночлег.

Утром друзья расстались, договорившись встретиться на следующем собрании герусии, и Тарас с отцом отправились дальше.

Следующий город периеков они увидели издалека, едва солнце стало клониться к закату. Кифанта располагалась у подножия огромного мыса, венчавшего обширную гавань. Наблюдая все это из повозки, колесившей по дороге вдоль берега моря, Тарас вновь задумался насчет флота и вдруг увидел парус. Самую настоящую триеру, что направлялась к пристани Кифанты, у которой спартанец заметил лишь один корабль, видимо торговый, и несколько лодок. Хотя при желании в этой гавани можно было разместить целый флот триер.

– Отсюда мы тоже отправляем корабли, отец? – поинтересовался Тарас, заинтригованный так редко виденным зрелищем.

– Кифанта – один из главных портов, через который мы иногда получаем товары из-за границы, – просветил сына геронт, проследив за его взглядом и тоже заметив корабль, – есть еще Заракс, чуть дальше на этом побережье. А за ним Эпидавр-Лимера. А товары и сырье, что привозят с западных окраин моря и Сицилии, поступают в наши мессенские порты Метону и Пилос.

– Значит, торговля все-таки идет? – уточнил Тарас, услышав, что минимум четыре порта принимают корабли, и пристально взглянув на отца, который словно что-то не договаривал.

– В Спарте нет торговли, Гисандр, – отрезал геронт, – я уже говорил тебе, что иногда мы меняем наш хлеб и оружие на кое-какие товары, нужные для ведения войны. И все. Ты слишком назойлив для простого воина.

– Ясно, – кивнул Тарас, решив больше не раздражать геронта своими расспросами, однако тут же добавил: – Но, кажется, ты забыл, что Леонид назначил меня проксеном.

– Проксен обязан принимать у себя иностранцев, которых отправит к нему царь, – отчеканил геронт, – а не лезть не в свое дело.

Тарас надолго замолчал. Похоже, он влез в дебри международной политики, о которой геронт не хотел особенно распространяться. А тем более признавать, что Спарта нуждалась во многих товарах и закупала их за границей. Хотя при желании могла все производить на своей земле, богатой хлебом, рудой и другими полезными ископаемыми. Но заветы Ликурга уже не одну сотню лет предписывали ей этим не заниматься. Впрочем, несмотря на экономическую отсталость от плисов, где торговля не возбранялась, – чего не мог не заметить Тарас, даже побывав лишь в соседнем Аргосе и Кинурии во время войны, и, конечно, наслышанный об Афинах, – только Спарта могла похвастаться полным гражданским спокойствием. Здесь давно не бывало мятежей и народных восстаний, регулярно сотрясавших соседние государства. Правда, что за этим стояло, Тарас узнал, лишь оказавшись среди спартанских агел и поучаствовав в ежегодных криптиях. Регулярные кровопускания илотам делали свое дело. Тотальный террор вошел в привычку и стал частью жизни граждан Лакедемона. Зато снаружи Спарта просто удивляла своей монолитностью и «спокойствием» масс.

– Послушай, а в этом городе производятся канаты для кораблей? – осмелился вновь побеспокоить Поликарха Тарас, у которого голова начала работать гораздо быстрее, едва он увидел оснащенный корабль, натолкнувший его на новую идею.

Это произошло, когда они уже встали на постой в доме одного из местных периекских чиновников, обязанных оказывать гостеприимство, и по сложившемуся порядку направились в местный арсенал.

Здание, где периеки хранили готовое оружие, по счастливому совпадению, было выстроено в Кифанте неподалеку от порта. Немного не дойдя до него, спартанцы остановились у берега, разглядывая вечернее море и корабль, который разгружали илоты. На этот раз они направились туда без сопровождения – здание находилось рядом, а местный чиновник уже побывал там и предупредил мастеров.

– Нет, – сообщил геронт нехотя, – мы привозим их морем из Аргоса. Правда, после недавней войны мы лишились этих поставок.

– И где теперь Спарта берет канаты? – не удержался Тарас.

– Канаты нам нужны лишь в небольших количествах, Гисандр, – скрипнул зубами геронт, – у Спарты нет флота, поэтому мы сейчас завозим их из Мегариды.

– А хранятся они здесь? – развивал мысль неумейный Тарас.

– Здесь, – насторожился геронт, не понимая еще, к чему клонит его сын, но уже начиная беспокоиться. После сообщения об оружии, которое может убивать вражеских солдат издалека да еще во множестве, Поликарх теперь был готов услышать от него что-нибудь более странное.

– Мы храним его вон там, у самого пирса, – подняв руку, геронт указал на приземистое здание складов из камня, которому был не страшен даже пожар.

– Можем ли мы изъять часть запаса, так чтобы никто не узнал? – поинтересовался Тарас как ни в чем не бывало. – Если повезет, отыщем здесь нужного мастера. Но гораздо больше для моих машин нужны канаты или хотя бы сырье для них. Может быть, мы позаимствуем его прямо на складе?

Пока геронт обдумывал это смелое предложение, Тарас добавил с ухмылкой, подлив

масла в огонь:

– Ведь каждый спартанец, по заветам Ликурга, может брать все у другого спартанца, если это необходимо. Так что, это не будет считаться кражей.

– Может, – кивнул геронт, закончив размышления, – но не на складе, за который я отвечаю.

– И что же делать отец? – нахмурился Тарас. – Ведь без них машины не будут стрелять, и мы не сможем остановить персов. Тогда придется искать других мастеров, что умеют плести канаты и сырье для их изготовления.

– Не нужно их искать, – решил, после недолгой внутренней борьбы геронт, – я найду для тебя все, что требуется. Пойдем.

И он направился прямо к пирсу, где стояла триера. Приближаясь к месту разгрузки корабля, Тарас заметил, что попадавшиеся навстречу илоты тащили на склад амфоры с чем-то текучим, но, судя по тянувшемуся за ними шлейфу смоляного запаха, это было не вино. Видимо, руководство Спарты обменивало свой хлеб еще на кое-какие товары.

Илоты перетаскивали все на берег довольно торопливо, стремясь выполнить работу до темноты, которая быстро сгущалась. На пирсе то и дело раздавались окрики спартанских надсмотрщиков.

У сходней стояло четверо гоплитов в полном вооружении. Поначалу они преградили дорогу путникам, но, увидев геронта в сопровождении воина, узнали его и пропустили обоих на борт без лишних расспросов. Видимо, отец Гисандра бывал здесь достаточно часто.

Пройдя меж тюков и бочек, которыми была завалена палуба, – что тоже не укрылось от любопытного взгляда Тараса, – прямо к капитану, геронт остановился. Загорелый и широкоплечий капитан распекал какого-то матроса, но, увидев рядом с собой спартанского геронта, сразу позабыл о нем. Мигот отправив подчиненного на какую-то работу, он весь расплылся в улыбке.

– Рад видеть вас в добром здравии, господин Поликарх, – поклонился капитан. – Довольны ли вы моей службой?

– Вполне, Оратид, вполне, – сказал геронт, – ты все привез вовремя, как мы и ждали. Спарта не забудет твоих усилий, а община периеков Кифанты получит от меня высокую оценку на следующем заседании герусии.

– Благодарю, – поклонился капитан.

Поликарх незаметно оглянулся по сторонам и сделал несколько шагов по палубе к борту, подальше от крутившихся рядом матросов. Капитан молчаливой тенью последовал за ним. «Что-то задумал, – промелькнуло в мозгу Тараса, удивленного все чаще проявлявшейся у старого геронта под его воздействием склонностью к авантюрам, – видно, мой папаша решил совершить что-то противозаконное, раз ведет себя так. Впрочем, все, что мы с ним задумали, без одобрения апеллы и герусии тоже противозаконно. Так что в случае неудачи могут лишиться головы обоих. Зато, если повезет...»

– Ты ведь должен завтра вновь отправиться в Мегариду, Оратид, – скорее сообщил, чем спросил Поликарх, не глядя в глаза капитану. Вместо этого геронт рассматривал быстро темневшую гладь волн.

– Это так, – склонил голову капитан.

– Ты покинешь ее чуть раньше и на обратном пути зайдешь в Коринф, – не повышая голоса, заявил геронт, все также изучая волны, – там ты купишь у торговцев три плеффа¹⁶ белого льна и пять медимнов¹⁷ папируса¹⁸. Все это ты привезешь сюда, но сгрузишь не на

¹⁶ Плефр – 29,6 м.

¹⁷ Медимн (аттический) – 52,2 л.

¹⁸ Согласно Геродоту, под папирусом здесь подразумевается кора (лыко) сирийского папируса, из которого изготавливали канаты. Впоследствии, когда жители ионийского побережья познакомились с писчим

складе, а у того дальнего пирса, где стоят лодки. Там тебя будут ждать мои люди, которых ты знаешь и которым ты все передашь.

Геронт медленно перевел взгляд на капитана.

– А сделав это, ты сразу забудешь обо всем, – елеиным голосом закончил геронт и спокойно посмотрел в глаза капитану, – а я забуду о твоих грехах.

Тарасу показалось, что во взгляде Поликарха блеснула сталь, а Оратид даже вздрогнул, хотя разговор был очень спокойный, иногда геронта можно было не расслышать из-за шума волн. Но капитан услышал все, что надо.

– Я все сделаю, – поклонился Оратид, и Тарасу показалось, что он явно недооценивает возможности своего отца. Геронт, как выяснилось, имел прямое отношение к флоту, о чем он до сих пор не догадывался, и мог отправить корабль в любую точку греческого побережья или еще дальше. А вот теперь даже рискнул своей карьерой на благо Спарты. И кроме того, его с капитаном объединяла какая-то тайна. Так, во всяком случае, показалось наблюдательному спартанцу. Похоже, геронт держал его на коротком поводке, играя на слабостях ради собственной выгоды.

«А моему папаше смекалки не занимать, – даже удивился Тарас, невольно присутствуя при этом разговоре, – не зря он стал политиком. У него неплохо получается управлять людьми».

– Осмелюсь сказать, господин, – заметил Оратид, бегло осмотревшись по сторонам, – немного белого льна я привез и сегодня. Вот он, в трех шагах от вас. Вы можете взять его уже сейчас.

– Не стоит, – отказался Поликарх, обернувшись в сторону тюков, один из которых был даже открыт, видимо, капитан проверял содержимое, – мы дождемся твоего возвращения. А этот груз пусть отправят на склад. Там его уже ждут.

Покрутившись в этом мире достаточно, Тарас уже был наслышан, что канаты изготавливают из волокон папируса и льна. Как выглядит папирус, Тарас более-менее понимал или думал, что понимал. Лен тоже представлял. Но почему Оратид и Поликарх называли его белым, не уразумел. Впрочем, когда разговор закончился, и капитан с геронтом направились обратно к сходням, Тарас из любопытства приблизился к открытому тюку. Запустив туда руку, он нащупал какие-то плоские упругие стебли, вернее волокно, явно выдержанное под грузом. А вынув руку, поднес ее к носу, почуяв до боли знакомый запах. Этот запах было ни с чем не спутать. С ним его впервые познакомил в прошлой жизни сержант Мамедов, предложив как-то раз после тяжелого дня на службе выкурить в туалете по беломорине со специальной начинкой. После того косяка рядовой десантник ощутил яркое чувство полета и единения с миром. Однако увлечься не стал. Не уважал Тарас наркоту, даже легкую. Наркота – это для дебилов, с убогим сознанием, которые сильно хотят его расширить. Для Тараса лучшего стимула, чем хороший спарринг, было не придумать. Он подхлестывал себя физической нагрузкой в тренажерном зале и мордобоем на ринге. А спортивные ребята с наркотой не дружат.

– Так вот значит, что такое белый лен, – ухмыльнулся Тарас, отряхивая руку и направляясь вслед за геронтом, что уже спускался по сходням, – обычная конопля. Интересно, кто-нибудь тут знает, что из нее можно не только канаты плести.

Отпустив Оратида, они направились в арсенал.

– Так он привезет все, что нам нужно и никому не проболтается? – задал вопрос Тарас, хотя ответ был очевиден.

– Капитан предан мне и сделает все, как надо, – сообщил ему геронт, – кроме того, партия столь мала, что если дело откроется, никто не заподозрит, для чего все это понадобилось. А когда все это прибудет в Кифанту, я переправлю сырье к тебе в имение. И

материалом из папируса в Египте, то и его также стали называть папирусом. А белый лен означал волокно произраставшего в Испании растения под названием *спартия* (*Spartium junceum*), то есть коноплю, из которой плели канаты карфагеняне.

останется только сплести из него то, что ты хочешь.

– Осталось еще найти того, кто изготовит мне приличные торсионы, – кивнул Тарас, не обратив внимания, что отец понял его не вполне.

Заходя в арсенал сквозь строй охранников, Тарас уже ощущал себя заговорщиком. Он даже удивился мысли, что спасти Спарту приходилось втайне ото всех спартанцев. Но иначе было никак. Слишком быстро должны были произойти изменения, а спартанцы очень не хотели менять своих обычаев. Это касалось и отношения к войне. Слишком долго им в головы вдалбливали, что драться можно только копьем и мечом. Ведь даже брать хорошо укрепленные города спартанцев не учили. Только биться в чистом поле в строю или один на один. Вот тут им не было равных. Но Тарас уже мечтал о том, как сделать свою новую родину еще сильнее. А это без изменения законов было невыполнимо. «Ладно, бог с ними, с законами, – решил Тарас, – для начала сделать бы, что задумал. Персов остановить, а там видно будет».

В арсеналах Кифанты все выглядело, как и везде, с одной лишь разницей – здесь Тарасу сразу понравилось. А поговорив с местными мастерами, он остался доволен. После долгих поисков задуманное дело начинало наконец получаться.

Всем процессом здесь командовали два периека с накачанными плечами, Поликрат и Еврон, давно привыкшие ворочать в огне тяжелые болванки, стуча по ним молотком. Впрочем, они выполняли самую главную, «тонкую» работу придания оружию нужной формы. А для всего остального у них в услужении находилась целая армия подмастерьев и просто рабов, занимавшихся черновой работой. Пообщавшись пять минут в задымленном помещении, они вышли на воздух. Причем в здешнем арсенале мастера выходили подышать прямо на берег моря, что было приятно. Здесь, под шум волн, медленно заползавших на прибрежные камни, Тарас извлек свою пластинку с чертежом из-под кирасы и предъявил ее периекам.

Взяв табличку, Поликрат внимательно изучил ее при свете трех факелов, торчавших из стены, презрительно хмыкнул, а затем передал Еврону. Потом оба о чем-то посоветовались в стороне и вернулись к «заказчику».

– Сделать можно, – не задавая лишних вопросов, проговорил кучерявый Еврон, вытирая черной от сажи рукой потное лицо, – тут много деревянных заготовок, но это мы найдем кому поручить. Есть толковые плотники, по лодкам работают.

– А металлические крепления сами выкуем, – добавил Поликрат, – держать будут крепко.

– Мне нужно, чтобы все было сделано очень крепко, – проговорил Тарас, поглядывая то на одного, то на другого мастера, – чтобы тройную нагрузку выдерживало. А деревянные балки не должны быть пересушены, а скорее наоборот. Гнулись, но не ломались.

– Тогда их надо пропитать, а потом... – начал было рассказывать технологию Еврон, но, прервав сам себя, махнул рукой, «мол, незачем заказчику знать лишнее». – Да все сделаем. К ближайшему празднику Артемиды будет готово.

Тарас даже своим ушам не поверил. И тут же захотел поручить этим сметливым ребятам все собрать и провести испытания. Но передумал. В первой конструкции могли быть огрехи, а понять это можно было только после проведения учебных стрельб. Да торсионы еще предстояло сплести, неизвестно еще, как тянуться будут. Так что лучше всего было делать все это уже на своей территории, в Пеллане или в имении геронта. «Лучше в Пеллане, – решил, поразмыслив, Тарас, – нечего к отцу привлекать лишнее внимание, и так пошел на преступление ради меня».

Тарас заказал им изготовить пока только одну метательную машину, да и то в разобранном состоянии. Конечно, мастера могли догадаться о том, что делают, но Тарас слабо в это верил. Ведь еще никто в греческом мире не производил ничего подобного. Так что они скорее могли принять это изделие за какую-то диковинную сельскохозяйственную машину, объединившую в себе телегу и лопату. Этакий комбайн за пятьсот лет до Рождества Христова.

Пока Поликрат, кликнув подмастерье с деревянной табличкой, аккуратно переносил на нее детали чертежа, Еврон деловито уточнил у геронта:

– Куда вам доставить все это, когда будет готово, господин Поликарх?

Тот взглянул на сына.

– Мы сами заберем, – ответил Тарас, вспомнив, что у отца здесь было немало должников, да и груз конопли с папирусом еще предстояло вывезти из того же порта.

– Отвезите все на склад у дальнего пирса, – подтвердил ход его мыслей геронт.

– А что делать с партией мечей для четырехсот гоплитов, – уточнил мастер, – она уже готова. Как и щиты. Все проверено лично мною.

– Их ты можешь доставить сразу в Спарту, Еврон, – милостиво разрешил геронт, – ты знаешь, кому надо сдать оружие.

– Конечно, – поклонился мастер, – завтра распоряжусь.

Когда дело было закончено, они вновь вернулись в «адское» помещение, где клубился дым. Проходя мимо одной из печей вслед за мастерами, Тарас едва не стал жертвой несчастного случая. Какой-то из подмастерьев плеснул в печь жидкость из небольшого сосуда, но она, вместо того чтобы потушить огонь, вдруг полыхнула, словно чистый бензин. Пламя вырвалось из печи, как из огнемета, обожгло самого парня, еще двух подмастерьев и лизнуло алый плащ Тараса, который тут же загорелся. Под вопли обожженных, Тарас закрутился на месте, стараясь затушить горевшую на нем одежду и отчаянно матерясь по-русски.

Рядом с ним тут же возник один из мастеров. Упав на колени, он вдруг заголосил.

– Это мой сын, – взмолился Еврон, решивший, что он немедленно заколет мечом виноватого, как обычно поступали скорые на расправу спартанцы, – простите его, господин. Он по неразумению перепутал воду и горючую смесь из Эпидавра, которой мы иногда поливаем металл, чтобы жаркий огонь быстрее разогрел ее. Он будет наказан. Я сам жестоко выпорю его прутьями. Так, что он не сможет встать с постели несколько дней.

Но Тарас и не думал сердиться, настолько он был поражен горючей жидкостью. Полыхнуло словно из хорошего огнемета. Лицо, глаза и кожа на руках были целы – он как раз в то мгновение отвернулся в другую сторону. Сами подмастерья пострадали гораздо больше. «Вот нам бы такую смесь для зарядов, – промелькнула в мозгу Тараса странная для этой ситуации мысль, – может, это и есть тот самый греческий огонь?»

Он сорвал с себя, наконец, тлеющие ошметки плаща, затоптав их, и перестал прыгать на одном месте. Оглядевшись, Тарас увидел, что геронт не пострадал, а обожженных пламенем уже утащили в другой конец задымленного зала.

– Успокойся, – приказал Тарас все еще стоявшему на коленях Еврону, – и встань. Я не буду наказывать ни твоего сына, ни тебя, если ты немедленно расскажешь мне, что это за смесь и кто ее изготовил.

– Ее придумал Темпей, господин, – заговорил удивленный поведением спартанца Еврон, осторожно вставая с колен, – большой знаток всяких снадобий и зелий. Он живет в Эпидавр-Лимере и влачит там жалкое существование.

– Что-то я ничего не слышал об этой горючей жидкости, – удивился в свою очередь геронт, приближаясь, – и раньше нигде не встречал ее в арсеналах Спарты, даже в самой Лимере, хотя бывал там не раз. И впервые вижу ее у тебя.

– Это потому, господин, – обернулся мастер к Поликарху, обрадованный, что спас сына от неминуемого наказания, – что Темпей находится не в чести у властителей города, за то, что много времени тратит на свое ремесло. И особенно за то, что однажды послушался их приказа не использовать свои зелья и вылечил неизлечимо больного вора-старика, приговоренного к долгой и мучительной смерти. Старик, едва выздоровев, был тогда заколот копьем, а Темпей за послушание изгнан из города и обитает в жалкой лачуге неподалеку. Никто не дает ему еды. И только я, поскольку знал его раньше, осмелился тайно взять у него эту смесь, очень полезную для нашего дела, едва узнал о ней. Он готовит ее для меня в небольших количествах, а я присылаю ему за это еду.

– Так вот от чего твои мечи всегда так хороши, – усмехнулся геронт.
– Далеко это? – спросил Тарас сразу обоих.
– До Эпидавр-Лимеры почти три дня пути, если не заезжать в Заракс, – просветил его геронт.
– Как разыскать там твоего знатока зелий? – вновь обратился к мастеру Тарас.
– Его лачугу вам покажет любой, – развел руками периек, – спросите лишь, где найти Темпея-врачевателя.
– Прощай, Еврон, – отрезал Тарас, и резко развернулся, направляясь к выходу, – не забудь выполнить работу в срок.
– Я все выполню, – прокричал счастливый Еврон вслед уже почти растаявшему в дыму гоплиту, – не беспокойтесь, господин Гисандр.
Оказавшись на пороге, Тарас с наслаждением вдохнул ночной воздух, напоенный ароматом моря, наполнив легкие кислородом. Рядом, закашлявшись, возник геронт.
– Отец, мы едем туда завтра же утром, – заявил Тарас.

Глава седьмая

Первый рейд

Закончив слушать сообщение, Леонид погрузился в раздумья, указав Тарасу на место у костра рядом с собой.

– Садись, Гисандр, ты заслужил хороший ужин, – и крикнул стоявшим неподалеку слугам: – Эй, принесите ему лучшего мяса!

Тарас сел, поблагодарив царя и приняв из рук мигом подскочившего периека сочный кусок баранины. Спартанцы неизменно стояли здесь уже четвертый день. А два последних дня не покидали Фермопил даже ночью – персы, доведенные до крайности упорством спартиатов, устроили натиск, но пробить оборону так и не смогли. Спартанцы отбили одну за другой семь атак. Лишь сегодня Леонид вновь позволил отвести свое небольшое, изможденное и недосчитавшееся сорока семи бойцов войско в тыл, чтобы дать ему небольшой отдых. Вместо себя он отправил туда семьсот пехотинцев из Аркадии, приказав держать стену еще сотне вооруженных периеков. Только заменив спартанцев такими силами, царь мог позволить себе небольшой отдых.

– Значит, тропа все-таки есть, – проговорил, наконец, Леонид, скользнув взглядом по знатым воинам, сидевшим рядом с ним у костра. Среди них вновь были Креонт и Алкмен. – И ты смог подобраться к лагерю?

– Не слишком близко, – ответил Тарас, который все же решился, спустившись на равнину пройти в сторону лагеря по предгорьям еще несколько километров. Однако затем персидские отряды стали попадаться слишком часто и он почел за благо вернуться в лагерь, чтобы сообщить о том, что уже знал.

– Но ты видел его, – произнес царь, – сколько там персов?

– Многие тысячи, мой царь, – сказал Тарас, – точнее я не мог разузнать. Но те огни, что мы видим отсюда, это лишь передовые отряды персидской армии. Главный лагерь стоит дальше. Он окружен стеной с башнями и воротами, словно город. А кроме того, отряды Ксеркса, которых проводник называл кассиями, уже обосновались в Дориде.

– Пока мы здесь, им не пройти, – уверенно заявил Леонид.

– Позволь сказать, царь, – подал голос Креонт. – Раз о тропе узнали мы, рано или поздно узнают персы. Надо немедленно послать большой отряд охранять обнаруженный проход.

– Мы пошлем туда фокидян, – согласился Леонид.

– А еще лучше построить там такую же стену, как и здесь, – подал мысль Алкивиад, – тогда даже с нашими силами мы сможем остановить наступление на двух путях сразу. И союзники перестанут отсиживаться за спинами спартанцев.

Леонид выслушал своего советника и посмотрел на Тараса.

– А ты что скажешь, Гисандр? – спросил царь, вперив в него пронзительный взгляд. – Только ты был там и видел эту тропу. Можно ли ее удержать так же, как Фермопилы, построив стену, ведь она гораздо шире.

Тарас не задержался с ответом, поскольку он думал об этом весь обратный путь.

– Это так, – сказал он, отложив кусок мяса на блюдо, что лежало прямо на камнях, – стену на втором перевале построить можно, и надо сделать это, не медля, пока там вновь не появились персы.

Тарас замолчал на мгновение.

– Позволь спросить, царь, – осторожно заговорил он вновь, решив прояснить свои сомнения, – а кто охраняет нас с моря? Не могут ли персы, отчаявшись пробиться здесь, постараться обойти нас и высадить своих солдат в тылу.

– На море их стерегут афиняне под командой Фемистокла, – ответил царь, – их флот стоит у мыса Артемисий, отделенном от нас лишь проливом. Но верховное командование принадлежит Спарте. Наш полемарх Эвривиад каждый день отправляет мне оттуда сообщения. С последним гонцом он прислал весть, что персидский флот, появившийся уже у этих берегов, пока не предпринял ни одной атаки. Но Эвривиад давно готов отразить его нападение в море.

Леонид обвел всех торжествующим взглядом, словно спартанцы уже победили всех врагов и на суше и на море.

– Но главное в том, что сегодня утром я принес жертву Зевсу и Мегистий помог мне истолковать ее. Скоро грянет буря, а значит, персы не смогут выйти из своей гавани. Боги Греции не оставят Спарту.

«Хорошо бы, – подумал Тарас, невольно обративший внимание на то, что ветер над Фермопилами действительно свежел. Луну то и дело заволакивало облаками, полными дождя. – А этот Мегистий, оказывается, может неплохо предсказывать погоду. Синоптик, черт бы его побрал. Главное, чтобы не напрогнозировал Леониду преждевременную смерть и то ладно. А с погодой мы как-нибудь разберемся. Впрочем, шторм нам только на руку. В такую погоду персы действительно из гавани носа не высунут. А мы тем временем будем действовать».

– Тогда мы должны немедленно напасть на персов, – сказал Тарас, едва царь закончил, и в свою очередь обвел взглядом знатных спартанцев.

Поймав на себе вопросительный взгляд Леонида, Тарас быстро пояснил:

– Вторую стену мы построить должны, – подтвердил он свои прежние слова, – но отсиживаться за ней не стоит. Пока персы не узнали о тропе, нужно немедленно нанести им удар в тыл. А лучше несколько ударов. Начать терзать их отряды на той земле, что они уже считают своей. Чтобы Ксеркс ни на один день не мог успокоиться даже в своем лагере, зная, что греки смогут его поразить и здесь.

– У меня не так много солдат, чтобы дать им бой на равнине, Гисандр, – охладил его пыл царь Леонид, – ты же сам говорил, что их десятки тысяч. Поэтому мы дождемся всей спартанской армии и лишь тогда перейдем к наступлению. Пока же будем держать оборону у Фермопил.

– А спартанцы здесь и не нужны, – заявил Тарас, но тут же осекся, поняв по нахмурившимся лицам знатных воинов, что сболтнул лишнего, – то есть я хотел сказать, что на такое дело можно послать наименее ценных солдат – периеков. Спартанцы должны остаться здесь, чтобы поддержать своим присутствием уверенность в победе среди союзников.

– Ты собираешься с отрядом периеков разбить всех персов? – удивился Креонт. – Ведь ты не хуже меня знаешь, Гисандр, что вооруженный периек в бою – это даже не половина спартанского гоплита.

– Зато их больше, – стоял на своем Тарас, ничуть не смутившись упреком в молодости, – целая тысяча без малого. А со спартанским командиром они представляют гораздо более сильное войско, чем те же фокийцы или локры.

– Твои слова не лишены смысла, Гисандр, – проговорил Леонид, помедлив, и добавил, не отрывая взгляда от костра: – Но периеки никогда не смогут биться так, как это делают спартиаты. Их этому не учили. И лучший пример тому, твой последний поход. Ты сам знаешь, что сделали десять человек вместе с тобой при встрече с целым отрядом персов. А что делали твои периеки в это время?

Тарас едва не ляпнул, что треть убитых персов на счету периеков, но решил пока не распространяться про имевшиеся у него в рукаве козыри в виде нескольких гастрарфетов. Всю персидскую армию с ними действительно не победишь. Тут нужно создавать целое соединение гастрарфетчиков, а до этого пока не дошло. У него в лагере имелось всего несколько штук, спрятанных в обозе. Да геронт Поликарх должен был подвезти еще не меньше дюжины, вместе с метательными машинами. Однако ни об отце, ни о приближении спартанской или афинской сухопутных армий пока ничего не было слышно. Праздник в честь Аполлона Карнейского в Спарте уже закончился, остальные греки завершили Олимпийские состязания, но никто не спешил на помощь передовым частям у Фермопил. Все по-прежнему выжидали. Более того, вчера их самовольно покинул небольшой отряд – двести человек из Флиунта. Решив, что здесь и без них неплохо справляются, жители этой небольшой области между Аркадией и Арголой отправились домой в Пелопоннес. И Тарас понимал, что за ними могут последовать и остальные. Если не из страха перед персами, то оттого, что спартанцы слишком хорошо бьются вместо них. Ведь Леонид лишь дважды позволил союзным войскам вступить в бой, не слишком полагаясь на их твердость. А план Тараса подразумевал задействовать в ближайшем будущем и союзников.

– И все же, мой царь, я прошу тебя разрешить мне, пока идет строительство стены, пробраться персам в тыл и уничтожить их как можно больше, – проговорил Тарас, – если ты пошлешь со мной даже треть спартанцев, то ослабнет оборона Фермопил, и вслед за трусами из Флиунта побегут остальные. Ведь многие из тех, кто пришел с нами из Пелопоннеса, хотят только одного – вернуться туда и защищать Истм, надеясь отсидеться за крепостной стеной. А значит, мы должны им показать, что не только хорошо защищаемся, но и побеждаем персов в их же логове.

Тарас сделал вдох и закончил свою речь:

– Дай мне только пятьсот периеков и, если я вернусь, не уничтожив в пять раз больше персов, то можешь меня казнить.

Леонид внимательно посмотрел на Тараса, качнул головой, словно разговаривал сам с собой, и, наконец, произнес.

– Хорошо. Пусть Гисандр делает, как сказал. Но периекам нужны командиры, а потому он возьмет с собой двадцать спартанских воинов.

Тарас кивнул. На это он был согласен, да и не ожидал ничего другого. Он рад был и тому, что спартанцев к нему прикомандировали всего двадцать человек. Впрочем, к нему ли? Ведь, по сути, речь шла о небольшой армии, а командовать ею мог только полемарх или как минимум более опытный воин, чем командир эномотии, – самого мелкого подразделения в спартанской армии. И теперь, когда тропа была разведана, царь мог поставить над ним любого спартанского военачальника. Тем более что все три сотни, явившиеся сюда, были отборными воинами, личной гвардией и почти каждый из них превосходил Гисандра своим опытом. Но Леонид рассудил по-своему.

– Ты возьмешь двадцать лучших воинов, – повторил царь, – и ты же будешь командовать ими, поскольку все старшие воины нужны мне здесь. Ведь здесь я уже четвертый день отражаю персов, а что выпадет тебе, известно только богам. Попроси их перед походом, чтобы они даровали тебе хорошую смерть, если мы больше не увидимся.

Тарас молча поклонился, признавая волю царя.

– Алкмен, прикажи послать немедленно всю тысячу фокидян и триста локров на обходную тропу. Пусть возводят стену и готовятся отразить персов, – продолжал отдавать приказания Леонид, – Гисандр тем же путем отправится к нашим врагам в тыл. А мы будем стоять здесь, пока не придет наша армия или пока мы все не ляжем костью. Решено. А

теперь поедим на славу и отдохнем. Ведь завтра нас вновь ждет веселый день. Быть может, последний.

Тарас, в который раз удивляясь нестигаемой воле посланцев Лакедемона, каждый день готовых отправиться на встречу с богами, ушел к себе в палатку. Завтра его тоже ждал «веселый день». Надо было тщательно подготовиться к походу в тыл. Ведь он при свидетелях вызвался нанести персам страшный урон, так что «за базар» придется отвечать. Спартанцы на войне шуток не понимали. Да Тарас и не шутил.

Утром, проводив спартиатов к Фермопилам, где огни вновь заняли место перед воротами, Тарас отправился к командиру периеков и сообщил им о предстоящем походе. Двадцать спартанских воинов, среди которых вновь были и его друзья Эгор с Архелоном, тоже были предупреждены, что за ними пришлют, едва будет все готово к выступлению. Отдав необходимые распоряжения, Тарас приказал своим периекам взять из обоза все имевшиеся гастрافеты и собраться у его палатки. Также он приказал вызвать туда Темпея, вместе со своими «снадобьями».

Периеки уже давно были в сборе. Закинув замотанные в мешковину гастрافеты за спины, все пятеро ожидали сигнала чуть в стороне от палатки. На каждого у них имелось по одному гастрфету и еще один лишний. Этот Тарас приказал взять Брианту, который по-прежнему вместе с Этоклом играл роль его оруженосца. А вскоре к месту сбора спецподразделения прибыл и специалист по зельям. На полусогнутых ногах он волочил на себе немалых размеров мешок, в котором что-то побрякивало.

– Сбегай в деревню, разыщи и приведи пастухов, – приказал Тарас Брианту, который уже имел с ними дело.

«Возьмем с собой этих педиков, – решил Тарас, вспомнив про Лисия со товарищи, – могут пригодиться с той стороны хребта. Дороги все же знают». А когда илот убежал в сторону Альпен, приказал Этоклу:

– Помоги Темпею с мешком, видишь, он еле двигается. Того и гляди, лишимся главного лекаря.

Широкоплечий Этокл легко подхватил мешок из рук тщедушного Темпея, и тот, лишившись ноши, выдохнул с облегчением. Распрямив плечи, Темпей доковылял до палатки и сел на плоский камень рядом с Тарасом.

– Все взял? – деловито уточнил Тарас, разглядывая высокого худощавого грека, которому на вид было лет тридцать.

Темпей молча кивнул, словно был не в силах раскрыть рот от усталости, хотя протащил мешок не больше тридцати метров.

Своим видом Темпей, одетый в серый оборванный гиматий, походил на еще не родившихся представителей кружка поэтов-парнасцев. В свои годы он уже был лысоват, но отсутствие волос на макушке компенсировалось густой бородой, которой он очень гордился. Выносливостью Темпей не отличался и даже немного прихрамывал на правую ногу, а на его левой руке не хватало мизинца – результат несчастного случая, приключившегося с ним очень давно.

При всем этом Темпей обладал очень живым характером и все время порывался заняться какой-нибудь деятельностью. Единственное, чего он не выносил, – это тяжелой физической работы и постоянных тренировок. А поскольку это было необходимой частью жизни спартиатов и вынужденных им служить периеков, то жизнь Темпея складывалась не очень весело.

– Горшки готовы? – вполголоса уточнил Тарас, когда Темпей наконец отдышался.

– Да, – проговорил тот, кивнув на мешок.

Речь шла о горшках с горючей смесью, которую изобрел Темпей пару лет назад. Этот состав был венцом его тайных исследований. Созданная в пещере отшельника смесь, которую он замешивал на какой-то смоле и темной жидкости, выступавшей из расщелин, отлично горела. Тому Тарас сам невольно стал свидетелем. Но к этому свойству по просьбе нового мецената и спонсора из Пелланы, Темпей, не прошло и трех месяцев, добавил новое

качество. С недавних пор закупоренная в глиняный сосуд и наглухо запечатанная смесь еще и взрывалась, разбрасывая черепки по окрестностям, едва догорал просмоленный фитиль. Правда, пока не очень сильно, но Темпей работал над качеством, и глухие взрывы гремели в горах Эпидавр-Лимеры все чаще.

Идею фитиля из веревки, кстати, алхимику ненароком подкинул сам меценат, глядя, как тот мучается со стеблями тростника, набивая их какой-то сушеной травой. Полученный эффект обрадовал обоих. Темпея как теоретика, поднявшегося на новый уровень знаний, который приблизил его к богам. А Тараса как организатора первого производства взрывчатых веществ в истории, на которые он очень рассчитывал в предстоящей войне.

– Этокл, сходи за спартиатами, – приказал Тарас, вставая.

А когда двадцать воинов, блестя доспехами, остановились вокруг палатки своего нового предводителя, опутив копья на землю, Тарас объявил:

– Мы выступаем немедленно. Но этот поход будет сильно отличаться от всех, в которых вам приходилось участвовать.

Дав секунд десять на то, чтобы его слушатели «впитали» информацию, он продолжил:

– Прежде всего, отправляясь в тыл к персам, вы должны знать, вряд ли нам придется воевать с ними открыто, выстроившись фалангой.

– Почему, Гисандр? – изумился один из спартанцев. – Ведь у нас пять сотен периеков, мы можем устроить настоящее сражение персам где-нибудь в узком месте в горах.

– Это так, но прежде всего мы постараемся пройти горы и спуститься на равнину как можно быстрее. Дальше на нашем пути тоже есть горы, где мы будем укрываться, – ответил он и закончил, обескуражив своих подчиненных, – но вместе мы будем недолго.

– Мы не понимаем тебя, Гисандр, – удивился даже Архелон.

– Нас двадцать человек, – принялся излагать свои новые взгляды на войну Тарас, – каждый из вас великолепный воин и такой же командир. Поэтому, выполняя волю царя Леонида, я разобью вас на четыре части и каждому дам отряд из сотни периеков. Пятьсот человек превратятся в пять отрядов, в каждом из которых будет по четыре командира из Спарты. А когда мы проберемся в тыл к персам, то каждый из этих отрядов получит свой приказ.

– Ты хочешь разделить нас? – изумился Оффриад, выступая вперед, словно Тарас чем-то оскорбил его. – Но спартанцы всегда сражаются вместе, в одном строю.

– Это так, Оффриад, – не стал спорить Тарас, приближаясь к нему, – но нас всего двадцать. Если мы будем биться с персами один на один, мы убьем, быть может, сотню персов. А командуя отрядами периеков, которые, словно ножи в спину, вопьются в тело персидской армии в разных местах, мы убьем гораздо больше. Не меньше тысячи или даже двух. Именно столько персидских мертвецов я обещал царю Леониду.

– Но если мы разделимся, Гисандр, нас убьют быстрее, чем мы сможем отправить к богам столько персов, – высказал свое мнение Эгор.

– Царь поверил мне и вам придется сделать то же, – проговорил Тарас, поглядывая на хмурое небо, которое было против обыкновения почти затянуто облаками, – я обещаю, что персов погибнет гораздо больше чем нас. Кроме того, спартанец всегда готов к встрече с богами. А когда вокруг вас будет множество персов, тем слаще будет этот миг. Не так ли, Оффриад?

Спартанец, что всегда рвался в бой первым, и на этот раз «не подвел» Тараса.

– Если ты обещаешь мне славную смерть в бою с персами, то я пойду за тобой, – кивнул он, наклонив голову в шлеме, – и поведу в тыл к персам свой отряд, хотя я и не могу понять тебя, Гисандр. Но слово царя закон, а он приказал тебе быть нашим командиром.

Закончив это «совещание», Тарас велел выстроиться всем периекам. Разбив их на пять отрядов по сотне, он определил в каждую сотню командиров из спартанцев, выбрав и среди них старшего. Оставшиеся трое должны были слушаться его во всем и заменить собой в случае гибели.

Себе в помощники он взял, конечно, Эгора, Архелона и еще одного спартанца, не

говоря уже о своих периеках-гастрафетчиках с илотами. Когда вернулся Бриант с пастухами, Тарас бросил взгляд на дорогу – не прибыл ли в лагерь мудрый Поликарх с обозом и оставшимися «спецназовцами», – и приказал выступать.

Пять периекских отрядов со своими спартанскими командирами устремились к Альпенам под удивленными взглядами остальных обитателей лагеря. Оттуда они выбрались на тропу, и, растянувшись по ней, стали взбираться вверх к перевалу. Еще на рассвете к нему же выступили фокидяне, которым предстояло начать работы по возведению стены.

Однако не успело войско Гисандра за время долгого подъема по козым тропам достичь первого перевала, как тучи сгустились и вскоре в небе загромыхали первые раскаты. А затем полился дождь, размывая путь. Вода извергалась с небес целыми водопадами, словно боги решили помешать планам Гисандра. Люди мгновенно вымокли, их одежда набухла, став тяжелой. Периеки, из которых двести человек были лучники, специально взятыми Тарасом в этот поход, с трудом пробирались между колючих кустов и постоянно падали, рискуя свалиться в пропасть. С окрестных склонов мгновенно потекли сотни мутных ручьев, рискуя быстро превратиться в настоящие реки, сметающие все на своем пути. Несколько раз до Тараса, шедшего во главе колонны, долетали душераздирающие крики. Видимо, кто-то все же сорвался в такую близкую пропасть под тяжестью своих доспехов. Даже спартанцы, чье оружие тащили на себе илоты, промокли до нитки и по несколько раз оступались, измазавшись в глине.

К счастью, гром грохотал над их головами всего минут двадцать, а затем внезапно прекратился. Но за это время отряд успел не досчитаться двенадцати человек.

– Плохое предзнаменование¹⁹, – поделился с Тарасом на привале своими опасениями Офриад, которому он поручил командование второй сотней. – Боги не хотят такой войны.

Тарас вытер лицо, по которому стекала струйками вода, и перевел взгляд со стоявшего перед ним спартанца на солнце, показавшееся из-за расходившихся облаков.

– Ты не правильно понял богов, Офриад, – уверил его Тарас, – ты видишь, что на небе после бури вновь засияло солнце? Это Зевс дает знак, чтобы укрепить нас. Он говорит, что, сколько бы ни было врагов на нашем пути, как туч на пути солнца, мы все равно победим их. Так что не стоит отчаиваться. Поднимай своих людей, мы идем дальше.

Офриад, внимательно выслушав тираду, которую произнес Тарас, поверил ему и ушел поднимать своих периеков, сушивших одежду под первыми лучами солнца. Как заметил Тарас, этот парень вообще с радостью верил всему, что позволяло ему не сворачивать с пути воина.

Однако хорошая погода продержалась недолго. Вскоре небо вновь затянуло тучами, но на этот раз пошел мелкий моросящий дождик. Прибыв к первому перевалу, Тарас обнаружил на нем патрули фокидян, сообщившие ему, что персы пока не появлялись, – уже был налажен обмен гонцами между ближним и дальним перевалами.

Дорога Тарасу была знакома, а время дорого. Каждый час похода гибли люди у Фермопил, и потому, несмотря на дождь, глубокой ночью отряды периеков из его экспедиционного корпуса уже достигли второго перевала.

Утром, наскоро перекусив в лагере фокидян, Тарас приказал выступать в сторону долины, занятой персами. На этот раз, в отличие от мрачного Офриада, он считал, что погода им действительно благоприятствует. После вчерашнего, весь день моросившего дождя, в низинах скопилось много влаги, и теперь там висел плотный туман. Гисандр пустил вперед пастухов, знавших эти тропы «на ощупь», и, пройдя весь путь от места последней стычки с персами до самого низа, довольно быстро и неожиданно для себя оказался в самой долине.

¹⁹ Спартанцы считались самыми богобоязненными, а в нашем понимании суеверными, людьми в Греции. Они верили в огромное количество всевозможных примет и предзнаменований, из которых самыми плохими считались затмения и землетрясения. Отправленное в поход войско могло вернуться из-под самых стен неприятельской крепости, если произошло одно из таких знамений. Впрочем, особо находчивые цари могли истолковывать эти знаменья в свою пользу, и продолжать войну, несмотря на плохие предзнаменования.

Здесь тоже висел густой туман. Осторожно отдалившись от горной гряды на несколько сотен метров – едва под ногами перестали шуршать камни и заскрипела мокрая трава, – отряд Гисандра столкнулся с какими-то призраками. Во всяком случае, это было первое, о чем подумал Тарас, увидев вынырнувшее из тумана чудовище.

Буквально в десяти метрах перед авангардом из копейщиков, вдруг показалась одна, а потом еще три странные фигуры. С виду они напоминали человеческие. Только правая половина у них была белой, растворяясь в тумане, а левая черной, отчего казалось, что перед тобой стоит призрак. Кроме того, верхняя часть этих существ была очень волосатой и пятнистой. Увидев греков, фигуры замерли, подняв вверх палки, что держали в руках, словно посохи, как бы преграждая путь повстречавшемуся на пути воинству.

«Это еще что за странствующие колдуны», – подумал Тарас, выхватывая меч. Так было все же спокойнее. Рядом замерли Эгор и Архелон. Но странные фигуры стояли недвижимо, и он продолжал нервно соображать, что же сейчас будет. Едва Тарас решил, что сейчас на них обрушатся проклятия призраков, как раздался вопль, и в первую шеренгу периеков из тумана полетели копьа. Несколько человек упало, пораженные мощным ударом в грудь. Увидев эту атаку, Тарас пришел в себя. Призраки копьями обычно не пользовались, значит, и этих можно было убить, кем бы они ни были.

– Вперед! – заорал он, сам бросаясь на ближнего «призрака» с мечом. – Атакуем!

Периеки по его команде устремились вперед. А тот, на кого он сам прыгнул, вдруг изогнулся и метнул в Тараса тяжелое копье. Отбив его щитом, который от столкновения завибрировал, словно отразил ядро, Тарас в три прыжка настиг его и сделал выпад. Поначалу лезвие рассекло лишь воздух – на том месте уже никого не было, – но Тарас решил во что бы то ни стало достать этого «призрака» и рубанул мечом несколько раз по едва заметной тени, мелькнувшей в стороне. Третий удар явно рассек чье-то тело, со стоном повалившееся на камни. Причем кожа была очень прочной, чего Тарас раньше за людьми не замечал. Но, остановившись над поверженным «призраком», он присмотрелся и понял, в чем дело. Перед ним лежал здоровенный негр, раскрашенный в боевые цвета. Вернее, одна часть его тела была намазана мелом, а другая чем-то похожим на сурик. На плечи была надета львиная шкура, а чуть в стороне валялся лук из пальмовых стеблей, оброненный во время падения.

– Это еще что за эфиоп?²⁰ – пробормотал он, рассматривая странного противника.

Удивлению Тараса не было предела, но, когда рядом остановился Архелон, который держал в руке, кроме своего, еще одно странного вида копье, оно только усилилось. Вместо наконечника к массивному древку был прикручен рог какого-то животного. Не то быка, не то антилопы.

Тарас в недоумении осмотрелся по сторонам. На миг ему показалась, что он перенесся в африканскую саванну и схлестнулся с дикарями, собравшимися поохотиться на слонов. Однако в стороне слышались крики еще не окончившейся схватки и они с Архелоном поспешили туда.

Когда туман немного рассеялся, они насчитали человек пятьдесят мертвых эфиопов, каким-то чудом оказавшиеся в горах центральной Греции. Все как один были вымазаны мелом и одеты в шкуры львов и барсов. С такими противниками Тарасу еще никогда не приходилось встречаться. Эфиопы были вообще без доспехов и казались легкой добычей. Однако после подсчета собственных потерь у него поубавилось оптимизма. Эти полуголые охотники уничтожили почти сорок периеков, одетых в прочные доспехи. Многие были убиты стрелами, сделанными из камышей. А раны от рогов антилопы по сравнению с «надрезами» греческих копий были просто изуверскими. Раненые периеки так стонали, что Эгор не выдержал и добил двоих ударом своего копьа, избавив разом от жизни и страданий.

²⁰ В персидское войско Ксерксом действительно были рекрутированы эфиопы из египетских владений. Они ходили в барсовых и львиных шкурах, а вооружены были луками из пальмовых стеблей и копьями из рога антилопы. Идя в бой, эфиопы окрашивали одну половину тела мелом, а другую суриком. Их предводителем был знатный перс Арсам.

– Интересно, что еще нам приготовил этот Ксеркс? – спросил, отрывая взгляд от мертвых африканцев, командир экспедиционного корпуса.

Между тем к месту необычного сражения подошли все сотни под командой спартанцев. Следовало двигаться дальше. Ведь они уже были на краю долины, где в любой момент могли появиться еще солдаты персидской армии. До лагеря было рукой подать, а встречаться раньше времени с конницей или колесницами Тарасу не хотелось.

– Спрячьте тела в овраг, – приказал он периекам и пояснил, обернувшись к стоявшим рядом спартанцам, – так их найдут чуть позже, а если нам повезет уйти подальше от этого места, то персы вообще не поймут, откуда мы пришли. Время работает против нас.

Глава восьмая **Алхимик**

В Эпидавр-Лимеры, расположенные в самом конце узкого залива, они прибыли на рассвете. Это был небольшой и уютный с виду город, если такое можно было сказать о спартанских городах, где все было подчинено войне и богам. Несколько зеленых рощ охватывало Эпидавр-Лимеры с севера и вклинивалось в постройки широкими полосами, разрезая город на большие ломти.

Повозка, которой управлял на сей раз Этокл, въехала в город и, по приказу Гисандра, остановилась у первой же лавки, едва поравнявшись с группой периеков, разгружавших со своей телеги глиняные кувшины прямо на землю.

– Эй, – подозвал одного из них Тарас, слезая с повозки, – где тут найти Темпея-врачевателя?

Периек не особенно учтиво воззрился на спартанского гоплита, как бы не понимая, зачем тому мог понадобиться столь отверженный человек. Но поскольку Тарас и не думал уходить без ответа, то пробормотал, выдавив из себя:

– Темпей живет вон за той горой, господин, – сказал он, махнув рукой в ту сторону, откуда приехали путники, – его пещера на лесном склоне, но к ней ведет тропа, которую хорошо видно с дороги.

Тарас обернулся в указанную сторону и заметил гору, мимо которой они недавно проезжали. С одной стороны она обрывалась в море, а с другой так густо поросла лесом, что Тарас не удивился бы, встретить он там дикого кабана. Ведь, пока они добрались в Эпидавр-Лимеры, им пришлось проехать километров десять по очень густому лесу. Таких лесов на севере Спарты было немного. А здесь, где заканчивались южные отроги Парнона²¹, лесные уголья оказались гораздо обширнее.

«Придется возвращаться», – подумал Тарас, и уже направился обратно к телеге, из которой на него смотрел немного утомленный дорогой геронт, но вдруг услышал за своей спиной голос.

– Не надо ездить к нему, господин, – предупредил периек, округлив глаза, – на нем лежит проклятие. Люди говорят, что видели огонь, несколько раз вырывавшийся из пещеры Темпея, и духов, что часто приходят к нему из подземного царства. Все, кто живет в Эпидавр-Лимере, обходят это проклятое место стороной. Недаром старейшины изгнали его из города.

– Огонь? – уточнил Тарас, ничуть не заинтересовавшись духами подземного царства. – Значит, нам именно туда.

Периек, услышав эти слова, уставился на него немигающим взглядом, как на полоумного. Но Тарас не снизошел до объяснений.

– А ведь говорят, – в тон периеку сказал Тарас, – что он вылечил многих своими снадобьями. Так ли это?

²¹ Центральная часть Спарты с долиной Эвроты лежит между двумя хребтами Тайгетом и Парноном.

– Это все колдовские снадобья, – злобно заявил периек, – они забирают у человека разум. Так говорят старейшины. Они даже хотят казнить его!

«Видно, твои горшки пользуются гораздо меньшей популярностью, чем его снадобья, – подумал Тарас, – а этого алхимика, похоже, надо увезти от греха подальше. А то, не ровен час, и, правда, распнут за любовь к науке».

– Ты можешь идти, – разрешил он, а когда гончар исчез в своей лавке, вернулся к телеге.

– Мы немного промахнулись, отец, – сообщил он, присаживаясь на край телеги, – тот, кто нам нужен, живет вон за той горой.

– Поворачивай, Этокл, – приказал геронт.

Спустя минут сорок они вернулись до указанной развилки, на которую часом раньше не обратили никакого внимания. Лес как лес. Дальше в келью «отшельника поневоле» вела только узкая тропа между деревьев и высоких кустов. Тарас спрыгнул с телеги на пустынную лесную дорогу, осмотрелся и надел шлем – в духов из подземного царства он пока не верил, но мало ли что тут водится. Щит, впрочем, оставил в телеге. А копье взял. Вместе с мечом, что висел на поясе, это оружие могло послужить ему достаточной защитой при встрече с дикими зверями.

Оставив в телеге Панорма, Гисандр, Этокл и Поликарх, направились вверх по тропе, чтобы разыскать пещеру Темпей, которая должна была находиться уже неподалеку. Однако они шли минут двадцать, то нагибаясь под нависавшими ветвями, то прыгая с камня на камень, прежде чем Темпей сам себя обнаружил. Когда Тарас перескакивал через небольшой ручей, впереди что-то полыхнуло, осветив небольшую расщелину в скалах. В воздухе запахло гарью. Потом оттуда повалил дым и спустя несколько секунд показался сам врачеватель. Он сделал несколько шагов и упал на камни, закашлявшись. Его дикий кашель можно было слышать издали. Приходя в себя, он так и лежал, до тех пор, пока Тарас первым не оказался рядом, быстро поднявшись по высеченным в скале грубым ступенькам на плоский уступ у входа.

«А парень-то, энтузиаст своего дела, – решил Тарас, хватая тщедушного лекаря за край грязного хитона и поднимая на ноги, – я не ошибся, приехав сюда. Сразу видно, это именно тот, кто мне нужен».

– Кто вы? – спросил, прокашлявшись, Темпей, когда его глаза перестали слезиться, и он смог разглядеть трех человек, остановившихся у входа в пещеру. Все они старались держаться на расстоянии, пока из нее валил дым.

– Мы прибыли к тебе издали, Темпей-врачеватель, – медленно и торжественно начал Тарас, разглядывая в свою очередь человека, которому он уже отвел в своих планах роль «алхимика» и главного бомбиста нового секретного подразделения, каких еще не создавала Спарта.

Темпей, на котором слегка дымился оборванный гиматий, был не стар, но уже блестел на солнце лысиной. Тряхнув подпаленной бородой, он сделал несколько шагов к пещере и Тарас увидел, что знаменитый врачеватель сам прихрамывал на правую ногу.

– Да, люди знают меня как лекаря. Вы хотите подлечить недуг? – Темпей остановился и посмотрел с недоверием сначала на здорового и крепкого гоплита, что стоял напротив. Потом перевел взгляд на его оруженосца, тоже мало похожего на больного, и, наконец, взглянул на геронта.

– Не совсем, – ответил на вопрос Тарас и пояснил, опершись на копье: – Нам о тебе поведал некий Еврон из Прасий, который посылает тебе еду в обмен на то зелье, что ты отправляешь ему в кузницу. Нас оно тоже очень интересует.

– И вы не боитесь духов огня и подземного царства, что часто меня посещают, если верить людям? – криво усмехнулся Темпей, который уже почти пришел в себя после небольшого пожара.

– Если верить всему, что болтают, то тебя надо заколоть прямо сейчас, периек, – произнес Тарас, чтобы целитель стал немного посговорчивее, больно уж независимо тот себя

вел. А дождавшись, пока смысл слов дошел до Темпей, изменившегося в лице, добавил. – Но ты не должен бояться нас. Мы пришли к тебе по делу.

– Что же, – пробормотал Темпей, – проходите. Если вы не хотите моей смерти, как многие в этом городе. Даже те, кого я вылечил.

И первым направился в пещеру. Тарас, опустив копье, двинулся за ним. Узкий проход, где мог свободно передвигаться только один человек, вскоре свернул направо и расширился. Здесь врачеватель внезапно исчез из виду, а спартанец остановился – впереди стоял мрак кромешный, хотя в самом центре темноты алело небольшое пятно. Но либо Темпей видел, как кошка, либо уже привык передвигаться по своему жилищу на ощупь. Впереди послышалась возня. Затем загорелся небольшой факел, и Тарас увидел силуэт врачевателя, который зажег от него одну за другой несколько свечей, стоявших в нишах среди камней. Зыбкий свет разлился вокруг.

Тарас, сделав еще несколько шагов, оказался в небольшой овальной пещере, которая переходила в другую, чуть меньше размером. Но и та, похоже, была не последней. В нос ударил резкий запах сладковатого дыма, к которому примешивался еще один едва уловимый аромат. Здесь явно вспыхнула какая-то смесь. На стенах, где повсюду виднелись подтеки странной темной жидкости, стояло несколько оплывших свечей, а посредине имелось костровище, выложенное камнями. Угли здесь еще тлели. Хотя даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять – Темпей никогда не готовил на нем еду. Скорее, использовал для опытов. Вот и сейчас отсюда поднимался струйками тот самый дым, что послужил причиной пожара и заставил его выбежать наружу.

«Видимо, ошибка в расчетах», – усмехнулся Тарас, бросив взгляд на геронта и Этокла, показавшихся в задымленной пещере. Геронт осторожно ступал по черным камням, стараясь почти не дышать. За последнюю неделю они с Тарасом просто не вылезли из таких мест, где было невозможно дышать от дыма. Впрочем, здесь немного сквозило и гарь медленно вытягивалась наружу.

По левую руку от Тараса виднелась высеченная из камня жаровня, на которой застыло несколько капелек какого-то металла. А в дальнем углу стояло пять корзин, не пострадавших от огня. Но еще больше их скопилось в следующей пещере, где у Темпей, похоже, была сделана кладовая. Не спрашивая разрешения, спартанец прошел вперед, осторожно ступая по черным от сажи камням, и заглянул туда. В каждой из корзин лежали какие-то корни, прутья или травы. А рядом виднелась ступка, в которой Темпей все это перемешивал. Кроме того, на выдолбленной в скале полке стояло несколько тяжелых на вид кувшинов с какими-то маслами или смолами. Удовлетворенный осмотром, Тарас обернулся к врачевателю, который сам с интересом осматривал странных гостей.

– Так вы прибыли не затем, чтобы лечиться, – констатировал наблюдательный врачеватель, – тогда, что за дело привело вас сюда издалека? Ведь вы не из Эпидавр-Лимеры?

– Мы прибыли сюда из самой Спарты, – объявил Тарас, – но не лечиться. Это ты верно заметил. Дело у нас более важное, чем разговор о болезнях, недостойный спартанца.

Он помолчал немного, поглядывая на озадаченного Темпей, который переступал у стены с ноги на ногу, и стал развивать свою мысль.

– И более того, дело наше не должно быть никому известно. Я буду с тобой откровенен. Меня зовут Гисандр, я живу далеко на севере. А это мой отец и слуга. И если хоть кто-нибудь узнает о нашем разговоре, кроме нас, то я лично отрежу тебе голову вот этим самым мечом, не дожидаясь решения совета старейшин.

При этих словах Тарас наполовину извлек из ножен меч и со звоном вогнал его обратно.

– Я уже рассказал тебе о том, что нас интересует горячая смесь. Та, что ты делаешь для Еврона, – проговорил он, сделав несколько шагов вокруг тлеющего очага, – и у меня к тебе есть одно предложение, которое, уверен, придется тебе по вкусу. Если мы верно поймем друг друга, то жизнь твоя не только не пострадает, а скорее изменится к лучшему. Но прежде

расскажи о себе, я хочу, чтобы между нами не было никаких тайн, кроме той, что с этого дня будет нас объединять.

— А что мне вам рассказать, господин, — ответил Темпей, напуганный заявлениями неизвестного спартанца, добравшегося в его лачугу почти от самой столицы, но и не менее озадаченный странным предложением, — я бедный сын горшечника, периек, который не очень стремился продолжать ремесло отца...

И Темпей рассказал часть своей жизни. Рассказ был сбивчивый и нервный, а сам лекарь во время него ходил кругами у очага, тряс бородой и размахивал руками, призывая в свидетели богов.

Как выяснилось, почти с самой юности Темпей хотел податься в лекари или ученые, ведь его страстью, которую он таил от людей, было не столько врачевательство с помощью трав, сколько химия — вернее та ее часть, которая относилась к горючим веществам. И, несмотря на то, что в Спарте подобные занятия не поощрялись и этому нигде не учили, Темпей с самого детства смешивал и поджигал разные травы со смолой, пытаясь найти состав, который будет гореть ярче дерева. И однажды случайно поджег лавку отца, из-за чего в Эпидавр-Лимере случился пожар, уничтоживший несколько соседних лавок и даже домов.

К счастью, отец, имевший еще трех сыновей, не выдал его старейшинам. А поняв, что горшечника из него не выйдет, разрешил непутевому сыну стать хотя бы врачевателем. И Темпей, втайне даже мечтавший сбежать из Спарты в Аргос или даже Афины, где, по слухам, врачевателей почитали не хуже богов, занялся изучением снадобий, подавшись в ученики к единственному местному лекарю Архою. Много дней они проводили вместе на прилегающих к Эпидавр-Лимере полях, разглядывая растения. Бродили по лесам, собирая корни для отваров. За несколько лет Темпей многому научился, но своих тайных занятий не бросал. Он даже присмотрел для них укромный уголок, где и проводил свои первые опыты, не привлекавшие пока внимания окружающих.

— Я еще тогда случайно отыскал эту пещеру, — признался он, — но боялся жить среди диких зверей.

Лекарь в Эпидавр-Лимере, надо сказать, обслуживал в основном воинов и наиболее зажиточных периеков, а остальных гнал прочь с порога. И Темпей все время ссорился с ним, ведь по доброте душевной, обычно не свойственной обитателям Спарты, он был уверен, что им всем можно помочь. Между тем лекарь стоял на своем и снадобий не давал. И вот однажды Темпей, не выдержав, тайно дал больному пастуху собственноручно изготовленное снадобье. Помогло. Затем дал другому. И вскоре у него появилась собственная тайная «клиентура», которая расплачивалась с ним, чем могла. В основном едой. Впрочем, он и не требовал за свои услуги какой-либо платы. Юный Темпей не переставал изобретать новые лекарства, не ограничиваясь теми, что изучил под руководством Архоя, а с появлением пациентов ему представилась отличная возможность их испытывать. И вскоре он добился больших успехов и стал врачевать лучше своего учителя. За что был неоднократно бит палками завистливым Архоем, мечтавшим как можно дольше держать его только в подмастерьях.

Однако время пришло, и Темпей стал лекарем. Но в силу природной доброты несколько лет продолжал лечить всех, невзирая на чины и звания. За что и поплатился, в конце концов. Узнав, что Темпей тайно вылечил приговоренного к смерти старика, укравшего кувшин масла у одного из торговцев, Архой донес об этом старейшинам. Его бывший ученик был немедленно проклят и с позором выгнан из города, несмотря на мольбы отца, пытавшегося за него заступиться. Впрочем, заступничество отца все же помогло, и его не казнили, как того требовал главный лекарь Архой. Теперь же Темпею под страхом смертной казни было запрещено заниматься врачевательством в городе и окрестностях Эпидавр-Лимеры, и он потерял единственный источник существования.

— Впрочем, нет худа без добра, — грустно усмехнулся Темпей, скрестив руки на груди, — я поселился в этой пещере, где обитаю уже почти год, и могу заниматься своими опытами. Я достиг больших успехов. Моя горючая смесь стала вспыхивать гораздо сильнее после того,

как я добавил в нее корни... одного дерева.

– Это мы видели, – подтвердил Тарас, отметив про себя, что состав смеси Темпей предпочитал держать в секрете, словно боялся конкуренции.

– Моя смесь дает большой жар и может размягчать даже металл. За это мастер Еврон из Прасий даже готов присылать мне еду, рискуя своим положением. Но он взамен может делать отличные мечи. А я никак не пойму, зачем моя смесь понадобилась вам, – проговорил Темпей, вглядываясь в лицо стоявшего перед ним гоплита, – ведь изготавливать мечи – дело периеков. А спартанцы не знают ремесел и умеют только драться. Им незачем знать секреты кузнецов, ведь и без того все здесь принадлежит спартанцам.

– Ты прав, врачеватель, – усмехнулся Тарас, – но я не затем пришел к тебе, чтобы узнать секрет изготовления лучших мечей. Меня занимает твое умение вызывать огонь путем смешения разных трав и смол. Я согласен с Евроном и считаю, что ты великий мастер в своем деле и достоин хорошей жизни.

– Вы смеетесь, господин, – проговорил Темпей, указав на свой оборванный гиматий, – я живу в лесу, среди зверей, подчас не имея куска хлеба и ожидая, что старейшины вот-вот пришлют за мной стражников и казнят за мои опыты с огнем. Они считают, что, даже находясь рядом с городом, а не в нем самом, я навлекаю на Эпидавр-Лимеры гнев богов. И я уверен – дни мои сочтены.

– Они глупы и не понимают, что твой огонь может стать лучшим оружием, чем самый острый меч или копье, – заметил Тарас, слегка скользнув взглядом по лицу молчаливого геронта, – надо только уметь применить его.

Темпей, осмелев, сделал несколько шагов навстречу спартанцу и с недоумением спросил:

– Кто вы, господин? – спросил он так, словно впервые только сейчас разглядел Тараса. – Ведь я и сам уже давно думаю о том, чтобы применить мою смесь на войне против врагов Спарты. Если ее запечатать в кувшин, то его можно бросать в фалангу гоплитов, вызывая панику, или за стены города, вызывая пожар. А если еще придумать огромный лук или что-то подобное, чтобы забрасывать горшки очень далеко, то смесь можно было бы использовать еще лучше.

«Интересные все-таки люди, эти гении, – подумал Тарас, вновь разглядывая Темпея, глаза которого уже горели, а мозг начал работать над почти сформулированной задачей, – сидит с голой задницей в глуши без жратвы, а думает только о том, как бы разработать супероружие для своей страны, представители которой его собираются со дня на день казнить».

– Скоро придумаем, – ошарашил его Тарас и продолжил удивлять алхимика странными словами: – Средства доставки, это моя проблема. А от тебя мне нужно большое количество таких горшков для метания. А еще лучше, если бы ты разработал состав, который не просто рождает огонь, а разрывает этот горшок изнутри. Время пока есть.

– Я уже начал думать над таким горшком, – неожиданно выпалил Темпей и, схватив факел, устремился с ним во вторую пещеру, едва не подпрыгивая от радости.

Там он с гордостью продемонстрировал спартанцу деревянную полку с углублениями, на которой лежало несколько горшков необычной формы, своим видом очень напоминавшие минометные мины.

– Ты сам изготовил эти горшки? – удивленно поднял глаза на врачевателя Тарас, взяв один из горшков. Подержал в руке и даже подкинул. Горшок был словно специально изготовлен для того, чтобы начинять его взрывчаткой. Пить, зато из него было не очень удобно.

– Я же все-таки сын горшечника, господин, – усмехнулся Темпей в полумраке пещеры, – хоть и не удавшийся. Тут рядом ручей, а на его берегах много глины. Это не сложно.

– Удобно держать и бросать тоже, – похвалил Тарас, укладывая «мину» обратно на полку, – но тяжеловат для ближнего боя.

Темпей кивнул так, словно понимал, о чем идет речь. А вот геронт, стоявший чуть позади, слушал обоих, как сумасшедших. Однако Поликарх был отнюдь не глуп и быстро осознал, – раз эти двое, впервые встретившись, сразу поняли друг друга, значит то, о чем они говорят, вполне может быть создано. И, вновь удивившись дару своего сына, лишний раз убедился в том, что не зря вызвался ему помогать.

Тарас услышал и увидел достаточно, чтобы убедиться в том, что нашел нужного человека. Оставалось обсудить детали тайного соглашения.

– Твою лабораторию... кхм, твоё жилище надо бы перенести подальше в лес или повыше в горы, здесь ты слишком близко от проезжей дороги, тебя легко могут отыскать стражники из города. А я не хочу, чтобы мой мастер погиб раньше времени, – озвучил Тарас вслух свои планы, заметив, как просиял Темпей при слове «мастер», – ты не знаешь тут в глуши еще какой-нибудь пещеры? Такой, о которой бы люди из Эпидавр-Лимеры не подозревали.

– Я много лет брожу по этим горам, господин Гисандр, – ответил с готовностью Темпей, – и видел еще пару пещер в трех днях пути отсюда. Но это высоко в горах, на отрогах Парнона. Там нет дорог, зато растет много лекарственных трав.

– Вот и отлично, – кивнул Тарас, – тогда в ближайшие дни я пришлю к тебе нескольких слуг, которые помогут тебе переселиться туда.

Он помолчал немного и прошелся до последней пещеры, где обнаружил деревянный лежак из нарубленных стволов, на котором лежала какая-то дерюга. Похоже, здесь и коротал свои дни ученый алхимик.

– С этого дня я буду присылать тебе еду и все необходимое для работы, чтобы ты ни в чем не испытывал недостатка, – объявил Тарас, возвращаясь в большую пещеру. – А потом я вообще перевезу тебя к себе в имение, но пока еще рано. Лучше, если до поры о тебе никто не будет знать. А еще лучше...

Он резко обернулся к Темпею.

– Если пустить слух о том, что тебя сожрали дикие звери или укусила змея в лесу. В общем, ты пропал из этих мест навсегда.

– Старейшины и Архой будут только рады, узнав об этом, – горько усмехнулся Темпей, – да и многие горожане. Так что я не против новой жизни, лишь бы мне разрешили в ней заниматься любимым делом.

– Так ты готов послужить во славу Спарты и всей Греции, Темпей? – напрямик спросил Тарас, вперив взгляд в своего нового слугу. А в том, что они договорились, сомнений у него не осталось.

– Готов, – осторожно кивнул Темпей, озадаченный столь высокими мотивами.

– Вот и отлично. – Тарас направился к выходу. – Прощай. Через несколько дней к тебе придут мои слуги. А чтобы ты их узнал, одним из них будет вот он. Тем более что он один и знает дорогу сюда.

И Тарас указал на Этокла.

«Ты будешь моим секретным оружием, алхимик Темпей, – подумал Тарас, покидая пещеру, – которое сработает в нужную минуту. И тогда я покажу Спарте, что такое „новые технологии“».

Глава девятая

Выжженная земля

Посчитав потери, Тарас решил объединить свой поредевший отряд с отрядом Оффриада. Хотя тот остался не очень доволен этим, но подчинился. Субординация среди спартанцев была железной. Особенно на войне.

Перегруппировав свои силы и спрятав тела убитых, насколько это было возможно, войско периеков двинулось дальше. Пока туман не рассеялся, они успели пересечь опасную долину, где могли повстречаться персы, и втянуться в расщелину, что вела вглубь отрогов.

«Впрочем, персы могут быть где угодно, – рассуждал Тарас, прыгая с камня на камень и вновь уводя свой отряд в горы, – они здесь повсюду и уже позади нас. Но вряд ли тратят время на то, чтобы обшарить отроги. Да и чего им опасаться, ведь никто пока про нас не знает, кроме мертвых эфиопов. Скорее всего, такие массы войск просто передвигаются по долинам. Так что, если уподобиться горным козлам, то какое-то время можно оставаться незамеченными».

Когда развиднелось и стало понятно, что впереди глухая узкая долина, с которой вправо и влево уводили вполне доступные перевалы, они продолжали движение, выслав вперед разведку из специально обученных периеков Тараса. Они шли так часа три, никого не встретив, и, поднявшись достаточно высоко, наконец остановились. Тарас разрешил привал, глянув мельком на изможденного алхимика, что брел в группе «спецназа» позади него. С этого места до перевалов, видневшихся по обе стороны, осталось рукой подать.

«Надо бы осмотреться, время не ждет, – решил Тарас, когда перевел дух и попил воды из бурдюка, – да сориентироваться в пространстве. Вон с той вершинки должен открываться отличный вид на соседнюю долину, где стоит лагерь Ксеркса».

– Эй, Никомед, – окликнул Тарас периека, вооруженного гастрифетом, – позови всех командиров отрядов. Возьми с собой Мегаклида и еще двадцать лучников. Мало ли что.

Его слуга кивнул, спрыгнул с камня, на котором сидел, и убежал выполнять приказание. Первым к месту сбора прибыл Офриад в сопровождении еще трех спартанцев. Посмотрев на подходивших следом лучников, он спросил:

– А зачем нам охрана? Разве появились персы?

– Мы идем на небольшую прогулку, Офриад, – ответил Тарас, поднимая свое копье и указывая им на ближайшую вершину. – А прогулка может оказаться веселой, ведь персы здесь повсюду.

– Ну, что же, – кивнул тот, поправляя ремешок шлема, – я люблю такие прогулки.

Когда явились все спартанцы, Тарас приказал им двигаться следом и направился к вершине. Спустя почти час они поднялись на один из отрогов. Тарас шел первым и потому первым увидел огромный лагерь персидской армии, раскинувшийся прямо под ними. «Вот это да», – не смог скрыть восхищения Тарас, останавливаясь на краю скалы и разглядывая тысячи шатров и палаток, усеявших все пространство за возведенным частоколом.

Остановившиеся рядом спартанцы тоже увидели лагерь. Прежде чем решить, что делать дальше, Тарас хотел своими глазами изучить противника и дать на него посмотреть гордым спартанцам, чтобы лучше понимали, с кем придется воевать. И те молча взирали на своих врагов, оперев копья о камни. Лучники замерли в отдалении.

Лагерь находился на небольшом возвышении посреди долины, перекрывая все продвижение на север Греции по этой дороге, и представлял собой не просто беспорядочное скопище шатров, как сначала думал Тарас, а был разделен на сектора проходами-улицами. Две из них были главными и, перекрещиваясь в центре лагеря, приводили к укрепленным воротам с башнями по краям. Вокруг лагеря был даже вырыт ров, правда, воды в нем не было. А кроме шатров для жилья, внутри имелось множество деревянных построек – бараков для скота, амбаров и конюшен. Из лагеря даже сюда доносился рев и ржание тысяч животных. По «улицам» лагеря в сторону ворот перемещались сотни персидских всадников и пехотинцев. А в правом углу, возле огромных бараков, Тарас заметил даже нескольких слонов, которых поили водой из специально вырытого и наполненного водоема.

«Сколько же народов привел на нас этот царь, – усмехнулся Тарас, подумав об эфиопах и еще раз удивившись собственной смелости, которая, казалось, граничила с безрассудством. Но отогнал эти мысли, вспомнив „успокаивающую“ цитату из прочитанного в прошлой жизни о персах: „Людей у них много, а мужей мало“, – ну, ничего, я тоже не лыком шит. Скоро этот Ксеркс узнает, что такое „специальная подготовка“».

Впитывая всю эту картину, залитую ярким солнцем, похожую на пестрый восточный халат, Тарас перевел взгляд налево, взглянув на дальний край долины. Там, неподалеку от главного лагеря, возвышался еще один поменьше, соединенный с ним длинными стенами.

Он тоже был окружен частоколом, но внутри виднелось очень мало шатров. Все пространство занимали длинные амбары и хлева. Туда как раз заезжал целый поезд из подвод, груженных мешками. Охранялся этот лагерь, больше похожий на склад продовольствия для многотысячной армии, на первый взгляд из рук вон плохо. Всего сотни три копейщиков. Едва взглянув на него, Тарас призадумался. И вскоре поймал себя на желании немедленно атаковать и сжечь это хранилище, заставив ощутить прибывшую сюда многотысячную армию если не голод, то хотя бы нехватку продовольствия. Тот факт, что этот склад был просто частью большого лагеря, но с отдельным входом, его ничуть не останавливал. Конечно, случись что, подкрепление к персам могло подойти быстро, но если рассчитывать на внезапность...

Затем он вновь осмотрел дальние подступы к лагерю и увидел, что с севера долина расширяется и затем разделяется на два рукава, один из которых выходит прямо к морю. Даже отсюда можно было рассмотреть мачты вытасненных на берег кораблей, на которых приплыла сюда часть этого воинства. Конечно, видно было далеко не все, но Тарас догадывался, что этих кораблей там были сотни, если не тысячи. Не нужно было иметь ум геронта, чтобы догадаться, что именно по этому пути сейчас доставляются в лагерь главные припасы и подходят подкрепления. Этот путь вел в сторону Персии, а другой пока запирали на Фермопилах спартанцы.

Второй рукав уводил долину налево и скрывался за скалами, но и там Тарас видел передвижение персидских отрядов. По всей видимости, войска Ксеркса, остановленные у Фермопил, стремились не терять время и занимали все прилегавшие области, многие из которых добровольно уже дали персам «землю и воду». Сейчас воины Гисандра уже стояли на земле Малиды, а чуть левее, за дальним хребтом, как объяснили ему пастухи, находились земли Этеи.

«Если верить нашему другу Эпиальту, – против воли усмехнулся Тарас, – то войска персов уже стоят в Дориде. Это километров сто за нашей спиной. Надо бы и там пошуметь, чтобы персы подумали, что у них в тылу объявилась целая армия. Это добавит суматохи и, возможно, на время отвлечет от Фермопил».

Погода, порадовав полдня ясным солнцем, вновь начала портиться. Ветер крепчал, развевая плащи спартанцев. С юга небо уже заволокло тучами, обещавшими дождь. Придержав полы своего плаща, Тарас вновь скользнул взглядом по лагерю, который охранялся вполне прилично: пешие отряды копейщиков, человек по сто в каждом, постоянно дефилировали вокруг него. Их дополняли конные разъезды легкой кавалерии, вооруженные луками. На первый взгляд только полный идиот рискнул бы приблизиться к лагерю с таким охранением без мощной армии.

«Как бы нам „пошуметь“ и на побережье, – прикидывал спецназовец, рассматривая окрестные перевалы, подступы к лагерю персов и возможные пути отхода, – перекрыть эту долину персам не составит особого труда, так что далеко уходить от хребта нельзя. Но что-то надо придумать. Ударить бы одновременно в нескольких местах... а еще лучше, прямо по лагерю, жаль силенок маловато. Погода портится и дождь нам совсем не с руки. Тогда выйдет, что зря только алхимика притащил с собой. Похоже, пришла пора разделить мою армию».

– Уж не собрался ли ты атаковать лагерь Ксеркса? – усмехнулся Офриад, словно прочел его мысли. Офриад был явно поражен многочисленностью солдат противника, которая, впрочем, не пугала его.

– Это было бы неплохой смертью для нас, – согласился Тарас, – но я обещал царю Леониду, что Ксеркс потеряет втрое больше людей, чем я привел сюда. А для этого нам придется действовать иначе. Видишь вон тот холм, Офриад, и выстроенный возле него второй лагерь с длинными амбарами? Ближе к первому.

Тарас указал в том направлении острием копья, блеснувшим на солнце. Офриад и все остальные спартиаты впились в него глазами. Зрение у них с детства было орлиное.

– Сначала мы все вместе сегодня же ночью атакуем этот небольшой лагерь и подождем

его, если боги не пошлют нам дождь, – заявил Тарас, вновь посмотрев на хмурившееся небо, – там хранятся запасы армии Ксеркса, и она начнет испытывать голод. Затем мы вновь отойдем в горы, через тот перевал, что виднеется чуть впереди.

– Ты думаешь, персы дадут нам спокойно уйти? – усмехнулся Офриад. – Эти варвары не так глупы, как ты думаешь. А кроме того, их тут тысячи.

– Ты испугался? – заявил Тарас специально, чтобы позлить его. Лучший способ заставить спартамца действовать.

– Я? – переспросил Офриад и вскинул свое копьё. – Попробуй повторить это еще раз и докажу тебе, что никто из смертных еще не смог меня испугать.

Он готов был броситься на Тараса, у которого перед глазами пронеслось воспоминание о драке с Деметрием. Тот тоже боролся тогда за власть, как и Офриад, хотя этот спартаец не пытался скрывать свои желания. Но ничего не случилось. Тарас выдержал паузу, давая Офриаду взять себя в руки.

– Это хорошо, – не двигаясь с места, Тарас проводил взглядом наконечник копья, вновь опустившийся к самым камням, – ведь мне и нужны смелые воины для такого дела. А что до персов, то если мы будем быстры и удачливы, то успеем сжечь их амбары и уйти в горы. Конечно, за нами будет погоня. И после того как мы вновь окажемся на этом перевале, нам придется разделиться.

Он отвернулся от лагеря и посмотрел на собравшихся здесь командиров отрядов.

– Я со своим отрядом уйду по долине вперед и буду воевать там. Проводники говорят, что там есть проход к морю. Твой отряд, Орей, пойдет через другой перевал и постарается достичь Этеи. А ваши отряды, Алфей и Марон, отправятся назад в Дориду. Там вы будете нападать на кассиев из засады, терзая их постоянно, но сами должны быть неуловимы. Если действовать так сразу в нескольких местах, то мы заставим Ксеркса поверить, что у него в тылу находится целая армия. Они будут искать большой отряд, но не смогут обнаружить его. И от этого им будет казаться, что нас еще больше. Паника среди персов – наша цель. Пусть они думают, что это боги Греции карают их.

– Ты хочешь, чтобы я с сотней периеков терзал армию персов? – удивился Орей, высокий и жилистый спартаец. – Да еще не в открытом бою, а постоянно прячась и отступая? Ты сам-то, Гисандр, веришь, что это возможно?

– Верю, – стоял на своем Тарас, – и сегодня ночью я вам это докажу. Мы нанесем большой урон противнику и выйдем из боя победителями.

– Если так и будет, – заявил Орей, скрипнув зубами, – то я безропотно отправлюсь туда, куда ты скажешь.

Остальные спартамцы, которым с самого начала не нравилась эта затея, своим молчанием поддержали его.

«Они мне не верят, – усмехнулся Тарас. – Впрочем, что с них взять. Они ведь никогда так не воевали. Придется продемонстрировать им сегодня наши резервы, чтобы избавить от сомнений. Устроить, так сказать, презентацию».

– Мы видели достаточно, – заявил Тарас, – возвращаемся в лагерь. Поедим и двинемся к перевалу, как стемнеет. А там будем готовиться к ночной битве.

Пока солдаты принимали пищу, Тарас собрал свое «спецподразделение» из шести человек, считая алхимика, и сообщил им вводную.

– Ночью мы идем на штурм укрепленного лагеря. Основной удар нанесут лучники и вы, – обернулся он к стоявшим поблизости периекам с гастрафетами, – ну а ты, Темпей, вообще будешь сегодня нашей главной надеждой. Твои горшки в порядке, ничего не побилось, пока шли по горам?

– Нет, господин Гисандр, – подтвердил Темпей, тряхнув бородой, – все готово. Этокл и Бриант тащили мешки осторожно.

– Отлично, – кивнул Тарас, – значит, сегодня ночью тыпустишь часть из них в дело. Ту, что с фитилями. Надо будет поджечь несколько амбаров. Да чтобы зарево было такое, что даже боги на горе Олимп удивлялись!

– Все сделаю, – ухмыльнулся Темпей, польщенный таким доверием.

Еще засветло четыре лоха²² периеков под командой спартанцев выступили из своего лагеря под перевалом и когда начало темнеть, уже были наверху. Первыми шли солдаты Тараса и Офриада, объединенные в одно соединение после кровопролитной битвы с эфиопами. Авангард составляли пятьдесят лучников, призванные задержать врага, если он вдруг появится на пути. Следом шли отряды под командой Орея, Алфея и Марона, тоже готовые в любую минуту вступить в бой. Но подъем прошел спокойно, персы и не думали, что кто-то осмелится приближаться к их лагерю с этой стороны, ведь все окрестные долины они уже заняли.

– Все тихо, господин Гисандр, – сообщил командир лучников, когда Тарас вступил на перевал в окружении периеков с гастрарфетами и в сопровождении алхимика, за которым Этокл и Бриант тащили два больших мешка.

– Хорошо, – кивнул Тарас.

Он остановился и посмотрел вниз, на открывавшуюся панораму ночного лагеря, который они обошли и оставили справа. Там горели тысячи костров – персы и не собирались маскироваться, ведь они уже считали себя хозяевами Эллады. Более того, позади них действительно лежала половина греческих земель, включая Фракию и Македонию, признавших господство Ксеркса. Но те, кто пришел сегодня на этот перевал, признавали только спартанских царей.

К своему удивлению, Тарас заметил, что количество конных разъездов, патрулировавших внешний периметр лагеря, заметно сократилось, лишний раз доказывая, что персы никого не боялись и не ждали к себе в гости. Пеших отрядов вообще не было. Видимо, ночью пешие копейщики персов не привыкли воевать и отправлялись спать за стены укрепления. Впрочем, большинство греков ночью тоже не практиковало военные действия. Но только не спартанцы.

Слева, у обреченного склада продовольствия, который теперь находился почти под перевалом, Тарас разглядел всего с десяток костров, да и то внутри, у самых ворот. Охранникам и в голову не могло прийти, что кто-то вздумает на них напасть. «Их там не больше трех сотен, – прикинул Тарас, – и основная часть уже спит. Отлично. Это будет их последняя ночь на греческой земле».

Еще днем, во время первого осмотра местности и подходов к лагерю, Тарас заметил, что от самого перевала почти до ворот «продовольственного склада» тянется глубокий овраг, способный укрыть много воинов. По нему он и решил добраться до намеченной цели. Кроме того, его замыслу благоприятствовал рельеф местности – сплошные холмы.

– Как спустимся и войдем в овраг, – наставлял Тарас своих гастрарфетчиков, – вы трое, Никомед, Гиппоклид и Мегаклид, проберетесь по нему первыми до самого конца. Оттуда до ворот останется не больше стадии. Для гастрарфета расстояние подходящее. Вы «снимете» всех охранников и мы пойдем прямо через главные ворота. Так быстрее. Все равно нас никто не ждет. Дальше в бой пойдут лучники, а вы останетесь в овраге смотреть за обстановкой. В общем, валите всех персов, кого увидите, особенно тех, что могут подойти со стороны лагеря.

Никомед, который считался старшим среди этих периеков, кивнул. Офриад, Эгору и Архелону Тарас тоже объяснил свой план, согласно которому они должны были «войти» через главные ворота, застать врасплох и переколоть всех сонных персов. Офриад эту дерзкая идея пришлась по вкусу. Он сжал свое копье и направился вниз в темноту, вслед за остальными спартанцами, на которых Тарас рассчитывал при атаке. Все же, несмотря на их малочисленность, этим бойцам не было равных в рукопашной схватке. И периеки всегда должны были видеть их впереди, чтобы сражаться также отважно.

Огибая в темноте валуны, посланцы царя Леонида шли осторожно, стараясь не выдать

²² Лох – подразделение спартанской армии, которое насчитывало от 100 до 150 человек.

себя. То и дело освещенный огнями лагерь возникал справа от тропы, на которую их вывели пастухи из Альпен. Вскоре, однако, тропа стала забираться влево, и часа через три они были уже в самом низу, где шумел горный ручей. Оказалось, что этот овраг, который Тарас наметил для наступления, был также руслом ручья. По краям оврага росли высокие кусты.

– Это даже хорошо, – сообщил он Эгору, – из-за шума воды нас будет еще меньше слышно, а темнота и кусты до поры скроют нас от глаз неприятеля.

Дорога в лагерь, по которой днем проезжали отряды персидской кавалерии, а сейчас могли появиться конные разъезды, здесь удалялась от скал, перемещаясь к центру холмистой долины. Так что первая сотня периеков спокойно достигла оврага и устремилась по нему вперед, кое-где перемещаясь по дну ручья, метров через триста уходявшего под землю.

Тарас со своими «спецназовцами» шел во главе колонны и одним из первых оказался у дальнего края оврага, который здесь заканчивался. Высунувшись над поверхностью, он раздвинул кусты и присмотрелся. Дорога, огибая овраг, подходила к самым воротам, у которых стояло с десятков охранников. Ворота были высокие, сделанные из массивных бревен, с башнями по краям. В одной из башен виднелась дверь, у которого чадил факел, дававший пятно света. И Тарас заметил, как эта дверь приоткрылась, да так и не закрылась. Из нее вышло еще двое охранников в кольчугах, о чем-то весело заговоривших с теми, кто находился снаружи. В самих башнях тоже горели факелы и находившиеся там персы были вполне различимы.

– Отлично, до ворот метров двести, – пробормотал Тарас, – ну, ничего, гастрافет достанет.

Обернувшись к Никомеду с компанией, что ждали его сигнала в нескольких шагах позади, он крикнул приглушенным шепотом:

– Эй, бойцы, на исходную. Ваше время. Сначала снимите тех, кто на башнях. Потом нижних, у самой двери. Офриад и лучники, приготовьтесь.

– А когда придет наше время, Гисандр? – уточнил Архелон, не отстававший от Тараса, пока они бежали по дну оврага.

– Скоро, – пообещал тот, – вот снимем охрану и тогда вперед. Времени у нас мало, но ты успеешь показать периекам, как надо биться.

Никомед и его подручные, к которым примкнули Этокл с Бриантом, осторожно сложившие драгоценные мешки Темпея в стороне, залегли под кустами, налаживая свое оружие. И вот раздался низкий шелестящий звук, потом другой. Из башни, даже не успев вскрикнуть, рухнуло двое персов. Стражники, стоявшие у ворот, опершись на свои копья, с удивлением уставились на два трупы, из груди которых торчали стрелы. Впрочем, удивлялись они не долго. Трое из них вдруг дернулись и, нелепо вскинув руки, рухнули на камни, роняя копья. Остальные засуетились, сгрудившись в кучу и прикрывшись щитами.

Пока гастрافетчики перезаряжали свое оружие, Тарас решил, что пора.

– Вперед, – хлопнул он по плечу командира периекских лучников, которых он поставил в авангард, – ты знаешь, что делать.

Периеки стали выскакивать из оврага, один за другим, и бегом устремились к воротам, на ходу вскидывая луки. Тем временем гастрافетчики закончили возиться с оружием и произвели второй залп, скосивший оставшихся персов. Ворота в башне еще не были закрыты, и Тарас очень надеялся, что его люди успеют добежать раньше, чем персы сообразят, что произошло.

– Старайся не поднимать шума, – предупредил Тарас Офриада, когда тот со своими копейщиками тоже устремился в атаку, – мы должны захватить эти склады и успеть поджечь, пока персы не придут на помощь охранникам.

Офриад кивнул и устремился вперед, подняв щит и копье. За ним побежали остальные бойцы.

Тарас, Эгор, Архелон и еще пятьдесят человек из первой сотни ждали в овраге. Увидев, как лучники осыпали стрелами ворота и ближние стены, добив оставшихся в живых персов, после чего ворвались внутрь вместе с бойцами Офриада, Тарас удовлетворенно

кивнул сам себе: «Пошло дело».

– Ну, пора и нам поразмяться, – сообщил он стоявшим рядом Эгору и Архелону, поднимая копье. – Вперед, спартанцы! А ты, Темпей, оставайся пока здесь, я пришлю за тобой, когда бой будет закончен.

Врачеватель кивнул, присев на край оврага.

– Вы двое, – позвал он Этокла и Брианта, решив в последний момент, что и за воротами гастраретчики могут ему пригодиться, – пойдете со мной.

Пока его отряд пересекал триста метров, разделявшие овраг и ворота, Тарас вертел головой по сторонам, отмечая малейшие изменения обстановки. Но пока все было тихо. Персы у стен большого лагеря ничего не заметили, поскольку ворота были им не видны. А спартанцы передвигались в темноте, лишь ненадолго ступив в пятно мутного света, которое давали чадающие факелы у башен.

Пробежав мимо мертвых охранников, Тарас проскочил в открытую дверь, у которой уже дежурили периеки, и оказался во дворе «складских помещений». Здесь уже шла резня, которую учинили ворвавшиеся спартанцы во главе с Оффриадом. Они быстро закололи всех, кто находился у костров недалеко от ворот, а затем отыскивали барак, где спали вповалку остальные персы и принялись истреблять их прямо во сне. Многие хватались за оружие, но у них было мало шансов. Оффриад, привыкший еще в юности убивать спящих илотов, действовал быстрее.

Человек двадцать периекских лучников заняли позицию у ворот, ожидая контрнаступления с любой стороны. А Тарас со своими людьми, среди которых были и копейщики и лучники, двинулся дальше, в обход черневших во мраке массивных зданий. Ему повезло меньше, чем Оффриаду. Не успели они завернуть за угол второго склада, как в них полетели стрелы. Здесь, перекрыв дорогу спартанцам, выстроилось человек тридцать персидских лучников, из тех, кто успел схватиться за оружие, услышав шум и крики у ворот. Тарас заметил, как двое с факелами устремились в дальний конец строений, туда, где были внутренние ворота, соединявшие склады с основным лагерем. «Гонцы, – сразу понял Тарас, отбивая щитом стрелу, – отправили за подмогой».

– Этокл, – заорал он, оборачиваясь в сторону бегущих позади илотов, – Бриант! А ну доставайте мне этих двоих, с факелами. Они не должны уйти.

Тотчас рядом с двумя гастраретчиками образовалась стена из периеков, прикрывших стрелков своими телами и щитами от вражеских стрел, свист которых действовал Тарасу на нервы. В то же время его собственные лучники открыли ответную стрельбу по персам и вскоре многие из них повалились на землю. Все-таки доспехи персов были очень легкими и часто не спасали даже от стрел. Персы вскоре стали пятиться назад, быстро поняв, что удержать наступление спартанцев они не смогут. Но Тараса волновали не эти, обреченные солдаты, а те двое, что уже почти добежали до угла длинного барака.

– Быстрее! – крикнул он слишком долго целившимся илотам. Но и тех можно было понять, у каждого было лишь по одной попытке. Да и стреляли они стоя. Проманись илоты с первого раза – и персы уйдут. Не станут дожидаться, пока Этокл и Бриант перезарядят свое громоздкое оружие. А луки периеков до них уже не доставали.

Но вот, наконец, Бриант первым спустил курок, и стрела, просвистев над головами медленно пятившихся персов, улетела во тьму. Тарас, прикрывшись щитом, сквозь прорези шлема напряженно вглядывался в две мерцавшие точки – факелы, что держали убегавшие персы. Вот одна из них дернулась и, прочертив дугу, погасла. Гонец со стрелой в спине рухнул на землю.

– Молодец, Бриант! – завопил Тарас. – Попал!

Тотчас Этокл, словно не желая отставать от своего собрата, закончил прицеливаться и тоже спустил курок. И его болт, пролетев положенное расстояние, пробил легкий доспех персидского воина. Тот внезапно остановился, дернувшись и сделав несколько шагов вперед, упал, выронив факел.

– Добить остальных! – приказал Тарас. – Чтобы ни один отсюда не ушел!

Периеки с луками пропустили вперед копейщиков, и те быстро расправились с остатками персов, обративших тыл. Но и спартамцам эта схватка обошлась не дешево. Персы убили здесь не меньше десятка периеков.

– Что это за луки у твоих илотов? – удивился пораженный Архелон, позабыв спросить, почему вообще его оруженосцы из рабов участвуют в сражении.

– Потом объясню, – отмахнулся Тарас. – Этокл, Бриант, – оба молодцы. А сейчас бегом к оврагу. Приведите мне Темпея и мешки его не забудьте. Время пришло.

Облюбовав место у одного из самых крупных складов, Тарас приказал периекам ломать дверь, а к Офριάду оправил гонцов за новостями. Но тот вскоре прибыл сам.

– Все, – коротко сообщил спартанец, – все мертвы. Здесь больше нет персов, да и было их тут человек двести не больше. Половину закололи спящими.

– Молодец, выставь человек пятьдесят лучников и копейщиков у внутренних ворот, – приказал Тарас, – и сам там оставайся, на случай если персы все же что-то услышали. А я начну поджигать амбары.

Офριάд не стал задавать вопросов и отправился выполнять приказание. Эгора с Архелоном Тарас отправил охранять наружные ворота с периеками. А сам дождался Темпея, за которым, пыхтя от натуги, тащили мешки Этокл и Бриант, и без того нагруженные гастрфетами.

– Начинай с этого, – приказал Тарас, махнув рукой в сторону выломанных дверей, – а остальные пока для тебя «откроют». Я уже послал людей. Да поторопись, не ровен час, гости нагрянут.

Войдя внутрь длинного барака с невысокой крышей, Тарас осмотрел при свете принесенного факела запасы персов. Здесь хранились корзины с вяленным мясом, а также мешки с мукой, занимавшие почти все помещение.

– Эх, какой шашлык будет, – усмехнулся себе под нос Тарас, пинком ноги перевернув одну из корзин, – только персам его уже не попробовать. За дело, врачеватель!

Темпей выхватил из его рук факел и, достав из корзины глиняный кувшин, убежал в дальний угол амбара. Там он немного повозился, устанавливая правильно свое «устройство», поджег фитиль и отбежал в сторону. Через пару мгновений Тарас решил, что кто-то выстрелил в углу амбара из огнемета.

Горючая жидкость, изготовленная по рецепту Темпея, вспыхнула и выплеснулась на доски стены ярким пламенем. Огонь тут же пополз вверх и скоро жаднолизал крышу и перекрытия. Для верности Темпей переместился в противоположный угол амбара и повторил поджог по всем правилам. Амбар долго стоял на солнце и балки, из которых были выстроены его массивные стены, хорошо высохли. Костер обещал быть знатным, да и «шашлык» тоже. Отправляясь «на дело», Тарас за ночь не раз поглядывал на хмурое небо и просил богов подождать с дождем. И пока они внимали мольбам Тараса. Дождя еще не было, зато ветер был знатный.

Расслабляться, впрочем, было рано. Пока горело изнутри, пожар был еще не так заметен, и нужно было успеть поджечь как можно больше бараков. Выбежав на воздух, они устремились в соседний. Туда, где хранилась какая-то крупа или зерно, а также стояли амфоры с маслом. Этокл и Бриант также переместились туда с мешками.

– Масло это, хорошо, – удовлетворенно заметил поджигатель, обнаружив амфоры и проведя пальцем по запечатанному смолой горлышку одной из них, – это очень хорошо.

Темпей повторил здесь свой номер с поджогом, заставив полахать две противоположные стены. Затем то же самое они сделали еще в трех бараках, где также обнаружили запасы масла, специй и еще многих других продуктов, призванных обеспечить сытую жизнь персидских захватчиков вдали от родины, пока Тараса не разыскал гонец, прибежавший от главных ворот.

– Персы! – крикнул он. – Конный отряд. Человек пятьдесят. Скачут сюда из лагеря по дороге.

– Всего пятьдесят? – удивился Тарас, выходя на свежий воздух из задымленного

барака.

Заметив, что в нескольких местах протяженных складских помещений огонь уже пробился на крышу и освещал ночное небо яркими всполохами, он добавил, направляясь к воротам:

– Ну, что же, отлично. Значит, они пока еще думают, что здесь просто случился пожар. Сейчас они еще кое-что узнают, но вряд ли это их обрадует. Передайте Офриаду, что он может снимать своих людей и двигаться к наружным воротам.

Через минуту все спартанцы уже собрались у ворот, готовые покинуть территорию складов. Позади них уже стоял жестокий треск полыхавшей древесины. Несколько барачков были объаты пламенем сразу с двух сторон, и огонь быстро пожирал оставшиеся нетронутыми перекрытия.

– Мы возвращаемся, – приказал периекам Тарас, – лучники встают в линию и сдерживают персов, пока смогут. Остальные добираются до оврага и уходят в сторону гор. Все.

Пропустив пятьдесят лучников вперед, Тарас с остальными спартанцами и периеками оказался за воротами. Одного взгляда на приближавшихся персов было ясно, что добежать без проблем до оврага они не успеют. Да и овраг их не спасет. Конные персы, а это были, к удивлению Тараса, тяжеловооруженные всадники-копьеносцы, затянутые в броню, находились уже на расстоянии двухсот метров и приближались лавиной. Едва завидев неприятеля, они вскинули свои копья и устремились в атаку. Тотчас «заработали» спартанские лучники, но ущерб порядкам персов был минимальный и, преодолев всего лишь метров семьдесят в сторону оврага, Тарас остановился. Он понял, что сейчас персы проломают оборону и просто потопчут их, если не будет серьезного отпора. А он не мог себе позволить после столь удачного налета потерять людей, позволив персам ударить себе в спину. Тем более что темнота уже не спасала их. На складах разгорался такой костер, пламя от которого уже осветило всех окрестные холмы почти до самого оврага.

– А ну стоять! – заорал Тарас. – Строиться!

Бежавший чуть позади Офриад повторил его команду, то же сделали Эгор с Архелоном и остальные спартанцы. Периеки, и без того бежавшие к оврагу стройными рядами, замерли, а потом повернулись налево, сомкнув ряды. К тому моменту, когда «бронированные» персы врезались в лучников и проломили их строй своими конями, потеряв все же человек десять, их уже ждал строй пеших воинов, ошетилившихся копьями и прикрытый щитами.

– Этокл, Бриант, Никомед! – выкрикнул Тарас, не отводя взгляда о скакавшего прямо на него всадника в чешуйчатом панцире и островерхом шлеме. – Отвечаете за врачавателя. Отведите его за строй и охраняйте. Если что – отступайте к оврагу. Погибнет, казнь всех!

Тотчас вокруг Темпея, которого илоты оттащили за строй, беззастенчиво схватив за отворот гиматия, образовалось кольцо из гастраретчиков.

Глядя, как приближаются персы, на доспехах которых плясали отсветы пожарища, Тарас лихорадочно попытался их пересчитать и понял, что персов действительно мало. До атаки их было не больше пятидесяти человек, сейчас, после того, как они пробили строй периеков, не больше сорока. А у Тараса после налета на склады, потери составляли около трех десятков воинов, против двухсот или даже трехсот у персов. И сейчас «бронированных» всадников ожидала фаланга почти из сотни обученных периеков во главе со спартанцами. Видимо, персы были полностью уверены в своей победе, или совсем не представляли, с кем им предстоит драться, раз отважились на такую самоубийственную атаку. Тем более что периеки с луками, разбежавшись в стороны, тотчас развернулись и стали посылать стрелы в спину персам, сразив еще человек семь, пока те не доскакали до пеших бойцов Гисандра. Да еще гастраретчики, без всякой команды, «отчислили» троих персидских воинов, всадив каждому в грудь по болту, легко пробившему даже хороший доспех. Один из них просто вылетел из седла на глазах у изумленного Архелона. Так что отряд персидской кавалерии значительно поредел, еще не ударив по фаланге. И все же удар оказался мощным.

Закованные в панцири персы врезались в ошетилившуюся копьями шеренгу периеков,

ломая копья и выбивая щиты, быстро опрокинув ее центр. Прикрытые защитными попонами лошади, от груди которых отскакивали наконечники спартанских копий, потоптали копытами многих, прежде чем те стали доставать персидских всадников. Возникла свалка.

И тут за дело взялись спартанцы. Выскочив вперед, Офриад с такой силой всадил свое копье снизу персу в бок, найдя брешь под щитом, что пробил его. Другой спартанец размахнулся и метнул копье навстречу скакавшему на него всаднику, вышибив того из седла, словно набитый соломой бурдюк на спортивных состязаниях. Архелон поразил сначала лошадь, бросив застрявшее в ее ребрах копье, а когда перс оказался на земле, схватился с ним на меч.

Тарас, находившийся в момент столкновения двух «железных потоков» на правом фланге, увернулся от направленного в голову копья персидского всадника и поддел его на свое. Перс, налетевший на умело выставленное копье спартанца, пронзившее его насквозь, умер мгновенно. Зато Тарас лишился своего оружия дальнего боя, а на него уже летел следующий всадник. Отбив новый удар щитом, он выхватил меч и рубанул наотмашь по ноге пронесившегося мимо воина. Истошный вопль был ему ответом – Тарас почти отрубил персу ступню, обутую в короткий кожаный сапог. И вдруг к воплю добавилось дикое ржание лошади, вставшей на дыбы. Тарас обернулся, заметив, что позади, метрах в десяти, стоит группа гастрфетчиков, защищавших перепуганного насмерть Темпея, а Никомед уже опускает свое оружие. Лошадь, получив стрелу в шею, завалилась на бок и захрипела, а раненый перс откатился прямо под ноги к Тарасу.

– Не твой сегодня день, перс! – сплюнул Тарас, мощным движением вонзая меч прямо в шею распластанному на траве всаднику.

Развернувшись, Тарас увидел, как к нему спиной пятится Архелон, отбиваясь сразу от двух персов, пешего и конного. Архелон еле успевал уворачиваться от ударов и мог бы легко отправиться на встречу с богами, если бы Тарас не подоспел вовремя. Подскочив к пешему воину, он с размаху саданул того по голове, заставив забыть про Архелона. А затем, обменявшись парой ударов, один из которых царапнул его по бедру, всадил клинок в подбрюшье. Чуть в стороне рухнул с лошади другой перс, но, увидев торчавший из груди арбалетный болт, Тарас понял, что заслуги Архелона в этом не было.

– Теперь и ты спас мне жизнь, Гисандр, – хлопнул его по плечу друг, подбегая к убитой лошади и выдергивая из нее свое окровавленное копье.

– Точнее мы с Никомедом, – отшутился Тарас, бросив взгляд на гастрфетчика, вовремя вмешавшегося в схватку. Тарас был очень доволен тем, как отработало новое оружие. И с дальней «снайперской» дистанции и в ближнем бою оно давало большое преимущество своему обладателю, почти сводя на нет защитные свойства даже тяжелых доспехов. «Нам бы таких сотню-другую, – размечтался Тарас, – тогда бы никто не прошел через Фермопилы».

Архелон тоже вновь обратил внимание на «странные луки», которыми пользовались люди Гисандра, но Тарас отделался общими фразами. Надо было уносить ноги, пока их еще не посчитали серьезной угрозой и не прибыли персидские подкрепления.

– К оврагу! – приказал Тарас, увидев, что здесь с персидской кавалерией покончено, зато от главных ворот лагеря к ним направлялся новый отряд, числом не меньше трех сотен всадников. – Уходим в горы.

Офриад и остальные спартанцы погнали своих людей в указанном направлении, а Тарас проследил, чтобы врачеватель со своими «инструментами» побыстрее убрался с поля боя. И только когда последний периек скрылся в кустах и побежал по дну оврага в сторону такого близкого хребта, Тарас сам спустился туда, оставив в арьергарде три десятка лучников.

Впрочем, им удалось уйти без проблем. Ночь помогла. Когда персы доскакали до ворот и узрели побоище, устроенное им врагами в одеждах спартанцев, сами спартанцы были уже далеко. Они устремились в горы и были уже среди скал, когда Тарас понял, что погоня отстала. Он остановился и впервые повернулся назад, чтобы насладиться зрелищем

грандиозного костра, который полыхал рядом с главным лагерем Ксеркса, грозя перекинуться на его постройки, поскольку ветер все крепчал, а дождя так и не было. Суматоха внизу, где отряды всадников и пехотинцев, насчитывавшие уже не одну сотню, рыскали по холмам, царила невообразимая. И кое-кто крутился внизу под горой.

– Первый удар вышел на славу, – похвалил себя Тарас, сжав окровавленное копье, – то ли еще будет.

И, отвернувшись, направился к недалекому уже перевалу.

Глава десятая **Тайное оружие**

Вернувшись из длительной поездки по побережью, в которой он успел сделать немало для осуществления своих тайных планов, Тарас сразу же явился по месту службы в Пеллану. Как ни крути, а от необходимости стоять в строю и «работать» копьем никто его не избавлял. Ни папа геронт, ни даже слава лучшего борца Гимнопедий и спасителя жизни одного из царей, долетевшая до самых отдаленных уголков Спарты. Его судьбу по-прежнему вершил пентекостер Креонт на пару с Хрисидом, гонявшие молодого командира эномотии и в хвост и в гриву, наравне со всеми солдатами, чтобы не расслаблялся.

Вообще, от этой славы у Тараса, само собой, появились не только друзья и почитатели по всей Спарте, но и завистники. Много новых, которым не нравился столь быстрый взлет популярности молодого спартанца. Но был и один из старых знакомых, все время находившийся рядом, что уже давно ждал случая поквитаться. Однако судьба была глуха к его мольбам до недавних пор.

Это был его старый знакомец Деметрий, который стал командиром второй эномотии и служил под началом того же пентекостера Креонта. Однако, несмотря на схожие условия существования – оба спартиата имели наделы недалеко от Пелланы и служили в одной пентекостерии, – виделись они крайне редко. Во многом благодаря тому, что Деметрий столовался в другой сесситии и дружбы с бывшими участниками своей агелы не водил. Даже Тимофей, раньше ходивший в прихлебателях Деметрия, теперь, после гибели Эгиса и Эвридамида в боях с Аргосом, перешел на сторону Гисандра.

В той же войне, во время которой богам было угодно свести Тараса с царским домом Агиадов, после того как он спас жизнь Леонида, Деметрий подружился с Еврипонтидами и тоже оказал им услугу. Нет, он не спасал напрямую жизнь царя Леотихида, который согласно новым законам не мог командовать армией в походе одновременно с Леонидом, и оставался в Спарте. Напротив, Деметрий умудрился впутаться в какую-то темную историю с письмом, которое второй царь тайно написал эфорам, сопровождавшим армию, что и послужило основой всего.

Гонцы попали в руки аргивцев, но были тут же отбиты солдатами Деметрия. Сам гонец погиб и табличка, попавшая в руки Деметрия, должна была прямиком угодить в руки царя Леонида. Но командир второй эномотии клялся Аполлоном, что никакого письма не видел и оно, вероятно, было уничтожено или потеряно самими гонцом. Доказательств иного не было и Деметрия оставили в покое, тем более что в последовавших за этим сражениях он проявил себя как настоящий храбрец. Однако по возвращении в Спарту, Деметрий побывал в столице, и вернулся из той поездки, сияя, как начищенный шлем гоплита. Никто точно не знал, но на сесситиях вполголоса говорили, что он побывал в доме царя Леотихида в Лимнах²³. И царь его принял.

О чем они говорили и была ли на самом деле встреча, доподлинно было также не известно. Однако Тарас, зная Деметрия, склонялся к тому, что дыма без огня не бывает.

²³ В городе Спарта цари жили не в одном месте, а в разных районах (деревнях) – Агиады в Питане, а Еврипонтиды в Лимнах.

Видимо, хитрый спартанец утаил-таки письмо, в котором было нечто такое, за что второй царь Спарты мог очень серьезно поплатиться, попади оно в руки Леонида. Тем более что чуть позже Механид, чей отец также ходил в друзьях Еврипонтидов, как-то, прибыв по делам службы в Пеллану и встретившись с Тарасом, в разговоре обронил фразу о том, что отец Деметрия был неожиданно назначен пифием²⁴ царя и направлен в Дельфы, где принес оракулу большие дары. Видимо, было, за что благодарить Аполлона, да и о чем спрашивать. А чести выезжать из Спарты и возможности прикасаться к деньгам, достаивался далеко не каждый.

Так или иначе, у Деметрия тоже появились связи на высоком уровне, и теперь он частенько посматривал на Гисандра, а бывало, на пентекостера, свысока. Впрочем, Тарас видел, что за своей обычной заносчивостью тот едва скрывает раздражение. Ведь о связях Тараса и его славе знала вся Спарта, и тот мог гордиться ею вполне открыто, хотя и не делал этого публично. А Деметрий имел славу не такую громкую, а возможности и связи вообще был вынужден скрывать. Поэтому ненавидел Гисандра еще сильнее.

К счастью, на службе тот никак не пытался навредить Тарасу, и долгое время они не конфликтовали, мирно сосуществовая в пределах своих эномотий и поместий. Однако, с тех пор как Тарас увлекся тайным производством оружия нового поколения, он сделался более подозрительным и вскоре ему стало казаться, что за его именем следят. Сначала это носило просто характер паранойи – то илот присядет у дороги и долго глазаеет на имение, до тех пор, пока его не прогонят. То повозка застрянет там, где нет ни одной ямы, и возница очень медленно разгружает с нее товар, чтобы вытолкнуть. А потом еще дольше загружает его обратно. Но Тарас старался гнать от себя эти мысли.

Так пролетело несколько месяцев. Еврон и Поликрат подготовили к отправке первую метательную машину, а в порт Кифанты прибыл груз конопли, в связи с чем сразу встал вопрос о том, чтобы все это привезти в имение Гисандра, собрать, а затем испытать. Тарас понимал, вряд ли кто-нибудь догадается о том, что он задумал, даже если увидит все своими глазами, но на всякий случай решил делать все очень тихо, чтобы не вызвать подозрения у соседей. Он предупредил о своих опасениях Этокла и Брианта, которых отправил за разобранным оружием и был сильно раздосадован сообщением о том, что у границы владений периеков Пелланы их поджидал какой-то илот, который плелся за ними потом до самого имения, а затем убежал, едва понял, что им заинтересовались.

– Я хотел его поймать, господин, – оправдывался чуть позже Этокл, – но едва спрыгнул с повозки, как он убежал в лес.

– В следующий раз будь проворнее, – предупредил Тарас, – или хитрее.

– Может быть, взять гастрарет и убить его? – подал идею Этокл, уже второй месяц «стажировавшийся» на гастраретчика и показавший уже неплохие результаты. У него явно имелся талант к военному делу. Да и по характеру Этокл был готовый снайпер – не любил суетиться и бегать, как ошпаренный. Наоборот, долго лежать на одном месте, поджидать и выцеливать противника доставляло ему колоссальное удовольствие. Тарас только диву давался, какие успехи делали илоты, если им разрешали не пахать землю.

– Застрелить, при попытке к бегству, что ли? – усмехнулся Тарас. – Нет уж. Излови мне этого илота и привези сюда. Я сам с ним побеседую и развяжу ему язык. Если мои подозрения верны и за именем наблюдают, то я хочу знать, кому это понадобилось.

Этокл кивнул.

Тарас сгрузил первую баллисту в амбар и отправил коноплю на переработку в Мессению, где мудрый геронт нашел мастеров, взявшихся изготовить канаты, не спрашивая, зачем они нужны. В последний момент он решил не рисковать своими связями в Кифере, где

²⁴ Каждый царь выбирал из своего ближайшего окружения двух доверенных лиц – пифиев, – то есть послов для осуществления контактов с пифийским Аполлоном вместо себя. Хотя при этом сохранялись и личные контакты царя с Дельфами. Должность с названием пифий имела только в Спарте. Она была очень почетной, поскольку только цари и пифии имели привилегию питаться за общественный счет.

корабельное дело было на виду, а потому имелось и слишком много любопытных глаз. Поразмыслив над тем, что «отец» предложил отправить сырье на другой конец страны в Кипариссию и Пилос, Тарас пришел к выводу, что так действительно будет лучше, особенно в свете возникших подозрений. И хотя изготовление канатов займет вдвое больше времени, а испытание опытного образца баллисты затянется, зато у Тараса будет время все выяснить. А кроме того, и без баллисты у него было немало тайных проектов.

Следующей операцией была переброска Темпея из лесов Эпидавр-Лимеры со всем скарбом. Она тоже проводилась втайне. Но, покидая родные места, как он не без основания думал, навсегда, врачеватель взял с собой столько горшков и корзин, что Тарасу показалось, что он эвакуирует вместе с ним всех жителей города. Само собой, что Темпей не раз привлекал внимание своим скарбом по пути до Пелланы, но все обошлось. Здесь же, едва небольшой караван из трех телег пересек границы Пелланы, за ним вскоре увязался все тот же илот.

Но на этот раз Этокл оказался на высоте. На одном из поворотов он выскочил из телеги, предоставив управлять ею самому врачевателю, и, засев в кустах, дождался, пока илот прошествует следом. Напав сзади, крепкий Этокл связал соглядата и бросил на повозку вместе с горшками Темпея, а затем привез обоих в имение, где и передал прямо в руки Гисандру.

Увидев пленника, Тарас обрадовался ему едва ли не больше, чем благополучно добравшемуся врачевателю. Приказав Темпею заниматься разгрузкой своих вещей в специально подготовленный амбар, он сам пинками заставил пленного илота добраться до другого сарая, где работали его кузнецы. С некоторых пор Тарас завел кузню, в которой якобы чинил сельхозинвентарь для своего имения, а на самом деле рассчитывал на месте подгонять и править медные детали для будущего оружия победы. Тем более что советник у него теперь имелся.

– Бросьте его здесь, – приказал он Этоклу с Бриантом, которые втащили упавшего на пороге илота внутрь, – а сами уходите. И вы тоже.

Последнее относилось к двум кузнецам, раздувавшим угли на жаровне для работы.

– Быть может, хозяин, нам остаться? – осмелился заметить Этокл. – Вдруг он задумает сбежать или напасть на вас.

– Ты что, – усмехнулся Тарас, смерив уничтожающим взглядом своего раба, – думаешь, что я, спартанец, который убил множество вооруженных врагов, сам не справлюсь с этим слабаком?

Не сказав больше ни слова, илоты удалились. А Тарас взял стоявшее в углу небольшое копье с тупым медным наконечником для тренировок – с некоторых пор он устраивал гладиаторские бои между своими «спецназовцами», а иногда и сам бился с ними врукопашную, – и на глазах у испуганного илота стал прогревать его над жаровней. Он делал это медленно, не спеша, специально давая время пленнику на размышления, ведь до сих пор он не задал ему ни одного вопроса.

Его расчет оказался точен. Когда Тарас раскалил наконечник докрасна, и подвел копье к глазам илота так близко, что тот смог ощутить исходящий от него жар, он заговорил сам. Вернее, запричитал.

– Не убивайте меня, господин Гисандр! – закричал он, пытаясь отодвинуть лицо как можно дальше от раскаленного наконечника.

– О! Так ты даже знаешь, как меня зовут, – воскликнул Тарас, весьма довольный началом допроса. – Значит, я не ошибся. К сожалению, конечно. Однако от того, что ты скажешь дальше, будет зависеть твоя судьба, поэтому подумай хорошенько, прежде чем снова открывать свой поганный рот.

Тарас еще на пару сантиметров приблизил дымившуюся медь к лицу пленника, заставив его еще сильнее изогнуться, и закончил вводную часть.

– Я слышал о том, что илотов нельзя убивать, кроме как во время криптий. Однако я почему-то уверен, что Аполлон простит мне твою смерть. Если ты скажешь мне хоть слово

неправды, я проткну тебя, как барана, вот этим самым копьём с тупым раскаленным наконечником, а потом тебя разрубят на части и выкинут в канаву далеко отсюда. Так что даже твой хозяин не сможет тебя опознать. Ты меня понял?

Илот кивнул.

– Тогда отвечай, только не говори лишнего. Кто тебя послал следить за моими людьми?

– Господин Деметрий, – пробормотал илот, в страхе бросив короткий взгляд на своего мучителя.

– Вот как, – ухмыльнулся Тарас, почему-то не слишком удивленный ответом, – это уже кое-что объясняет. А что он хотел знать?

Илот дернулся, но все же выдал из себя, закрыв глаза, словно опущенные веки могли спасти его от раскаленного наконечника.

– Я не знаю! Он велел мне смотреть за всем, что происходит в вашем имении. Наблюдать за теми, кто приходит и приезжает, чем занимаются обитатели, а потом сообщать ему.

– Собираешь информацию, – кивнул Тарас, немного отводя копьё в сторону, – Понятно. Но зачем?

Пленник заерзал.

– Ну! – снова приблизил раскаленный наконечник Тарас, чтобы «стимулировать» красноречие.

– Ему кажется, что ваши люди часто ведут себя странно для илотов, – затараторил пленник. – Они мало пахнут землю и много дерутся между собой. А вы их за это не наказываете, даже наоборот. Однажды я даже видел у них в руках какие-то странные луки. Вот господин Деметрий и приказал мне понаблюдать за имением.

– Подозрительный, сволочь, – пробормотал Тарас, убирая копьё и сплевывая сквозь зубы на солому. – И что ты за это время увидел?

Вопрос был задан задушевым голосом, но илот больше не запирался. Он был окончательно сломан, а вид раскаленного копья, то и дело проплывавшего мимо его носа, действовал как лучший аргумент.

– Я видел, как илоты стреляли из этих луков за амбарами, – пробормотал он, – видел, как привезли какие-то бруски и сгрузили в амбар. А сегодня... приехал странный человек с тремя подводами горшков, от которых пахнет за целую стадию.

Тарас больше ни о чем не спрашивал. Ему было все ясно и он размышлял.

«Этот поганый илот уже так давно наблюдает за моим домом, что почти все видел, хотя и не все понял. Лучше, конечно, его убить, – думал он, разглядывая перекошенное от страха лицо парня. – Но если его убить, Деметрий пришлет другого. И придется все повторять снова. А этого я хотя бы знаю. Значит, придется его перевербовать».

– Как тебя зовут? – спросил он у илота.

– Что? – не поверил тот своим ушам. Вопрос к человеку, который уже считал свои последние мгновения жизни, показался ему странным.

– Как тебя зовут? – повторил Тарас.

– Гиморий, – проблеял испуганно пленник, подтянув к лицу руки, связанные на запястьях веревкой.

– Так вот что, Гиморий. – Тарас резко вытянул копьё вперед, так что илот зажмурил глаза, думая, что его сейчас убьют. Но Тарас лишь пережег раскаленным металлом путы на руках, а потом на ногах, освободив его. – Слушай и запоминай.

Илот удивленно открыл глаза, втянув запах тлевшей веревки, и потер запястья, покосившись на копьё. Он еще не верил, что спасен.

– С этого дня твоя поганая жизнь в моих руках и твой настоящий хозяин теперь я.

Гиморий неуверенно кивнул, еще не понимая, к чему клонит Гисандр.

– Ты расскажешь своему господину, что мои илоты самые прилежные во всей Спарте и обрабатывают землю с утра до ночи, так что у них остается лишь немного времени на сон и еду. А стрелять из лука, да еще «странного», они никогда не умели, и тем более безнаказанно

драться с хозяином им никто не позволяет. Ты уверишь Деметрия, что тебе это привиделось лишь однажды, да и то потому, что ты был пьян. Ведь все илоты – известные пьяницы. Ты меня понимаешь?

Гиморий неуверенно кивнул.

– Встань, – приказал Тарас, а когда илот поднялся, наступив на тлевшие под ногами веревки, продолжал, расхаживая перед ним с копьем в руке. – Те странные балки, что ты видел, это обычные дрова. Они давно сожжены. А человек с пахучими горшками, который приехал сегодня, это лекарь.

Тарас сочинял легенду Темпея на ходу, тем более что половина была правдой.

– Он останется у меня в имении надолго, чтобы подлечить мою рану. Ведь всем известно, даже твоему хозяину, что я был ранен в плечо, когда спас царя Леонида.

Тарас замолчал на мгновение и, повернувшись к илоту, закончил таким задушевым тоном, от которого у его собеседника поползли мурашки по коже:

– Так что, мой друг Гиморий, у меня в имении все спокойно. Ты, конечно, будешь и дальше обходить его кругом, но каждый раз должен сообщать Деметрию, что ничего не происходит. А дважды в месяц ты будешь встречаться в укромном месте с Этоклом, тем самым илотом, что поймал тебя, и рассказывать ему о том, что задумал твой хозяин и чем он занимается в свободное время.

Тарас сплюнул под ноги илоту и уточнил:

– Кто еще следит за моим имением?

– Я не знаю, – выпалил Гиморий, – господин Деметрий скрытен и жестоко бьет всех нас за малейшую провинность.

– Но ты узнаешь, – тихим голосом приказал Тарас, – иначе порки господина Деметрия покажутся тебе просто легким поглаживанием по сравнению с тем, как тебя отделают мои слуги. И это только в том случае, если я сочту тебя полезным. Если же ты окажешься не слишком расторопным, то жить тебе не долго, чтобы ты не рассказывал своему старому хозяину. А теперь пошел вон.

И Тарас пинком ноги выдворил илота из сарая. Поднявшись из лужи, тот поклонился и быстро убежал по дороге, только его и видели.

– Вы отпустили его, господин? – удивился Этокл, который вместе с Бриантом все еще перетаскивал многочисленные горшки врачевателя в соседний сарай.

– Он больше не опасен и мне не нужен, – снизошел до ответа Тарас, обращавшийся со своими илотами, особенно с тех пор как начал учить их искусству рукопашного боя, больше как с боевыми товарищами, нежели как с рабами, – а вот ты, Этокл, теперь будешь видеть его регулярно.

И Тарас рассказал илоту схему обмена информацией со своим первым агентом в стане Деметрия.

После этого события Тарас немного успокоился, тем более что Гиморий стал исправно поставлять ему информацию относительно поездок своего хозяина. Знал он, конечно, немного, ведь дальше Пелланы не выезжал. Но однажды к ним в дом приехал отец Деметрия, один из нынешних пифиев Леотихида, который забрал сына с собой в столицу. И, похоже, как удалось подслушать агенту Тараса, на встречу с самим царем.

«Что-то зачастил наш Деметрий ко двору Еврипонтидов. Видать, этот Леотихид действительно хотел крупно напакостить моему благодетелю, если так приблизил за „спасение“ письма сына, да и папашу не забыл, – усмехнулся Тарас, услышав об этом, – не удивлюсь, если Деметрий тайно хранит у себя золотые монеты. Впрочем, он не так глуп. Да и зачем они ему здесь, все равно деньги в Спарте не использовать. Зато папаша теперь в Дельфах бывает регулярно. Может, там и хранит? Хотя один Аполлон знает, как его отблагодарили. Мне это без разницы, лишь бы не мешал дело делать».

Тот факт, что Деметрий пытался совать нос в его дела, конечно, мог быть простым любопытством завистника и давнего соперника, обретавшегося все время по соседству. А мог оказаться и чем-то большим. Кто этих царей разберет. Они, конечно, в Спарте достатком

не кичились, как в других греческих полисах, но интриги плели не хуже персов. В любом случае Тарас решил, что теперь ему придется быть более осторожным.

А потому, когда Темпей всего через неделю проживания спалил ему амбар, немного не рассчитав состав горючей смеси, – командир эномотии едва не раскаялся, что перевез алхимика с юга страны в свое имение. Слишком опасным тот оказался гостем. И даже запретил ему на месяц проводить опасные опыты. А вместо них приказал бродить по окрестностям и собирать травы, изображая лекаря, чтобы соседи и соглядатаи Деметрия – Гиморий сдал еще двоих – немного успокоились после ночного пожара. К счастью, соседи у Тараса были вполне спокойные и в его дела не лезли, даже наоборот, побаивались, как бы знаменитый спартаец Гисандр не причинил им какой-нибудь вред.

В общем, если бы не Деметрий, который так и не смог простить ему победу на Гимнопедиях и не сбывшееся предсказание оракула, то подготовка шла бы гораздо быстрее. А теперь Тарас лишь изредка позволял себе провести тренировочные стрельбы из гастрифетов на дальнем конце имения, что примыкало к горам и не просматривалось с дороги. А испытания опытной баллисты после долгих раздумий решил перенести в Мессению, неподалеку от того самого места, где для них плели канаты. Там геронту Поликарху по счастливой случайности поручили надзирать за территорией сразу нескольких имений, недавно выделенных под клеры новоявленных граждан Спарты. Ему было поручено присматривать за ними до момента вступления спартиатов в свои права, параллельно подбирая илотов и управляющих «по заказу» государства. И момент этот должен был наступить не раньше праздника Артемиды, то есть еще почти через полгода. Чем геронт и занимался, но, ясное дело, не торопясь.

– Во всяком случае, месяца три-четыре у тебя есть, – сообщил Поликарх «сыну» при встрече.

– Отлично, – воспрял духом Тарас, – надо немедленно начинать испытания оружия. Ты сам увидишь, отец, что это такое.

– Канаты уже готовы, – подтвердил геронт, действительно горевший нетерпением увидеть плоды совместных усилий, – вчера у меня был гонец из Пилоса.

– Тогда я завтра же постараюсь испросить у Креонта несколько дней, – заявил Тарас, – думаю, отпустит. Ведь с момента моей последней отлучки в Эпидавр-Лимеры прошло уже много времени.

– Я поеду с тобой, – заявил геронт.

Однако Тарасу пришлось задержаться. Сначала он принял участие в совместных маневрах третьей моры под командой полемарха Леонта, которая совершила поход на север, к границам Аркадии, и прошла вдоль них форсированным маршем. Этот поход был таким мощным, а лица хранивших молчание командиров казались столь напряженными, что Тарас решил – началась новая война. Когда к исходу пятого дня они встали лагерем в одной из лощин, изможденный командир эномотии оглядываясь по сторонам, ожидал, что сейчас придут еще войска. Потом появится царь со скиритами, принесет жертвы, и армия Спарты на рассвете пересечет границу. Но этого не случилось. Через два дня они вернулись обратно в Пеллану, где Тарас без проблем получил увольнительную на десять дней.

Той же ночью, чтобы не дать Деметрию времени подослать своих соглядатаев, Тарас велел илотам и периекам погрузить детали баллисты на телегу и замаскировать дровами. А сам решил разбудить Темпея.

– Просыпайся, мы уезжаем из Пелланы, – ошарашил он врачевателя, сладко храпевшего на сеновале в обнимку с одной из рабынь. Жить под защитой Гисандра ему очень нравилось, и алхимик помаленьку стал расслабляться.

Едва узнав спросонья в запыленном воине, что нависал над ним с факелом, своего спонсора, Темпей удивленно воззрился на него.

– Но куда мы едем, господин Гисандр? Ведь все мои смеси находятся здесь. И вы сами запрещаете мне работать, чтобы я ненароком не сжег все имение.

– Теперь у тебя появилась такая возможность. Одевайся! – рявкнул Гисандр так, что

рабыня в страхе убежала. – Еще до рассвета мы должны покинуть город.

– Так я могу все взять с собой? – просил Темпей, обрадованный, что период безделья закончился. Создавать взрывчатые вещества он все же любил больше, чем лениться.

– Только самый нужный скарб, – предупредил Тарас, – мы не должны привлекать лишнего внимания. Одна телега у нас и так уже есть.

Когда солнце окрасило отроги Тайгета, по горной дороге скрипело три доверху груженные телеги. Тарас обернулся в сторону давно оставшейся позади Пелланы и, не заметив никакой слежки, устало повалился на солому. Только теперь он позволил себе расслабиться после изнурительного похода. И солнце не было ему помехой.

Глава одиннадцатая

По тылам персов

Той ночью они ни на секунду не останавливались. Персы, что-то заметив среди ночных скал, отправили за ними погоню и должны были появиться здесь не позднее, чем через несколько часов. А потому, едва достигнув перевала, откуда еще лучше был виден грандиозный костер в долине, Тарас вновь созвал на совет всех спартанских командиров. Не прошло и пяти минут как, разрешив своим людям отдых, все они собрались.

– Ну что, Орей, ты доволен битвой? – поинтересовался Тарас.

Немного отдышавшись, он кивнул на полыхавшее внизу зарево и метавшихся вокруг него солдат Ксеркса.

– Не совсем, – усмехнулся спартаец, – вы убили много персов, а я даже не обнажил копье. Но ты был прав, Гисандр, и теперь я отправлюсь туда, куда ты меня пошлешь.

– Наше нападение было неожиданным и дерзким, а потому удалось. Но персы не глупы и очень скоро будут здесь, – сообщил Тарас, отставив в сторону копье со щитом и опершись о камень, – а потому мы разделимся, как я и говорил утром. Чтобы стать неуловимыми и продолжать терзать персов в их собственном тылу.

Все собравшиеся здесь спартанцы молчали. Холодный ночной ветер развеивал их плащи, но опьяненные битвой, они не ощущали прохлады.

– Я с Офριάдом и нашими людьми уйду по долине и этому хребту вперед, ближе к побережью.

Тарас указал рукой на цепочку огней, что виднелась вдали, обозначая линию моря. Это готовили ужин и грелись, прячась от крепчавшего ветра, команды кораблей многочисленного персидского флота.

– Там, я уверен, найду немало персов, – развивал свою мысль Тарас, – проводников мы разделим. По одному на отряд. Лисий пойдет со мной. Твой отряд, Орей, как я тебе и говорил, уйдет через соседний хребет дальше, в сторону Этеи, где ты сможешь наконец пустить в ход свое острое копье.

– Мне уже не хватает терпения, Гисандр, – хохотнул спартаец, вскинув копье вверх.

– Вам, Алфей и Марон, я дам одного проводника на двоих, – сообщил Тарас, переключаясь на двух братьев, стоявших в тени огромного валуна, отчего даже зыбкий лунный свет не падал на их лица, – поскольку ваши отряды пойдут вместе в Дориду, чтобы сеять панику.

Две молчаливые фигуры одновременно кивнули, подтверждая, что им все ясно.

– И главное, – закончил речь командир экспедиционного корпуса, – никто не имеет права умереть раньше, чем убьет втрое больше персов. Лишь после этого, те, кто останется в живых, могут вернуться по тропе назад к Фермопилам и рассказать обо всем царю Леониду. А теперь нам пора расстаться. Прощайте.

Без лишних слов спартанцы вскинули в приветственном жесте свои руки, сжимавшие копья, и разошлись. Посмотрев вслед быстро исчезнувшим во мраке командирам, Тарас был уверен, что каждый из них выполнит свою часть «работы». Конечно, их слишком мало, чтобы остановить персидскую армию, но понервничать Ксеркса и его рабов они заставят. А

заодно напомнят тем из греков, кто уже переметнулся на его сторону, что предательство не спасет их от возмездия.

– Выступаем! – приказал Тарас Эгору и Архелону, отдыхавшим после налета у одного их разбросанных по перевалу валунов. – Мы должны немедленно уходить отсюда. Скоро здесь появятся персы.

Затем он с трудом разыскал среди поднимавшихся воинов, которые усеяли буквально весь перевал, Темпея и его охранников с гастрафетами.

– Сколько у тебя осталось горшков? – поинтересовался он, окинув быстрым взглядом выбившегося из сил врачевателя.

– У Этокла в мешке еще десяток и почти столько же у Брианта, – сообщил Темпей, испуганно озираясь по сторонам, где периеки выстраивались в подобие колонны на узкой тропе меж камней. – А что, мы разве не спустимся в долину на ночлег, господин Гисандр? – озабоченным тоном поинтересовался он.

– Нет, – безжалостно заявил Тарас, поглядывая на луну, которую то и дело закрывали набегавшие облака, – мы должны двигаться дальше.

– Но я не могу, – простонал Темпей, – я уже и так стер все ноги, прыгая по камням. Мне надо отдохнуть.

– Ты будешь прыгать по камням столько, сколько я тебе прикажу, – прошипел Тарас, внезапно приходя в бешенство и притягивая к себе врачевателя за гиматий, – или я переломлю тебе ноги и оставлю персам на съедение. А уж они придумают тебе медленную казнь. Выбирай!

– Я... я пойду, господин, Гисандр, – тотчас закивал головой испуганный врачеватель, – просто я немного устал.

– Мне плевать, что ты устал, – успокоил его Тарас, поправляя шлем, – мы будем двигаться всю ночь, и если я услышу от тебя хоть стон, то заколю вот этой самой рукой.

И Тарас продемонстрировал врачевателю копье, на подтоке которого блеснул отраженный свет луны. Темпей замолчал и больше не решался подать голос.

– Этокл, Бриант, – позвал Тарас, а когда из темноты появились две широкоплечие фигуры с гастрафетами, добавил: – Отвечаете мне за этого лекаря. А если он не сможет идти сам, будете подгонять его пинками или понесете на себе.

Илоты кивнули, а Темпей обреченно вздохнул и стал перешнуровывать сандалии.

Спустя несколько часов отряд, вслед за солдатами Алфея с Мароном, уже спустился в долину и, преодолев по ней десяток стадий, повернул на север. Отсюда отряд вновь стал подниматься вверх по заранее разведанной пастухами тропе. Лисий, разлученный со своими друзьями, был расстроен, но не посмел ничего возразить. Шли они, на радость Темпею, не очень быстро, все же ночью было не так удобно передвигаться. Да и кроме спартанцев никто не имел большого опыта ночной войны. Персы все не показывались, но Тарас, то и дело поглядывавший в сторону оставленного за спиной перевала, чуял их дыхание в затылок. Он отчетливо понимал, что случись все это днем, его давно уже догнали бы. Значит, до рассвета следовало уйти как можно дальше, а там будь что будет. А потому он постоянно подгонял отстающих, а Темпея с гастрафетчиками вообще отправил в голову колонны – так идти было легче.

Когда забрезжил рассвет, они были уже под следующим перевалом, где Тарас разрешил отбой. Надо было дать людям отдохнуть и осмотреться. А также подождать арьергард из периекских лучников, что следовал за основной колонной почти в километре, однако пока никак себя не обнаруживал.

Уставшие солдаты разлеглись меж камней, положив рядом оружие. Но едва первые лучи солнца показали над кромкой скал, Тарас невольно обратил внимание на то, как блестят их щиты и копья. Спрятавшись за валуном, он как раз осматривал пройденную долину, пытаясь обнаружить преследователей среди еще погруженных в полумрак ущелий. И обнаружил. Спустившись в долину тем же путем, что и спартанцы, персидские копейщики теперь карабкались вверх по противоположному хребту, решив, что напавшие на них ночью

враги ушли именно этой дорогой. Персов было человек триста, солнце уже светило им в спину, заставляя блестеть шлемы, доспехи и оружие.

«Ну, что же, – с удовлетворением подумал Тарас, закончив рассматривать персидский отряд, – хотя бы погони сейчас не будет. И то ладно».

А повернувшись назад, вновь скользнул взглядом по блестящим доспехам своих солдат. «Надо бы обвязать тряпьем все медные части, – подумал он, – хотя никакой спартанец на это не пойдет, но периекам придется воспринять законы диверсантов. А то, не ровен час, заметят».

Тарас немедленно приказал сделать это имевшимся под руками тряпьем. На что частично пришлось употребить серые накидки илотов, а также несколько полупустых мешков из-под еды. Затем он отправил десять таких солдат на перевал, осмотреть подходы.

Спартанцы долго смеялись, увидев периеков с замотанными копьями и обвязанной тряпьем грудью, которая почти закрывала панцирь. Некоторые даже набросили тряпье на шлемы, хотя по лицам было видно, что для них это настоящее унижение.

– Ты только посмотри на этих бойцов, – потешался Архелон, толкая в плечо Эгора. – Эй, Гисандр, ты что, решил рассмешить персов этими лохмотьями? Да они тут же уберутся обратно через Геллеспонт, едва завидев наше грозное воинство.

– В том-то и дело, чтобы персы увидели нас как можно позже, – стоял на своем Тарас, – а наши шлемы и доспехи блестят так, что видны издалека. Здесь в горах, когда вокруг враг, лучше было бы спрятать их под лохмотьями.

– Чтобы я сменил свой красный плащ и шлем на лохмотья? – распалился Оффриад, вскакивая с камня. – Да лучше отправь меня одного биться с сотней персов, но не приказывай мне этого, Гисандр. Мы любим простоту, но ни один спартанец не вынесет подобного. Хватит с тебя и периеков.

Тарас промолчал. Он и так знал, что приказывать спартамцам заниматься собственной маскировкой, было бесполезно. Даже безнадежно. Выносливости и боевых навыков им было не занимать, но в этом плане диверсанты из них выходили никудышные.

«Впрочем, – решил Тарас, разглядывая сильно потускневшее воинство периеков, – теперь эти несколько красных плащей не так заметны. И то ладно»

Вскоре вернулась разведка, сообщив, что с перевала открывается вид на большой город, рядом с которым видны стоянки множества персов.

– Город? – переспросил удивленный Тарас. – Какой еще город?

– Мы не знаем, – ответил командир разведчиков, – но возле него построен еще один лагерь персов, даже больше, чем тот, который мы видели вчера.

– Это Трахин, господин Гисандр, – сообщил Лисий, стоявший неподалеку, – главный город в этой земле.

– Пойдешь со мной, – приказал он пастуху и в сопровождении спартамцев направился вверх по склону. – Остальным оставаться пока здесь.

Поднявшись на перевал, Тарас действительно заметил невдалеке город, стоявший посреди холмистой равнины. Большая часть этой равнины уходила далекое вправо, упираясь в море. Похоже, именно там вчерашней ночью он видел костры моряков. А вторая была зажата между городом и хребтом, огибавшим ее полукругом и выходившим вдали все к тому же морю. Этот хребет был началом целой горной страны из десятков долин и сотен перевалов, видневшейся по левую руку. На этом полукруглом хребте и стояли сейчас спартамцы.

– Трахинские скалы замыкают всю малидскую область, – подтвердил свои слова, сказанные несколькими минутами ранее, еще во время подъема, Лисий.

– Ты знаешь проходы в них? – уточнил Тарас у пастуха.

Сам он был занят размышлениями, и уже отчетливо понимал, сколь бы он ни был хитрым, по равнине до берега пройти не удастся. Ни ночью, ни тем более днем. Его первый план трещал по швам. Слишком уж много персидских отрядов, конных и пеших, передвигалось по ней сейчас непрерывным потоком. Солдаты Ксеркса, высадившись с

кораблей, маршировали от побережья к лагерю у Трахина, а отсюда направлялись ко второму лагерю. Персов было так много, что Тарас на минуту даже расстроился, – сколько бы они не убили и сожгли врагов во время вчерашнего нападения, их все равно оставались еще многие тысячи. И узкие проходы в горах, которые можно защищать малым числом воинов, были их единственной надеждой до подхода основных сил. Но, взяв себя в руки, Тарас отогнал эти черные мысли. Он пришел сюда, чтобы доказать Леониду возможность диверсионной войны и он докажет. Чего бы это ему не стоило.

– Горы высокие и мы редко бывали здесь, – ответил Лисий, немного напрягшись, но Тарас понял, что пастух не врет. – Обычно Трахин был последней остановкой на нашем пути. Мы продавали здесь овец и покупали коз. А затем шли обратно.

Тарас потерял интерес к греческому городу, тонувшему в тени кипарисов, и замолчал, осматривая лагерь, который охранялся многочисленными конными разъездами. Похоже, весть о нападении на соседний лагерь уже дошла и сюда. Пыль на петлявших между холмами дорогах, стояла столбом. На одной из них он заметил нечто странное. То же самое заметил и Офриад, который вдруг вскинул руку и, указав куда-то вперед, воскликнул:

– А это еще что за твари?

При этом он уставился на Эгора, который уже однажды объяснил ему, что такое слон. Однако на сей раз это были не слоны, а совершенно не знакомые спартанцу животные. Присмотревшись, Тарас увидел, что в сторону Фермопил перемещался отряд кавалерии, но лошади были уж очень странные – белые, лохматые, с двумя большими горбами на спине.

«Е-мое, да это же верблюды! – едва не вырвалось у него по-русски. – Самые настоящие всадники на верблюдах, кораблях пустыни, мать их. И кого только этот богоподобный царь персов с собой не притащил на нашу голову. Эфиопов и слонов я уже видел. Теперь верблюды. То ли еще будет».

В надежде, что «всезнающий» Этокл вновь сам разъяснит все Офриаду, Тарас некоторое время молчал. Но никаких объяснений не последовало, а Тарас решил на этот раз не хвалиться своими знаниями заморской фауны.

– Кого бы ни привел сюда Ксеркс, – заявил он, пресекая досужие разговоры, – мы всех выгоним обратно или уьем. Никто из них не будет безнаказанно топтать нашу землю. А сейчас...

Тарас принял решение.

– Мы отправимся в обход Трахина к морю, – сообщил он, прищурившись на солнце, – мы будем двигаться весь день по хребту и спустимся с него вон там – у дальних отрогов. Оттуда до моря рукой подать и можно ближе всего подобраться к кораблям, которые я хочу навестить.

На этот раз ни Офриад, рвавшийся в бой, ни Эгор с Архелоном, ни другие спартанцы, не стали с ним спорить. И хотя никто из них не боялся умереть, они помнили приказ Леонида, озвученный их командиром, «уничтожить как можно больше персов». Конечно, их было много и на равнине, что раскинулась прямо под ними. Пожалуй, даже слишком много персов они видели перед собой. Однако ночной налет укрепил авторитет Гисандра, и теперь спартиаты верили ему больше, чем в самом начале пути.

– Солнце уже высоко, – заметил Тарас, поднимая взгляд на светило, что все сильнее грело их спины, – значит, надо двигаться быстро.

Послав одного из периеков вниз за остальными, спартиаты дождались свое войско на перевале, и двинулись дальше вместе с ним. Глядя, как блестят шлемы спартиатов, Тарас невольно хмурился, зато с удовольствием поглядывал на прикрытых лохмотьями периеков, которых было почти не видно на горной тропе. Коричневый камень и серый песок делали основную часть отряда почти незаметной. «Просто настоящий спецназ», – усмехнулся Тарас, остановившись на одном из поворотов и наблюдая, как мимо, положив руки на висевшие через плечо гастрافеты, словно на автоматы Калашникова, прошли его илоты.

Однако этот «невидимый» спецназ все же был обнаружен буквально в следующем ущелье, несмотря на разведку, высланную вперед. Им случайно повстречались местные

пастухи, внезапно спустившиеся по одной из едва заметных троп и с удивлением взиравшие на странных вооруженных людей, проходивших мимо. Однако на свою беду они не успели распознать в них спартанцев и вовремя скрыться. Находившийся в авангарде Оффриад, не дожидаясь приказа от Гисандра, приблизился к ним с тремя воинами и быстро перебил всех. Один из пастухов, увидев это избиение, бросился бежать по тропе вверх, но его настигла стрела периекского лучника.

– Они могли рассказать о нас персам, – просто объяснил свои действия Оффриад.

«И ведь не поспоришь, – хмуро кивнул Тарас, приказав продолжать движение, после того, как трупы завалили камнями, – я надеялся, что они укажут нам дорогу, ведь от Лисия проку больше нет, но и отпускать его назад тоже нельзя».

Впрочем, не прошло и получаса, как они вновь повстречали пастухов. На этот раз Тарас был начеку и отдал приказание сначала их допросить. Пастухов было трое. Жизнь оставили лишь одному – долговязому парню, который согласился провести их до моря тайными тропами в обход деревень.

– Будешь за ним приглядывать, – приказал Тарас Лисию и пошутил, смахнув каплю пота со лба, – пастух пастуха видит издалека.

Лисий кивнул, а Тарас на всякий случай добавил к приказу угрозу:

– Смотри, если этот малидский пастух приведет нас прямо к персам, то за твою жизнь никто не поручится.

Лисий только вздохнул. Иначе никто из спартанцев с ним и не разговаривал.

Дальше, следуя тропой вдоль хребта, они двигались несколько часов, не встретив никого, даже пастухов. Вся жизнь бурлила сейчас в долине и возле Трахина. Персы, уйдя в погоню за другими спартанскими отрядами, этот пока оставили без внимания, и Тарас молился всем богам, чтобы их никто не обнаружил хотя бы до побережья. И боги, похоже, слышали его. Ветер дул и днем, поднимая тучи пыли, которая часто даже скрывала Трахин. Проходимых перевалов и троп, что вели в сторону Этеи, здесь было предостаточно, однако они были пустынные. Торговля вокруг Трахина, судя по всему, временно замерла из-за войны. Хотя обе прилегающие области находились уже позади передовых частей армии и могли считаться Ксерксом внутренними землями персидской империи.

Лишь пару раз им пришлось пережидать, замерев в овраге у перевала, пока отряды персидской конницы ускачут вниз. Оффриад, глядя из-за камней на персидских всадников, чьи доспехи просто сверкали на солнце, скрипел зубами, сплевывая забившийся меж них песок, и поглядывал на Гисандра, но тот наотрез отказывался атаковать. Перевал был довольно широким, и коннице было, где развернуться. А кроме того, он уже наметил себе цель – корабли, – и хотел до нее добраться во что бы то ни стало. Подвергать опасности жизни своих солдат без особой необходимости он не спешил. А остальным спартанцам, не понимавшим до конца его действий, приходилось подчиняться.

Не теряя из виду город, на который они посматривали с хребта во время коротких привалов, спартанцы вскоре стали от него отдаляться, оставив чуть позади. Передвигаться по козьим тропам приходилось быстро. Солнце палило нещадно, и даже ветер не спасал от зноя, но малидский пастух вел их довольно уверенно, огибая встречные деревни. И к тому моменту, когда жар стал спадать, они уже были гораздо ближе к побережью. Но в этот день до него было уже не дойти.

– Пора вставать на ночевку, – приказал Тарас, глядя, как дрожащий в мареве солнечный диск медленно приближается к горизонту.

– Но ведь мы могли бы пройти еще много стадий, прежде чем тьма укроет горы, – предположил Эгор, останавливаясь рядом, – силы еще есть.

– Это так, – кивнул Тарас, – но мы прошли уже немало, а к утру нам нужно быть свежими, так как завтра нам предстоит вновь схлестнуться с персами. Поэтому мы встанем на ночлег прямо здесь, на склоне этого поросшего кустами хребта. А поднимемся еще затемно и двинемся дальше.

Эгор, Архелон и остальные не стали спорить. День действительно выдался тяжелым,

даже для спартанцев. Никто не жаловался, но все были рады возможности немного отдохнуть.

– Лисий, а тебе отдыхать еще рано, – «обломал» пастуха-надзирателя Тарас, увидев, как тот без сил повалился на раскаленные камни, – ты со своим «другом» пройдешь вперед еще пару стадий и посмотришь дорогу вперед, так чтобы утром мы не сбились с нее, блуждая в потемках. С вами отправятся десять периекских лучников, на всякий случай, чтобы твой «друг» не сбежал к персам. До них ведь отсюда рукой подать.

Лисий застонал и, бросив уничтожающий взгляд на «своего друга», поднялся.

Ночь они провели спокойно, несмотря на то что кругом были персы и в небе грохотали раскаты грома – где-то над морем разразилась гроза. Расставив дозоры, спартанцы слегка перекусили вяленным мясом, что принесли с собой. Костров не разводили. Затем, выпив теплой воды из бурдюка, Тарас прилег между двух камней, накрылся плащом и мгновенно заснул. Изможденное тело требовало отдыха.

Спал Тарас глубоко, но мог просыпаться в нужное время без всякого будильника. Этот навык был давно отточен. Так что открыл глаза он буквально за мгновение до того, как рядом с ним возникли две тени – Этокл и Бриант, которым он приказал разбудить его, если что.

– Случилось что-нибудь? – уточнил Тарас, зевнув.

Он сел, потянулся и затем встал, отряхнув с плаща мелкие камешки.

– Все в порядке, – отрапортовал Этокл, махнув рукой в сторону шевелящихся вокруг теней, – отряд готовится к выступлению.

– Великолепно, – кивнул Тарас, бросив взгляд на слегка порозовевшие вершины гор, а затем скользнул по долине, в которой еще царил мрак, – пришлите ко мне Лисию и этот малыйца. Немедленно выступаем.

Когда рассвело, они были уже далеко от места ночевки.

– Скоро будет низкий перевал, – сообщил малиец, внезапно остановившись, – по нему проходит дорога, на которой запросто могут разехаться две повозки. Там бывает многолюдно.

– Даже в этот час? – слегка удивился Тарас.

Впрочем, в этом климате было обычным делом путешествовать спозаранку, пока солнце не стало выжигать своими лучами землю, и он сразу поверил пастуху.

– Есть обходной путь? – уточнил Тарас без особой надежды на успех, слишком уж близко они подошли к морскому побережью. Даже с той части хребта, что уже начинал заметно понижаться, было видно часть скалистого берега.

– Нет, – осторожно проговорил пастух, бросив опасливый взгляд на него и стоявших за спиной Эгора и Архелона, – эта тропа ведет прямо на перевал, сливаясь с дорогой, а с него, в сторону моря. Чуть ниже она, правда, вновь отходит от нее.

– А куда ведет эта дорога? – спросил Тарас, силясь разглядеть невидимый отсюда перевал. Его закрывал один из отрогов, густо поросший лесом. Деревья на нем сейчас шумели и раскачивались от порывов ветра.

– Из Ламия в Трахин, – ответил пастух, – большая ее часть петляет по горам, а здесь, спускаясь с перевала, она сначала проходит вдоль моря.

– Значит, вдоль моря, – кивнул Тарас и процедил сквозь зубы, словно разговаривал сам с собой: – Это хорошо.

Он оглянулся назад, скользнув удовлетворенным взглядом по периекским лучникам в лохмотьях, что почти сливались с камнями.

– Идем на перевал, – приказал он, отправив вперед Этокла и Брианта с десятком лучников. Остальные спартанцы молча последовали за ним.

Когда отряд, растворившись в «зеленке», незаметно подтянулся к перевалу, оказавшись на вершине нависавшего над ним хребта, с которой отлично просматривалась часть дороги, их там уже поджидал довольный Бриант.

– Ну, что там? – поинтересовался Тарас, по глазам илота угадавший, что впереди

происходило что-то интересное.

– Со стороны Ламия приближаются какие-то повозки, – сообщил тот хозяину и сгрудившимся вокруг него спартанцам, – они еще плохо видны, но сильно пылят и передвигаются быстро. Похоже на колесницы.

– Сколько их? – уточнил Тарас, отодвигая ветки кустарника и впиваясь глазами в изгиб горной дороги, в дальнем конце которой действительно перемещалось пылевое облако. Ветер быстро относил пыль назад, открывая несколько передних колесниц, но остальные тонули в этом шлейфе.

– Штук десять, – ответил илот, прижимая висевший за спиной гастрарфет к бедру, – может быть, больше. Сейчас сами увидите, господин Гисандр.

Решение пришло мгновенно.

– Мы атакуем их, – проговорил Гисандр, отпуская ветки и оборачиваясь к спартанцам, – и захватим колесницы.

– Но зачем нам колесницы? – изумился Архелон.

– Я хочу как можно быстрее оказаться на берегу, – сообщил Тарас, – время не ждет. Каждый миг кто-то из спартанцев гибнет там на перевале. И персы должны ответить за каждого из них десятью жизнями. Мы притаимся на склоне, среди кустов и, едва покажутся колесницы, атакуем, чтобы никто не проскочил мимо нас в Трахин. А затем сядем на них и наведем лагерь персидских моряков.

– Смело, – кивнул Оффриад, – мне это нравится, Гисандр.

Времени на раздумья не было, и спартанцы быстро переместились вниз по склону, спрятавшись метрах в двадцати от пустынной пока дороги. Справа и слева от себя, на расстоянии почти в сотню метров, Тарас разместил лучников с приказом бить всех персидских солдат, которых они увидят. А прямо перед ним, за валунами, укрылись илоты с гастрарфетами. Их задачей было не пропустить первую колесницу, если не повезет лучникам.

– Вали даже лошадь, если они проскачут мимо, – приказал он, присматриваясь к приближавшимся персам, – никто из них не должен пройти через этот перевал.

– Понял, – кивнул Этокл, и, уперев свое оружие в живот, стал натягивать тугую тетиву.²⁵

Пока колесницы приближались в облаке пыли, Тарас рассматривал недалекий и, к счастью, пустынный пока перевал, над которым сильный ветер гнал рваные облака. «Если оттуда появится кто-нибудь из персов, – промелькнула предательская мысль, – то нас могут просто смять. О Аполлон, помоги нам!»

Наконец, из-за ближнего поворота появилась первая колесница, которую с натугой тянула вверх двойка лошадей. Управлял ею возница в кожаной жилетке на голое тело, тиаре и густой, черной как смоль, бородой. Позади него виднелись два дюжих воина в доспехах поверх длинных балахонов. Они тоже были в тиарах вместо шлемов, имели в руках по круглому плетенному щиту и несколько дротиков. Судя по расслабленному виду, оба разомлели от жары и не ждали нападения.

– Идет не очень быстро, – удовлетворенно ответил Тарас, рассматривая длинные сверкавшие под солнцем лезвия мечей, похожих на косы, что были приделаны к колесам и торчали по обеим сторонам колесницы. Эти мечи предназначались, чтобы рубить в кровавую кашу пехотинцев врага. А мощное копьё с целым букетом остро отточенных наконечников, прикрепленное к корпусу снизу, торчало между лошадьми на уровне груди пехотинцев, как таран, тоже производя сильное впечатление.

Пока первая колесница поднималась к перевалу, Тарас успел пересчитать остальные. Всего в поле зрения попало двенадцать колесниц – вероятно, летучий ударный отряд, посланный кем-то из персидских командиров на рекогносцировку. Позади них не было

²⁵ На конце ложа для удобства зарядания гастрарфет имел полукруглое основание, которым можно было упереться в живот во время натяжения тетивы.

видно конницы, которой втайне опасался Тарас, ведь сражение с конницей в его планы не входило.

Он подождал, пока головная персидская колесница приблизится к наблюдательному пункту, а остальные окажутся на расстоянии полета стрелы из лука, и махнул рукой наблюдавшим за ним командирам. Тотчас со склона взметнулся в небо рой стрел, накрывший персов. Но первой колеснице, как и боялся Тарас, удалось избежать прямых попаданий. Все стрелы ушли в перелет, лишь несколько вонзилось в щит одного из воинов, успевших среагировать на нападение. Возница хлестнул лошадей и те, вышибая искры из камней, потащили колесницу вверх из последних сил.

– Этокл! – заорал Тарас, выпрыгивая из-за валуна. – Достань их!

Но гастралетчики и так выцеливали движущуюся мишень. И вот с едва различимым шелестом вдогон улетел первый болт, затем второй. Возница, яростно хлеставший лошадей кнутом, вдруг нелепо раскинул руки и повис, перегнувшись через ограждение. Вторая стрела, пробив плетеный щит, вышвырнула уже мертвого перса из колесницы на камни. Третий воин едва успел спрыгнуть сам, как лошади, бросившись от испуга в сторону, опрокинули колесницу на бок и, протаскив ее метров десять, остановились, перегородив дорогу. Но и этот перс продержался недолго. Третий болт пробил его доспех и свалил окровавленное тело на камни.

– Молодцы! – крикнул Тарас своим «снайперам». – За мной, спартанцы!

И бросился вперед, увидев, что последнюю колесницу лучники обработали похожим образом, – она перевернулась на ходу, отрезав путь к отступлению. Зажатые в тесном пространстве остальные колесницы с воинами не имели достаточно места для маневра, но тем не менее еще представляли опасность. В приближавшихся к ним со склона периеков полетели дротики и стрелы – на колесницах находились лучники. Однако их было слишком мало.

Но персы и не думали сдаваться. Возницы начали яростно хлестать лошадей, и несколько колесниц сразу бросилось в атаку, едва периеки с копьями наперевес оказались на дороге. Они еще не успели построиться даже в подобие фаланги и образовать строй, как в эту неорганизованную толпу врезалась первая колесница, искромсав своими гигантскими ножами на колесах сразу нескольких человек. Те, кто не умер сразу, получил жуткие ранения. Дорога огласилась воплями и стонами.

– То же мне воины, – поморщился Офриад, прыгавший по камням вниз рядом с Тарасом, – не умеют даже умереть достойно.

И с ходу метнул копье, поразившее в грудь возницу. Мертвый перс рухнул под колеса. Колесница переехала его, подпрыгнув на теле, и остановилась. Двух оставшихся персов моментально окружила толпа периеков, поднимая их на свои копья. Следом тотчас попыталась прорваться еще одна колесница. И ей это почти удалось. Персы проложили себе дорогу, затоптав конями, а затем, изрубив в куски многих периеков. Воины из колесницы метали в греков свои дротики, разя наповал. На глазах Тараса один из периекских лучников, оказавшийся на пути бешено несущейся колесницы, не успел увернуться и напоролся на выставленное вперед копье-таран. Сразу несколько длинных и широких лезвий пробило его доспех, выйдя из спины. Кровь брызнула во все стороны, когда колесница персов почти вырвалась из окружения и попыталась объехать головную, лежавшую теперь на боку. Но копья Гисандра и Архелона остановили ее, убив двоих седоков. А прилетевший откуда-то сзади арбалетный болт сразил наповал третьего.

Скоротечная битва вскоре завершилась. Копейщики в ближнем бою добились всех, кого не успели сразить лучники. Тарас прошелся вдоль поверженных колесниц и, подсчитав свои потери, ужаснулся. Эта атака стоила ему почти двадцати периеков. Впрочем, никто из спартанцев не погиб, а из персов никто не прорвался через перевал. Все полегли здесь, некого было даже допросить. Зато теперь в его распоряжении было восемь вполне исправных колесниц, на которых он собирался немедленно двигаться к недалекому берегу.

– Придется переодеться персами, – заявил Тарас Офриаду, останавливаясь возле одного

из мертвых персидских воинов, лежавшего на камнях и разглядывая почти целый доспех. Перс был убит стрелой в шею.

– Можно ли нам сменить свои красные плащи на эту варварскую одежду? – возмутился Офриад.

– А ты где-нибудь видел спартанцев, спокойно разъезжающих в колесницах по персидскому лагерю? – ответил тот вопросом на вопрос.

– Мы нападём на персидский лагерь? – от такого предположения в глазах Офриада загорелся огонек.

– Немедленно, – объявил Тарас, – правда, не на большой лагерь у Трахина, это было бы глупостью. А на стоянку моряков на берегу, что под самым перевалом. Мы переоденемся персами, приблизимся и внезапно нанесем удар. Я хочу сжечь побольше кораблей, пока они не ждут нападения. А колесницы для этого подойдут нам лучше всего.

– Ну, что же, – нехотя протянул Офриад, рассматривая другого мертвеца, – вот этот балахон будет мне впору.

– Но все мы не поместимся на колесницы, – резонно заметил Архелон, оказавшийся рядом.

– Остальные пойдут пешими позади колонны, – решил Тарас. – Периеки в лохмотьях не так узнаваемы, как мы. И если боги нас не покинут, то мы быстро доберемся до самого берега и нанесем свой удар.

Спустя двадцать минут на перевал устремилась колонна из восьми колесниц, на ножах которых еще не успела засохнуть кровь периеков. Передней управлял Этокл, обряженный персом, а за ним стояли Тарас и врачеватель Темпей со своим мешком, полным смертоносных горшков. На второй расположился Бриант с таким же мешком «зажигательных снарядов» и двое периеков, один из которых с гастраретом. На третьей и четвертой колесницах Тарас вновь расположил гастраретчиков и периекских лучников, несмотря на протесты спартанцев. И лишь на пятой находились Эгор и Архелон, рассматривавший с омерзением пестрый персидский хитон, который ему пришлось натянуть поверх доспехов. Греческие шлемы с наверхшиями из перьев спартанцам также пришлось сменить на войлочные тиары. В таком виде они смотрелись не так грозно, зато никто издалека и не заподозрил бы в них спартанцев. В руках у каждого был плетеный щит, но копье они оставили свое, длинное. Щиты же и шлемы сложили в колесницу, благо там имелось место для оружия.

Следом ехал на колеснице Офриад с двумя спартанцами. На оставшихся колесницах тоже были спартанцы, которым пришлось играть возниц и персидских воинов. Остальные лучники и копьеносцы в лохмотьях, по приказу Гисандра, устремились вслед за колесницами, но не стройными рядами, как это сделали бы настоящие спартиаты, а лишь слегка организованной толпой, как перемещались персы. Однако даже в лохмотьях они выглядели, как греки – с медными щитами и копьями, в характерных шлемах. Въезжая на перевал Тарас немного беспокоился об этом. Случись им повстречать персов на подходе к лагерю, то их быстро «рассекретят». Однако он решил положиться на богов и внезапность.

Едва его колесница выехала на самый верх перевала, как он увидел такое близкое море.

– Обожди, – приказал Тарас Этоклу, и тот послушно осадил лошадей.

В лицо Тарасу ударил порыв мощного соленого ветра. До моря было не больше нескольких километров. Пустынная дорога устремлялась вниз и, сделав несколько плавных поворотов между скалистыми холмами, выходила к побережью залива, вдоль которого очень плотно были выстроены персидские корабли. Никто их не охранял со стороны гор. Солдаты, выгрузившись на берег, отправились в лагерь у Трахина и дальше, а у каждого корабля находились лишь моряки, занимавшиеся сейчас своими делами.

Персидских кораблей было великое множество. Их были сотни, если не тысячи. Целая армада. Тарас разглядел военные триеры и грузовые корабли, сопровождавшие армию в этом походе. Почти все они сейчас были вытаснены на берег, у многих копошилась рабы, что-то

разгружавшие с них. Лишь несколько странных, «египетских»²⁶, как показалось Тарасу, парусов, покачивалось сейчас среди высоких волн, которые накатывали на берег с неистовством, предвещавшим скорую бурю. Эти корабли совсем не стремились пристать к скалистому берегу. Напротив, они, похоже, собирались переждать волнение в море. Тарас увидел, что примеру «египтян» собирались последовать еще несколько кораблей, команды которых сгрудились вокруг них, сталкивая суда обратно в воду. Берег здесь был действительно не очень удобный, а прибрежная полоса короткой. И сильная волна могла запросто разбить корабли о камни.

– Будет буря, – проговорил Тарас очень тихо, и, стараясь перекрыть ветер, добавил, возвысив голос: – Правь вон к тем кораблям, Этокл! А ты, Темпей, готовь свои горшки, пришел твой час!

Глава двенадцатая **Мессения**

Баллиста разогнулась и, заходив ходуном, зашвырнула вдаль глиняный горшок. Пролетев положенное расстояние, тот ударился о твердую землю, рассыпался и залил жидким пламенем траву у ограды. До своей первой цели, сарая в двухстах метрах, он не долетел почти половину расстояния.

– Слабовато, – нахмурился Тарас, оглянувшись на стоявшего рядом Поликарха. Но тот был просто в восторге от нового оружия. – Эта штука, баллиста, должна бить хотя бы вдвое дальше. Думаю, нужно нижние балки покороче изготовить. Да канаты какие-то мягкие. Надо жестче.

– Ты только скажи, Гисандр, – кивнул геронт, переводя восхищенный взгляд с небольшого костра на угловатую конструкцию, возвышавшуюся чуть в стороне, – а лучше начерти на восковой дощечке. Поликрат и Еврон быстро поправят. Я могу отправить надежного человека в Кифанту сегодня же.

– Эй, вы, – крикнул Тарас илотам, глядя, как разгоревшееся пламя пожирает изгородь, – а ну потушите огонь, пока соседи не сбежались.

А обернувшись к «отцу», добавил:

– Ладно, попробую. На сегодня хватит. Пятый залп уже, так все горшки израсходуем, а их тоже беречь надо. Горшки-то с «горючкой», в отличие от баллисты, уже хорошо получаются.

Сказав это, он присел на скамью у дома, недавно выстроенного илотами, которых пригнали сюда из Кипариссии, взял дощечку и погрузился в раздумья. Спустя некоторое время он вычертил более правильное изображение и подзвал одного из илотов.

– Передай это моему отцу, – приказал Тарас, протянув ему дощечку.

Илот немедленно сбежал в соседнее имение, где геронт и его сын встали на постой, в отсутствие настоящих хозяев. А спустя минут десять Тарас, щурившийся на солнце, заметил, как оттуда выбежал один из «сорокоходов», направляясь в сторону Спарты. Вернее, Кифанты, где Поликрат и Еврон должны были в кратчайшие сроки внести изменения и прислать обратно повозку с модернизированной баллистой.

– Беги, беги, – проводил его взглядом Тарас, направляясь в сарай к Темпею, – а мне теперь надо подумать, чем занять время до твоего возвращения.

Они с отцом, Темпеем и всеми «доверенными» илотами вперемешку с периеками, торчали здесь уже неделю. К сожалению, геронт не мог напрямую приказывать начальству Тараса. Но, пообщавшись накоротке с пентекостером сразу после возвращения его сына из

²⁶ Самыми боеспособными частями персидского флота были египетские и финикийские эскадры. Причем финикийцы выступали не единым фронтом, а отдельными соединениями, которые выставляли по требованию Ксеркса города-государства Тир, Сидон и Библ. Каждое из таких соединений имело своего командира.

похода, выпросил для него еще десять дней, рассказав сказку о государственных интересах. Мол, Тарас нужен ему для дополнительной охраны во время инспекции отдаленных поселений Мессении, а лучше сына, да еще такого известного бойца, было никого не найти. Этот довод подействовал даже на Креонта.

– Ведь вы же знаете, как нынче беспокойно в Мессении, – проговорил геронт, слегка привирая для дела, – согладатеи сообщают, что илоты все чаще идут на открытые столкновения. Так и до нового восстания недалеко.

– Если нам прикажут, – подтянулся Креонт, – то мы немедленно зальем кровью всю Мессению. Ни одного илота, осмелившегося помыслить о свободе, не оставим в живых.

– Это лишнее, – успокоил его геронт, – но мне нужно немедленно отправиться по делам службы в Мессению и пробыть там некоторое время. Если бы меня смог сопровождать Гисандр, то я чувствовал бы себя вполне спокойно.

– Может быть, тогда отправить с вами всю его эномотию? – предложил спартанец. – Гисандр, конечно, хороший боец, но один он вряд ли справится с целой бандой решившихся на сопротивление илотов.

– В тех районах, где будет проходить моя поездка, – мягко возразил геронт, – пока относительно спокойно. А кроме того, в Пилосе и Кипариссии стоят гарнизоны. Так что, в крайнем случае, мы найдем там убежище. Но до этого, уверен, не дойдет.

Так Гисандр получил почти три недели на ходовые испытания. Первая баллиста вышла, несмотря на все старания мастеров, не идеальной. Тарас так заботился о секретности, что дал им довольно общий чертеж. В результате баллиста и получилась, так сказать, в общих чертах. И после сборки просто ходила ходуном. Пришлось даже на месте специально укреплять ее болтавшиеся сочленения тонкими канатами, а кое-где и прибивать деревянные накладки. И все же она получилась. Ее торсионы вращались, ее можно было зарядить, и она исправно выбрасывала горшки в указанном направлении. Правда, пока не так далеко, как рассчитывал ее главный конструктор. Но это все можно было списать на обычные недостатки опытного образца.

В целом же Тарас вообще был удивлен, что эта конструкция заработала с первого раза. Ведь он никогда и не был настоящим конструктором. Скорее у него неплохо получалось организовать работу других. А конструкцию баллисты он вычитал в прошлой жизни в одной из книг о древних греках. И ему очень повезло, что этот чертеж так крепко отпечатался в его памяти, что не стерся оттуда даже после взрыва гранаты и провала во времени. Так что он, зная принцип работы, просто «подкинул» идею Поликрату и Еврону, а те, настоящие мастера, без лишних вопросов воплотили эту идею в жизнь. Благо технологии уже позволяли.

Впрочем, даже на сборку опытного образца Тарас их не пригласил. Боялся, что раньше времени по Спарте распространятся совершенно ненужные слухи. Хвастаться еще было нечем, да и незачем. Узнай о его забавах эфоры, способные казнить любого за одно лишь стремление жить отлично от завещанных Ликургом традиций, и вся новоявленная артиллерия умерла бы вместе с ним, так и не родившись раньше срока. А Тарас, решившись, уже не мог отступить, пусть даже это дело было сопряжено со смертельным риском. В последнее время его гораздо больше волновало, как довести дело до конца и сохранить все в тайне, поскольку Темпей уже перешел к активным опытам со взрывчатым веществом. И в отдаленном имении вот-вот должны были зазвучать первые взрывы, – надо же было испытать «мины» нового образца. Тарас и здесь подкинул своему штатному алхимику пару «наколов» из будущего, а мозг ученого сразу впитал их и через некоторое время уже не отличал от своих. Тарас был не против. У него-то мозги в этом деле все-таки варили не так хорошо. Его дело копьем орудовать да эномотию в атаку водить. Нет, гранату бросить или взорвать что-нибудь он был обучен, но вот создать все это – тут требовался иной подход. Такому не научишь.

И Тарас был доволен уже тем, что сумел разыскать этого несчастного врачевателя, который оказался просто фанатичным поклонником и первопроходцем минного дела. Он

днями и ночами не вылазил из своего амбара, в котором хозяин устроил для него лабораторию, смешивая толченые порошки в разных пропорциях. А когда прогремел первый настоящий взрыв, подрубивший высокое дерево под корень и едва не убивший самого Темпей, тот пришел в полный восторг.

– Ты осторожнее с этим... порошком, – предупредил Тарас, разглядывая тунику врачевателя, на которой дымились несколько дыр с опаленными краями, – это штука опасная. Может и голову оторвать. А ты мне еще пригодишься.

– Надо увеличить концентрацию, – проговорил Темпей в пустоту, словно разговаривал с ветром и вообще не слышал Тараса, – а горшок сделать покрепче.

– Надо, – согласился Тарас, – но в следующий раз не стой так близко с местом взрыва. Понял?

Темпей разогнал руками небольшое облачко дыма, висевшее вокруг него, и медленно повернулся в сторону Тараса.

– Хорошо, господин Гисандр, – пробормотал он, приходя в себя, – когда вы вернетесь, новый состав будет готов.

– Смотри только, – пригрозил Тарас, поднося кулак прямо к носу врачевателя, – без меня ничего не испытывай.

И собрав почти всех илотов и периеков, устроил им «закат солнца вручную», то есть настоящий марш-бросок с полной амуницией, которую тайком вывез из той же Кифанты. Хорошо иметь папу геронта.

Вспоминая время от времени о Фермопилах, Тарас отчетливо понимал, что сражаться придется в горах, и решил, что его отряд, в отличие от обычных спартанцев, должен уметь не только быстро бегать и хорошо махать мечом, но еще и карабкаться по скалам в случае необходимости. А также драться руками и ногами без всякого оружия. Потому на шее у каждого «новобранца», не считая амуниции, болталось по десятиметровому мотку тонкого каната, – очень дорогое удовольствие. Но Тарас решил пойти даже на это ради победы.

К счастью, имения, за которыми до поры надзирал геронт, были расположены очень удобно. Не так далеко от мощного хребта, тянувшегося через всю Мессению, до самого моря. А от новой базы Гисандра в предгорьях до самих скал, где можно было поупражняться, оставалось примерно пятнадцать километров. Пешком за день можно спокойно дойти. Но Тарас уже давно усвоил, что спартанцы редко ходят пешком. Обычно они передвигались легким бегом в полной амуниции. Его отряд, кроме всего, был укомплектован еще и четырьмя гастрфетами – тоже новым оружием, проходившим испытания, – запрятанными до поры от чужих глаз в мешковину.

– За мной, – скомандовал Тарас, выстроившимся в две колонны бойцам, – бегом, марш!

Стараясь не попадаться на глаза соседям – а такие здесь все-таки были, несмотря на пустынную местность, – он направил отряд сквозь лес в сторону ближайших отрогов. Выводить своих бойцов прямо по дороге мимо деревеньки, лежавшей в паре километров южнее или нескольких населенных имений, что раскинулись севернее, Тарас не хотел. Он вообще не контактировал со своими временными соседями, мимо которых пока лишь однажды проехал на груженных доверху телегах, вызвав законное любопытство. Однако хозяева имений – спартанцы – находились по месту службы, а их управляющие не особенно стремились войти в контакт ни с Гисандром, ни с его слугами, выглядевшими слишком воинственно. Да и было соседей, к счастью, всего трое. Поэтому Темпей мог заниматься своими опытами относительно спокойно. Но на всякий случай Тарас все же выставил вокруг временно занятых земель «боевое охранение», мимо которого никто не мог пройти незамеченным.

Примерно часа три они прыгали по зарослям колючих кустарников, продирались между деревьями, цепляясь за острые сучки ремнями доспехов, прежде чем вышли на тропу почти у самых гор. По ней Тарас свернул налево и гнал своих бойцов до тех пор, пока не показались скалы, которые он заметил еще по дороге сюда. Несколько небольших вершин с почти отвесными стенами и «полками» на разных высотах, где могло разместиться не

больше двух человек.

– Ну, сейчас я вас научу лазать по скалам, как диких козлов, – проговорил Тарас, останавливаясь внизу и окидывая взглядом новый полигон. – Этокл, Бриант и Никомед, соберите у всех веревки и за мной наверх вон по той тропе. Остальным ждать здесь. Отдыхайте пока, потом будет некогда.

Илоты и периеки в изнеможении повалились на траву, побросав свое оружие рядом. Тарас, в отличие от педономов Спарты, допускал такое быстрое «расслабление». Ребята прошли маршрут вполне сносно и заслужили короткий отдых. Тем более что он собирался гонять их до самого заката. И ночевать им тоже придется в горах.

Поднявшись над скальными сбросами, Тарас присмотрел несколько выступающих каменных «шишек» и на глазах своих слуг быстро закрепил на одной из них веревку, связанную из двух кусков. Остальные под его надзором завязали сами бойцы. Веревки получились такой длины, что почти доставали до земли, где столпились «курсанты» первого в Спарте подразделения специального назначения.

– Привыкайте, – наставлял Тарас, проверяя, насколько прочно затянуты и узлы, – от того, как вы их закрепили, будет зависеть ваша жизнь и жизнь тех, кто идет за вами. Ошибка здесь равна смерти.

Закончив, он бросил взгляд на деревню, что едва виднелась вдалеке – домов десять не больше. Хибары илотов, обсыпавшие самый верх холма, вокруг которого вилась дорога, были уже едва различимы в лучах вечернего солнца.

– Отсюда мы спустимся вниз, – заявил он слугам, пока с недоверием наблюдавшим за своим хозяином, – Первым, пойду я. За мной, после того как я окажусь на земле, Этокл. А Бриант и Никомед спускаются по соседним веревкам.

Слуги нехотя кивнули, но по их лицам Тарас прочел, что они явно не горят желанием проверить, отчего люди не летают, как птицы. Надо было преподать им урок. Тарас еще раз проверил веревку, плотно ли сидят на ногах кожаные сандалии и, оттолкнувшись, перекинул вес тела спиной вперед, оказавшись над пропастью. Он завис, уперевшись ногами в край скалы и держась руками за веревку. Подошвы плотно прилегали к шершавой поверхности камня.

– Первый пошел, – скомандовал он сам себе, и, оттолкнувшись, переместился на метр вниз. Потом еще и еще. Замер. Руки были напряжены, но кроме них и собственной ловкости, никакой страховки у него не было. Все-таки альпинистского снаряжения здесь еще не производилось.

Так, отталкиваясь и мелкими прыжками перемещаясь из стороны в сторону и вниз, он вскоре добрался до одной из скальных полок, метров на пять ниже точки отрыва. Здесь он решил пару секунд передохнуть. Однако место оказалось занято. Грея свои серые бока на теплом камне отдыхала змея, свернувшись кольцом. Едва «альпинист» заметил ее, ступив на полку, как потревоженная змея, зигзагами устремила к его ноге. Тарас не стал проверять, ядовитая она или нет, а вместо этого, резко оттолкнувшись, заскользил дальше вниз, успев отдернуть ногу. Поле боя осталось за аспидом. Зато Тарас закончил свой спуск вдвое быстрее, чем рассчитывал.

– Вот так вот, – бодро заявил он, спрыгивая на землю, – учитесь, пока я жив.

И махнул рукой взирающему на него Этоклу.

– Давай! Только не останавливайся на том выступе! Левее возьми.

Илот послушался приказа и начал спуск, уйдя влево, насколько позволяла веревка. Опускался он медленно, явно было видно, что парень струхнул. Этокл несколько раз соскальзывал и в конечном итоге закончил спуск на одних руках, словно тренировался лазать по канату.

– Неплохо для начала, – все же похвалил Тарас, чтобы подбодрить Этокла и остальных, взиравших на это занятие с явным недовольством, – но в следующий раз обязательно старайся упираться ногами. Ты не на моряка здесь учишься.

Намек на моряка, впрочем, был не очень удачным. Никто из окружавших Тараса людей

понятия не имел, что такое управлять парусами. Вчерашние рабы и ремесленники, они еще понимали, зачем нужны меч и копье, но вот зачем утруждать себя бесполезным лазаньем по кручам, рискуя сломать себе шею, пока еще не уразумели. Однако перечить Тарасу не могли. А потому отправились по тропе вверх, едва услышали командный окрик. И, распределившись по веревкам, начали спуск.

Первопроходцы – Этокл, Бриант и Никомед – стояли сейчас внизу за спиной Гисандра, вместе с ним наблюдая, как неуклюже действуют остальные и вспоминая себя. Илоты и периеки спустились каждый по одному разу и вновь были отправлены вверх. Солнце уже садилось, и скоро должно было стемнеть, а тогда занятия придется прекратить.

– Шевелитесь, лентяи! – прикрикнул на них Тарас, приложив ладонь к глазам, высматривавший малейшие огрехи в движениях. – Враг не будет ждать, пока вы научитесь переставлять свои неуклюжие ноги. А просто сбросит вас в пропасть. Так что у вас почти нет времени, чтобы уйти от погони.

Его слова возымели действие. Но у новоявленных «спецназовцев» опыта все же было еще маловато. Когда по крайней веревке вниз пополз Мегаклид, то вначале он шел довольно ходко. Отталкиваясь ногами, гастралетчик с оружием за спиной, лихо перемещался из стороны в сторону и почти прошел половину пути. Неожиданно его левая нога вдруг соскользнула со скального выступа, он разжал руки и сорвался вниз. Пролетев несколько метров, Мегаклид все же успел ухватиться одной рукой за веревку и немного затормозить свое падение. Но не удержался и рухнул прямо под ноги Тараса.

Раздался хруст, а затем дикий вопль. Сначала Тарасу показалось, что периек сломал свое оружие, но гастралет просто отлетел в сторону еще во время падения. А хрустнула, видимо, нога Мегаклида.

– Не ори, – посочувствовал ему Тарас, глядя, как периек катается по камням, схватившись лодыжку, – спартанцы не плачут. Ты радуйся, что не голову отшиб. А ногу мы тебе как-нибудь починим.

Тарас обернулся к Этоклу, который только что спрыгнул на землю.

– Возьми Брианта, сделайте носилки и отнесите его в имение. Пусть Темпей оторвется ненадолго от своих горшков и вспомнит, что он еще и врачеватель. А сами вернетесь сюда.

– Ночью? – переспросил один из илотов, напрягшись.

Тарас понял его опасения. Они, конечно, чувствовали себя под командой такого странного хозяина, как Гисандр, гораздо свободнее, но все же находились в Мессении. А по ней бродили агелы молодых спартанских «волчат» в поисках очередной жертвы. Но выхода не было. Тарас хотел, чтобы эти рабы, вопреки обычаям Спарты, научились перемещаться ночью по лесам и горам без страха.

– Да, ночью, – подтвердил он, стараясь не обращать внимания на стоны валявшегося под ногами Мегаклида, – отнесите и вернетесь назад. Найдете нас по кострам.

Илоты нехотя кивнули и занялись Мегаклидом. Через десять минут они соорудили носилки из срубленных стволов молодняка, положили на них раненого и понесли обратно в имение. Проводив их взглядом, Тарас обернулся к скопившимся вокруг бойцам.

– А теперь, – решил добавить энтузиазма своим «спецназовцам» командир энмотии, – усложним задачу. Сначала небольшой отдых, а потом каждому набрать по десять крупных камней, завязать их в тунику и закрепить на спине. Будем учиться спускаться с грузом.

Илоты и периеки, озадаченно переглянувшись, отправились выполнять приказание. Они уже подустали, и сообщение об отдыхе поступило как нельзя кстати, но, оказывается, дальше предстояло напрягаться еще больше. «Ничего, – ухмылялся Тарас, изучая нахмуренные лица рабов и „почти свободных граждан“, – сразу видно, что вы не привыкли служить, как спартанцы, но я из вас сделаю отряд особого назначения. Иначе никак».

– А вы, – остановил он последних периеков, указав в сторону, – видите вон то разломленное надвое дерево?

Периеки кивнули, осмотрев примерно трехметровый ствол, поваленный ветром и разломившийся почти по середине от удара о валун.

– Вместо камней, возьмете каждый по куску ствола, втащите наверх, привяжете к спине канатами и будете спускаться с ним вниз. Считайте, что это бруски от метательной машины, которую надо перекинуть через хребет.

И добавил, увидев на лицах недоумение:

– А ну, живо, солнце уже садится!

В общем, Тарас гонял своих подопечных по скалам еще почти час, пока солнце действительно не стало падать за горы, а тени от деревьев расти на глазах, погружая все во мрак. Тогда он закончил тренировку, которая удалась на славу – «бойцы спецназа» просто валились с ног от усталости, но прошли заданный маршрут почти без сбоев и по несколько раз. К удивлению Тараса, подготовившегося к возможным потерям, больше никто себе ничего не сломал.

«Еще несколько месяцев подобных тренировок и у меня будет свой отряд „альпинистов“, который при случае даст фору даже гоплитам, – весело размышлял Тарас, глядя, как спускаются последние бойцы с набухшими от камней мешками за спиной, – тем более что тех подобным вещам не учили. В открытом бою они, конечно, проиграют, но эти ребята мне и нужны не для того, чтобы в строю фаланги стоять. У них другая профессия».

– Молодцы! – похвалил их Тарас, закончив занятия. – А теперь будем учиться ночевать в лесу. Всем собирать дрова для костра, готовить стоянку и разводить костер вон на той площадке.

Он указал на углубление между скальными выступами примерно на высоте тридцати метров над землей, где могло уместиться все его соединение. Вокруг по склонам горы росли кряжистые деревья, которые закрывали видимость на эту площадку почти со всех сторон, поэтому Тарас не слишком опасался внимания обитавших неподалеку крестьян. Кроме илотов из деревни наблюдать за ними было некому, а соглядатаев Деметрия он не ожидал здесь увидеть. Далековато они забрались, даже для его злобного любопытства.

Когда совсем стемнело, в углублении между скал загорелся большой костер, у которого грелись уставшие илоты, потягивая по глотку воду из бурдюков. Воды было в обрез, а еды вообще не было. Тарас планировал провести голодную ночевку в целях воспитания выносливости. Но, когда спустя несколько часов после отбоя, у костра объявились Этокл и Бриант, Тарас изменил свое решение. На плечах Брианта покоилась туша горного козла.

– Вот, – сообщил он, сваливая ее на теплые камни, – подстрелили на обратном пути из гастрфета.

– Выскочил прямо на тропу, – добавил Этокл, – ну, мы и решили поупражняться в стрельбе.

– В шею? С первого раза попал? – уточнил Тарас, приподнимаясь со своего плаща, на котором спал, и присматриваясь к окровавленному следу от стрелы на шее мертвого козла. – Ну что же, молодец.

А поймав несколько голодных взглядов, устремленных на тушу, махнул рукой.

– Ладно, – сказал он Этоклу с Бриантом. – Снимайте шкуру и вырезайте печень, они пойдут в жертву богам. Остальное можно зажарить и раздать всем по куску. Заслужили.

Спустя некоторое время довольные илоты и периеки насыщались закопченным на огне мясом. А Тарас, глядя на их усталые, но довольные лица, впервые ощутил какое-то единение, словно они были не его рабами, а скорее боевыми товарищами.

Глава тринадцатая

Огонь и море

До берега они двигались почти шагом, специально, чтобы пехота не слишком сильно отстала от колесниц. К счастью, им навстречу не попалось ни одного вооруженного отряда, ни конных, ни пеших. Затем, когда скалы остались позади, а дорога шириной в две повозки вышла на открытое пространство, где от персов было просто некуда деться, Тарас вскинул руку и крикнул Этоклу:

– Гони вон к тому кораблю! Дави всех, кто окажется на пути, – а обернувшись к алхимику, колдовавшему над горшками и огнивом, добавил: – Поджигай фитиль! Если не пробьемся на сам корабль, бросишь на ходу!

Темпей молча кивнул, сосредоточившись на высекании искры. Это было нелегко, колесница подскакивала на ухабах, а сложенные в мешок горшки бились о ее борт, грозя расколоться на ходу.

Тарас же смотрел вперед, сжав покрепче копьё. Здесь у берега раскинулся настоящий походный порт. Множество рабов перетаскивали грузы по сходням на берег. Чего здесь только не было: амфоры с вином и маслом, еда, оружие. Краем глаза он даже заметил коней и верблюдов, которых выводили на берег из трюмов грузовых кораблей. Персидские моряки сновали по палубам своих судов. Многие жгли костры на берегу, ругаясь на ветер, который раздувал огонь слишком быстро и не давал спокойно приготовить еду. По мере приближения к береговой линии Тарас рассматривал одежды моряков, и они показались ему какими-то «не персидскими». На глаза попадались не пестрые хитоны, а больше простые серые туники или одноцветные одеяния, хоть и ярких цветов. На моряках, тех, что сходили с «египетских» кораблей, были льняные панцири. «Впрочем, кто этих персов разберет, – думал Тарас, напряженно всматриваясь из-под нахлобученной на глаза тиары в корабельщиков и высматривая отдельные отряды пехотинцев и всадников, перемещавшихся вдаль по берегу. – Ксеркс привел сюда столько народов, что эти морячки могут быть откуда угодно».

Кавалькада из колесниц беспрепятственно продвигалась вдоль берега уже метров триста в указанном Тарасом направлении. Бородатые и смуглолицые персы, занятые своими делами, изредка бросали на них косые взгляды, но никто пока не преградил дорогу. Даже пехотинцам. Видимо, никто из них не мог и представить, что греки способны забраться так далеко в тыл, и принимали это странное воинство за один из мало известных народов, прибывших сюда по приказу царя.

План нападения был простым. Тарас высмотрел еще с перевала группу из десяти военных кораблей, триер, по всей видимости, что были вытасканы на берег и оставлены очень близко друг к другу. Если удалось бы поджечь одну или две крайние с той стороны, откуда дул ветер, то огонь наверняка перекинулся бы и на остальные. Тем более что рядом с триерами стояли плоскодонные грузовые суда. Из них рабы уже выгрузили на берег добрую сотню амфор, в которых Тарас с первого взгляда узнал масло. Именно содержимое этих амфор так прекрасно горело на складах у первого лагеря персов.

Тарас рассчитывал на колесницах пробиться к этим кораблям, рядом с которыми находились в основном моряки, и, сделав дело, тем же путем постараться уйти в горы. Обратный путь не был продуман тщательно, но Тарас и здесь решил понадеяться на удачу и суматоху, которая возникнет при пожаре.

Спартанцы были уже буквально в сотне метров от намеченной цели, как из-за установленных на берегу палаток вдруг показался отряд персидских копейщиков, человек тридцать, во главе с бородатым воином в кирасе, имевшим на своей голове даже плоский шлем. Он вскинул руку, требуя остановиться. Но Тарас шепнул Этоклу, приказывая продолжать движение.

– Не понимаю я на вашем языке, – пробормотал Тарас, когда колесница поравнялась с предводителем персов, и быстрым движением ударил его копьём в шею. Перс, не ожидавший атаки, пропустил удар и, охнув, упал под копыта коней. В агонии он тщетно пытался зажать рану руками, но кровь лилась так обильно, что вся его грудь уже была залита алым.

– Гони, родной! – рявкнул по-русски Тарас, хлопнув Этокла по плечу, но тот его отлично понял и без перевода. И, переходя вновь на греческий, добавил: – А ты, Темпей, пригнись пока!

Этокл хлестнул лошадей, и колесница врезалась в толпу лучников, насадив на «ударное» копьё одного из них и подмяв под себя еще троих. Тех, кто находился по бокам, с такой силой порезали ножи, что кровь брызнула во все стороны, – если не считать

предводителя, то остальные персы имели плохие доспехи.

Тарас отбросил свой плетеный щит и подхватил снизу медный спартанский. Вовремя. От него тотчас отскочило сразу несколько стрел, пущенных в него и Темпей. Прорвавшись сквозь лучников, колесница устремилась в сторону корабля, сшибая разбежавшихся во все стороны моряков. За ней устремилась вторая и третья, из которых гастрфетчики успели поразить нескольких персов, а остальных подавить копытами лошадей и колесами. Те, кто выжил, бросились бежать, но их добились подоспевшие на оставшихся колесницах спартанцы. Они на ходу метали приготовленные для такого случая дротики, не пуская в ход пока свои копья.

Расчистив дорогу для пехотинцев, колесницы прошлись «железным маршем» вдоль триера, выкосив почти всех, кто там находился, и, по приказу Гисандра, вернулись к первому кораблю, где их уже поджидала фаланга из периеков. Копейщики развернулись спиной к морю. А лучники обстреливали палубу ближнего корабля, на которой показались персидские пехотинцы, не давая им спуститься на берег.

– Лохмотья долой! – приказал Тарас периекам, решив поднять боевой дух своих воинов, да и не было больше никакого смысла прятаться. – Будем биться как посланцы Спарты! Пусть враг знает, от чьей руки он погиб!

Обрадованные периеки за несколько рывков избавились от своих тряпок и вскоре перед удивленными персами, что спешили сюда со всех сторон, возникла хорошо различимая фаланга спартанских гоплитов в красных плащах.

– Офриад! – крикнул Тарас, спрыгивая с колесницы на землю и подзывая к себе спартанца. А когда тот приблизился, избавившись по дороге от персидской одежды, с развевавшимся за плечами от мощного ветра плащом, приказал: – Пока я буду поджигать корабли, ты будешь командовать фалангой копейщиков. Никто из персов не должен приблизиться до тех пор, пока не заполыхают триеры.

– Ты можешь сжечь хоть весь флот Ксеркса, Гисандр, – усмехнулся Офриад, – ни один перс не подойдет к этим кораблям, сколько бы их здесь не появилось.

Тарас кивнул и направился к скоплению амфор, рядом с которым уже колдовал Темпей. А Офриад прошелся вдоль строя периеков, не отличимых теперь от него по одежде, и, потрясая копьем, прокричал, стараясь заглушить своим голосом ураганный ветер:

– Слушайте меня, периеки! Никто из персов никогда не узнает, что вы были здесь, потому что сейчас вы, одетые в доспехи спартанцев, будете биться как спартанцы, и умрете, как настоящие спартанцы. Поднять щиты и крепко держать копья! Сейчас мы будем биться за нашу родину!

Тарас не услышал за своей спиной лязга щитов, когда строй сомкнулся, ошестинившись копьями. Офриад готовился отбить атаку нескольких сотен пехотинцев, что спешили сюда с южной стороны.

Тем временем Темпей поджег склад амфор, и над побережьем появилась струя жирного черного дыма, которую крепчавший с каждой минутой ветер сразу же стал гнуть к земле и рвать на части. А Тарас, разглядев персидских пехотинцев, еще оборонявшихся на палубе ближней триеры, вскинул копье вверх и первым устремился по сходням.

– За мной, спартанцы! – крикнул Тарас, врываясь на палубу и пронзая первого перса насквозь своим копьем.

Двух соседних поразили Эгор с Архелоном, но вскоре перед ними предстало сразу множество персов, выбравшихся из укрытий, едва лучники периеков перестали стрелять, боясь угодить в своих. И эти ребята выглядели отнюдь не новичками. После двух выпадов Тарас понял, что перед ним крепкие бойцы, умеющие владеть копьем и мечом, к тому же облаченные в прочные доспехи. Персов оказалось человек тридцать, и на палубе неожиданно закипел серьезный бой, в котором на первых же минутах погибло несколько периеков. Даже его друзей едва не отправили на встречу с богами. Эти персидские морпехи довольно ловко лишили оружия Эгора и Архелона, но те вовремя прибегли к приемам рукопашного боя, которым научились у Тараса, и спасли свои жизни.

Увернувшись от направленного в голову копья, Архелон перехватил руку перса, резко ударил его ногой в живот, затем выбил оружие и провел бросок через плечо. Когда тот оказался на палубе, спартанец безжалостно сломал захваченную руку. А едва перс начал орать благим матом, извиваясь от боли, Архелон выхватил у него из-за пояса кинжал и всадил в горло, заставив замолчать навсегда.

Эгор действовал похожим образом. Оставшись без копья, он сначала ловко отбивался одним щитом. Затем провел подножку и перевел своего врага в партер, где провел мощный удар ногой в пах, заставивший перса позабыть обо всем. Когда же на него бросился второй перс с мечом, Эгор сначала пригнулся, затем выбил меч из рук противника и нанес тому столь мощный удар ребром щита в лицо, что перс вылетел через ограждение корабля и рухнул на камни, сломав себе позвоночник. Третьего перса он, отбросив щит, также перебросил через себя, а когда тот все же поднялся, ударом ноги в грудь отправил в полет следом за вторым. Наблюдая за схваткой своих друзей, Тарас невольно загордился собой – сенсей из него вышел неплохой.

В том же бою приняли участие и его «спецназовцы». Оставив гастрافеты внизу, они ловко орудовали копьями, а лишившись их, также ловко раздавали персам хорошие удары ногами и руками, чем вызвали восхищение остальных периеков, не обученных «колдовскому бою».

Вскоре сопротивление персов было сломлено. Большая часть осталась лежать прямо на палубе, пронзенная копьями. А некоторые были сброшены вниз на острые камни, – ведь нос корабля покоился на земле, в то время как его корму омывали набегавшие волны.

Осмотрев корабль, Тарас решил, что можно переходить к запланированному поджогу и отправил за врачом, который в это время «обрабатывал» соседний торговый корабль, также очищенный спартанцами от персов. Вскоре Темпей поднялся по сходням, своими руками волоча сильно исхудавший мешок.

– Давай торопись, – приказал ему Тарас, с удовольствием вдыхая дым от занявшегося «торговца», что пригонял сюда разыгравшийся ветер. Кроме того, к нему примешивался едкий запах горевшего неподалеку масла, – еще не известно, сколько продержится Офриад.

Последнее относилось к тому, что фаланга периеков была уже почти окружена отрядом персов, превосходящим ее почти вдвое, если не втрое. Персы предприняли атаку с ходу, но периеки под командой Офриада отразили ее и даже перешли в контратаку, отогнав персов на приличное расстояние от кораблей, потеряв при этом очень мало солдат. Лучники, выстроившись на флангах и позади строя, теперь тоже «работали» по персам.

Пока Темпей, с помощью возникших вслед за ним Этокла и Брианта, обрабатывал нижние палубы триеры, Тарас осматривал поле боя и море. С правого края к ним приближался небольшой отряд легкой конницы, человек тридцать. «Офриад с ними справится, – решил Тарас, глядя, как отважно сражались периеки, – а нам надо успеть поджечь хотя бы парочку кораблей. Ветер отличный, остальные разгорятся, как сухие дрова. А потом надо уносить ноги, иначе будет поздно».

В море волнение все нарастало. Разыгравшийся ветер вздыбливал уже такие волны, что становилось ясно – скоро грянет настоящий шторм. И горе тем кораблям, что окажутся на мелководе. Они должны были пережить стихию либо в защищенной гавани, либо уже в открытом море, хотя Тарас не знал, что лучше. Этот же берег был опасен. И многие суда персов прямо на глазах Тараса покидали его, выходя в пролив между берегами Малиды и Локриды. Даже стоя на палубе корабля, который касался воды лишь кормой, Тарас ощущал, как вибрирует его корпус.

«Да, не позавидуешь морякам», – усмехнулся он, глядя как один из персидских кораблей, едва удалившись от берега, налетел на подводную скалу и раскололся надвое. Все, кто стоял на палубе, посыпались в воду.

– Молитесь Посейдону, чтобы он спас ваши жалкие души! – крикнул им Тарас.

– Они тебя не слышат, – заметил на это Архелон, стоявший рядом, – да к тому же персы ведь не чтят наших богов.

– А я слышал, что это не так, – вступил в разговор Эгор, опершись на копье, – говорят, персы в чужой стране приносят жертвы местным божествам.

– Ну, так пусть же помолятся Посейдону или Фетиде с nereидами, чтобы помогли унять бурю, – усмехнулся Тарас, видя, как еще один корабль персов налетел на скалу. На сей раз это был «торговец», – только греческие боги никогда не будут помогать Ксерксу.

Неожиданно у них под ногами затрещала палуба, и сквозь щели стали прорываться первые языки пламени. Потянуло дымком. А вскоре из задымленного трюма, словно из преисподней, появился Темпей.

– Все готово, господин Гисандр, – отрапортовал бравый поджигатель с таким радостным выражением на лице, словно не было для него большей радости, чем устраивать пожары.

– Быстрее на другой корабль, – приказал Тарас, бросив настороженный взгляд на сражение внизу, где, меньше чем в сотне метров от корабля, периеки отбивались от конницы. К персам присоединились лучники и вскоре стрелы стали долетать и сюда.

Темпей под прикрытием щитов Этокла и Брианта, позади строя сражавшихся спартанцев, пробрался на следующий корабль и разлил по палубе зажигательную смесь. За этим маневром Тарас наблюдал на этот раз снизу, дожидаясь пока вернется его команда. Корабль был заблаговременно очищен от персов. Однако на нижних палубах были обнаружены рабы, прикованные цепями к веслам. Узнав об этом, Тарас напрягся, но отступать было уже поздно. Приходилось уничтожать военные корабли вместе с их движущей силой. Первый корабль уже полыхал вовсю, пожар раздуло ветром за считанные минуты. Торговец рядом с ним тоже. Теперь загорелся еще один. Этого костра должно было хватить, чтобы заполыхали и три соседние триеры. Сразу за ними на небольшом отдалении Тарас разглядел еще три боевых корабля, команды которых покинули суда, но находились поблизости, ожидая, кто возьмет верх – персы или спартанцы. Драка шла слишком близко к ним, чтобы моряки могли не опасаться за свою жизнь.

Однако Тарас быстро понял, что даже при таком ветре пожар до них не доберется. «Вот бы еще эти три запалить,» – подумал он в отчаянии, глядя, как дело принимает крутой оборот. Персов все прибывало. В небе над фалангой стрелы, пущенные в спартанцев, сталкивались друг с другом. А под командой Офриада оставалось уже человек пятьдесят, не больше. Нужно было срочно прорываться на дорогу к перевалу. И все же, едва Темпей вынырнул из дыма, Тарас принял самоубийственное решение.

– У тебя еще остались горшки? – спросил он, цепким взглядом обшаривая почти пустой мешок врачевателя.

– Всего два, – развел тот руками.

– Отлично, – кивнул Тарас, словно и не ожидал другого ответа, – бегом за мной в колесницу. Этокл, возьми гастрарет, будешь убивать всех, кто встанет у нас на пути. Главное, добраться вон до того корабля.

– Но там же персы! – в ужасе заявил врачеватель, все же забираясь в колесницу, словно только сейчас разглядел, что находится посреди персидского лагеря.

– Это моряки, – отмахнулся Тарас, сам взявшись за поводья, – твоя задача забросить по одному горшку на каждую триеру, до которой я доскачу. Останавливаться не будем, так что поджигай фитиль и смотри, не промахнись.

Темпей замолчал, смирившись со своей судьбой, и весь ушел в подготовку к бомбометанию. А Тарас, поймав на себе удивленные взгляды друзей, которым он ничего не объяснил, стегнул кнутом коней, погнав колесницу вдоль берега. На этом фланге персы выставили только лучников, Тарас легко смял их, увернувшись от пущенных стрел. Колесница подскочила несколько раз, и устремилась прямо на персидских моряков. Те едва успевали уворачиваться, но удалось это не всем.

– Приготовься! – крикнул Тарас, когда колесница подлетела к первому из намеченных кораблей. – Пора!

Он чуть натянул поводья, притормаживая, и тут же прилетевшая сзади стрела

просвистела в сантиметре от уха.

– Быстрее! – заорал он на врачевателя, который замешкался. – А то нас тут всех перебьют зазря.

Темпей размахнулся и бросил изо всех сил увесистый горшок в сторону триеры, нос которой возвышался всего в нескольких шагах от него. Тарас с замиранием сердца глядел, как горшок медленно преодолевает последние сантиметры, боясь, что тот не долетит. Но слабосильный Темпей справился. Горшок, царапнув о край борта, все же перемахнул его и грохнулся на палубу, разливая по ней жидкое пламя. Оттуда послышались крики, а вскоре вниз сигануло сразу несколько персов, спасаясь от огня.

– Молодец! – кивнул Тарас, вновь разгоняя колесницу. – Оказывается, еще не все крысы покинули этот корабль. Ну да ничего, сейчас мы их оттуда выкурим. Приготовься бросать последний горшок.

Когда колесница подлетала к очередной триере, на ее пути вдруг возникло несколько персов. Это были копьеносцы, готовые метать свое оружие. Этокл понял это сразу. Он вскинул гастрфет, спустил курок и перс, стоявший в центре, рухнул на спину, отброшенный мощным ударом стрелы. Однако трое других метнули свои копья. Тарас резко дернул поводья, заставив коней броситься вправо и прижаться к самому кораблю. Два копья ушли в перелет, вонзившись в корпус корабля. Но третье пробило борт колесницы и едва не вонзилось в живот Тарасу. Заостренный наконечник остановился буквально в трех сантиметрах от доспеха.

– Бросай! – заорал он Темпею.

На этот раз врачеватель был не так точен. Колесница подскочила на каком-то бревне, и он выронил горшок на землю. К счастью, берег здесь был песчаным и горшок не разбился, а фитиль продолжал тлеть. Тарас в ярости осадил коней и спрыгнул с колесницы. В двух шагах от него в песок вошли сразу пять стрел, но это его не остановило. Он нырнул вперед, перекувыркнувшись в полете, потерял шлем, но зато схватил горшок. Затем, бросив затравленный взгляд по сторонам, прыгнул вверх, словно баскетболист и зашвырнул горшок на палубу триеры. А когда рухнул обратно вниз, поскользнувшись и упав на спину, то с радостью увидел полыхнувшее зарево.

– Есть! – сплюнул он набившийся в рот песок. – Теперь дело за ветром.

Но не успел он подняться и сделать несколько шагов в сторону колесницы, как у него на пути выросли двое персов с мечами и плетеными щитами. За их спинами Тарас разглядел еще с десятков копьеносцев, что спешили к колеснице, возница которой успел натворить столько дел. Он успел заметить, как Этокл натягивал тетиву своего гастрфета, всучив в руки удивленному Темпею поводья.

Не дожидаясь подмоги, Тарас выхватил свой меч и бросился на ближнего перса. Их клинки скрестились, но тут в дело вступил второй, нанесший удар в плечо. Тарас не смог его отразить, и клинок перса сорвал ему наплечник, оцарапав кожу.

– Ах ты, гнида, – разозлился Тарас, ударив в ответ его ногой по колену, – такой доспех испортил.

Перс взвыл, опустив меч, и временно вышел из боя. А Тарас изловчился и резким ударом всадил свой клинок под ребра первому противнику, пробив кожаный панцирь.

– Некогда мне тут с вами разбираться, – объяснил он, глядя в глаза мертвецу, который истекал кровью, уже лежа на песке, – пора мне уходить.

И хлестким ударом по шее добил второго, едва не отрубив голову. Развернувшись, он увидел еще одного перса и уже попрощался с жизнью, поскольку тот занес меч над ним и мог бы опустить его быстрее, чем Тарас поднял свой. Но перс вдруг дернулся, замер на мгновение, а затем, покачнувшись, рухнул ему под ноги.

– Быстрее, господин Гисандр! – прокричал Этокл, опуская гастрфет.

Темпей неумело развернул колесницу. Но Тарас, запрыгнув на нее, быстро отстранил врачевателя от управления лошадьми, крикнув «Дай я!», и погнал их во весь опор в сторону не прекращавшегося ни на минуту сражения у полыхавших кораблей.

Сняв на обратном пути еще с десятков персидских лучников – ножи колесницы превратили их в кровавую кашу, – Тарас вновь ворвался в расположение собственных воинов, выстроенных теперь полукругом. Он осадил коней лишь позади фаланги, которая пропустила его, расступившись, и тут же сомкнулась. Темпей устало вытер пот со лба, словно теперь находился в безопасности. Но Тарас окинул взглядом поле боя и пришел к выводу, что они в западне, куда загнало их безрассудство собственного командира. То есть его самого. Спартанцы никогда не отступали, а тем более без приказа. Вот и сейчас они продолжали биться насмерть против превосходящих сил персов, упорно защищая захваченный клочок побережья, как и было приказано.

Корабли полыхали, как следует, и урон персидскому флоту был нанесен, если не огромный, то существенный. С задачей отряд справился. Но сейчас Тарас отчетливо понимал, что выхода нет. Им не пробиться сквозь плотное окружение, которое становилось все мощнее с каждой минутой. Еще минут десять, быть может, двадцать, и все. Персы сомнут их, разрубят на куски и сбросят в море. И никакие фокусы с огнем уже не спасут спартанцев.

– В море, – вдруг осенило его, – надо бежать в море.

Этокл и Темпей уставились на своего хозяина, как на сумасшедшего. А Тарас, не обращая на них внимания, быстро окинул взглядом бушующие волны, которые продолжали топить персидские корабли, разбивая их о скалы. Некоторым все же удавалось преодолеть линию рифов и выйти в пролив, где волнение ощущалось слабее. Затем он перевел взгляд на берег. Из подожженных им самим ближних пяти триер горели уже четыре, длинные языки пламени лизали пятаю, но она еще не занялась. И Тарас принял решение.

– Собери всех, кто еще жив, – приказал он подбежавшему Архелону, прыгнув с колесницы, – возьми последний ряд бойцов из фаланги Офриада и следуй за мной.

– А как же Офриад? – удивился Архелон.

– Пусть держится, – махнул рукой Тарас, – а затем отступает с боем вон к тому кораблю. Мы уплывем в море.

Архелон хотел было что-то возразить или спросить, но Тарас рывкнул на него так, что заглушил завывание ветра:

– Быстро! Бегом! Времени нет!

И спартанец пулей улетел выполнять приказание, словно заправский скороход, а Тарас в окружении своих илотов и периеков с гастрифетами, отправился в сторону триеры. Через пять минут у носа триеры собралось человек двадцать или больше.

– Навались! – приказал Тарас, обращаясь ко всем сразу. – Мы должны столкнуть этот корабль в воду и отплыть, пока персы не прорвались через порядки Офриада.

– Но кто будет грести? – осмелился задать вопрос Этокл. – Нам же нужны гребцы. Без них мы будем носиться по воле волн и погибнем так же точно, как если бы остались здесь. Только бесславно.

– Персы об этом позаботились, – махнул Тарас рукой в сторону высокого борта корабля, покоившегося на круглых бревнах-катках. – Там внутри, к каждому веслу прикован цепями гребец. Им все равно кому служить. Теперь они послужат Спарте, и быть может, я буду милостив к ним.

Этокл усмехнулся этим словам. Бросив через плечо взгляд на сражавшихся периеков, которые, отбиваясь от очередной атаки копьеносцев, пятились в сторону триеры, он уперся руками в ее шершавый борт.

– Навались! – вновь рывкнул Тарас, и все, кто здесь был, напрягли свои мускулы, стараясь сдвинуть корабль со своего места. Несколько мощных толчков заставили наконец триеру вздрогнуть и скатиться к морю на целый десяток метров.

– Еще! – орал Тарас, налегая. – Еще давай!

А когда над головой засвистели стрелы, впиваясь в борт, и рядом возникло еще человек десять, триера заметно сдала назад и вскоре вошла кормой в воду.

– Пошла, родимая! – завопил Тарас и только теперь обернулся, заметив, что Офриад и

человек двадцать оставшихся периеков дерутся уже буквально в десятке метров за их спинами, защищая нос корабля. Персы яростно атакуют, поняв, что добыча ускользает из их рук, но спартанцы держали удар.

– Все на корабль! – крикнул Тарас, перекрывая шум ветра. И одним из первых вскарабкался на борт триеры по веревкам с узлами, что уже спустили с палубы его илоты. Теперь персы били почти в упор, и многих бойцов поразили стрелами в спину. Но вскоре на палубе захваченной триеры собралось уже человек пятнадцать периекских лучников, которые стали отвечать персам тем же.

Накатившись на берег, корабль подхватила мощная волна, подняла его нос, еще покоившийся на песке, и потащила в море.

– Быстрее на борт! – заорал Тарас, увидев, что многие периеки и спартанцы, в числе которых был и сам Офриад, еще бились с персами по пояс в воде у самого борта. – Аргонавты, твою мать!

Этокл, Бриант и периеки с гастропетами по приказу Тараса быстро очистили пространство вокруг Офриада от персов, в том числе двух всадников, в горячке бросившихся на него сквозь волны. Лишь после этого спартанец, отбросив копье и щит, ухватился за веревку и пополз по ней вверх. Новая волна, качнув корабль, потащила его в море, и Офриад на мгновение исчез под водой. Тарас уже решил, что его смыло, но спустя мгновение боец все же показался над бортом, целый и невредимый.

– Боги любят тебя, Офриад! – обрадовался Тарас, помогая спартанцу преодолеть последний метр.

– Боги любят смелых, – прохрипел тот, перевалился через борт, да так и остался лежать, лишившись последних сил. Периеки оттащили его в сторону, где он приходил в себя еще несколько минут, но вскоре поднялся, устыдившись своей слабости. Хотя никто и не подумал бы его упрекать.

Персы, перемещаясь вдоль берега, изрыгали проклятия и продолжали осыпать безвольно качавшийся на волнах корабль, в надежде, что его прибьет обратно. Однако море уже утатило свою добычу. Теперь триере отделяло от берега метров сто, и расстояние с каждым мгновением все увеличивалось. Впрочем, бросив взгляд в море, Тарас заметил, что до вытянувшихся цепочкой рифов, где бесновались пенные волны, оставалось не больше пятисот метров. И чтобы их пройти корабль должен быть управляем.

– Хорошо еще, что мы вышли в море днем, – пробормотал он и, сделав знак Эгору с Архелоном следовать за ним, направился в трюм. – Пора сообщить гребцам, что власть сменилась.

Едва спустившись на вторую палубу, он увидел угрюмые лица рабов, облаченных только в набедренные повязки, что молча сидели в ожидании своей судьбы. Никто из них не мог покинуть своего места на скамейке, поскольку был прикован цепью к веслу, которое сейчас было втащено внутрь корабля, а весельные порты задраены. Но всем было ясно, что снаружи происходит какая-то жестокая драка, к которой их прежние хозяева не были готовы.

– Меня зовут Гисандр, – заявил Тарас первое, что пришло в голову по-гречески, в надежде, что кто-нибудь из рабов понимает этот язык, – я спартанец, и мои солдаты только что захватили этот корабль. Чтобы пройти рифы и спастись, вам придется взяться за весла немедленно. И когда мы уйдем от погони, обещаю, я буду милостив к вам.

На палубе воцарилась тишина и Тарас запереживал, что его никто не понял, ведь большинство рабов были здесь явно с востока, но спустя несколько секунд с последней скамейки раздался хриплый голос, заявивший по-гречески:

– Мы знаем, что такое милость спартанцев. Она не лучше персидской.

Тарас прошел вдоль скамеек почти до самой кормы и встретился взглядом с изможденным стариком. Точнее возраст этого человека было не определить. На вид это был грек, лет пятидесяти, с запавшими глазами, стертymi в кровь запястьями на жилистых руках и багровых следах от кнута на спине. На правом плече виднелось клеймо – знак персидского раба. И все же, раз он был здесь, здоровья в этом теле хватало, чтобы проворачивать длинное

весло.

– Откуда ты и как тебя зовут? – Внимательным взглядом Тарас изучал старика. Тому, похоже, было нечего терять, и смерти от спартанского копья он боялся не больше, чем от персидского.

– Я Андрос из Галикарнаса²⁷, – ответил старик, бесстрашно глядя в глаза спартанцу.

Тарас стоял перед ним в изорванном на плече доспехе и без шлема.

– Значит, ты грек. Тогда слушай меня, Андрос. Если мы уйдем от персов, – проговорил Тарас, взвешивая свои слова, – я отпущу вас на свободу. Всех, кем бы вы ни были. Здесь есть кто-нибудь, кто может управлять кораблем?

Старик молчал некоторое время, переваривая то, что услышал. В это время мощная волна ударила триеру в борт, сильно накренив. Корабль качнулся, по палубе прокатилась волна и сверху закапала соленая морская вода.

– Вообще-то, – проговорил наконец Андрос, – когда-то этот корабль был моим.

– Если хочешь, чтобы он снова стал твоим, ты не дашь ему утонуть, – ответил Тарас, решив, что они договорились, и добавил, обернувшись к Архелону: – Сейчас же расковать его. Пусть переведет все остальным, а потом поднимается наверх и управляет кораблем.

В следующие полчаса Тарас, Офриад и Эгор с Архелоном – единственные выжившие из спартанцев, – столпившись на корме, наблюдали, как захваченный ими корабль, выпустив из своего чрева весла, несмотря на шторм, пытается выровнять ход и проскочить в узкую расщелину между двумя едва видимыми над водой рифами. Промаяхнись Андрос и все – триеру разнесет в щепки. Море разбушевалось уже не на шутку и потому другие персидские корабли, не обращая на беглецов внимания, тоже пытались преодолеть прибрежные рифы. На берегу суматоха не стихала, но вопли ярости и бессилия уже не могли помешать спартанцам.

Все периеки, разместившись вдоль бортов, а точнее вцепившись в них, как и спартанцы, наблюдали за маневром.

– Возьми правее! – приказал Андрос, стоявший рядом с Тарасом, рулевому из рабов, которого сам назначил на эту должность пару минут назад. – Еще! Вот так и держи.

Подчиняясь рулевому веслу, триера оседлала мощную волну, которая за мгновение вознесла ее наверх и опустила в пучину уже за грядой рифов. На секунду вода отхлынула от камней, и Тарас со своего места увидел обнаженные скалы, грозившие уничтожить корабль. Но теперь они были уже не опасны. Лавируя между мощными волнами, корабль понесло вдаль от берега по открытой воде.

Обернувшись назад, Тарас увидел огромный костер из кораблей, полыхавший на вновь подвластном персам берегу. И ухмыльнулся, довольный. Дело удалось на славу.

– Убрать весла! – приказал неожиданно Андрос.

– Это еще зачем? – удивился Тарас, напряженно вглядываясь в изможденное лицо старика.

– Мы прошли рифы, а теперь использовать весла вдвойне опасно, – нехотя пояснил он, оглаживая запястья, – через порты внутрь корабля может набраться вода, и тогда мы утонем быстрее, чем без них.

– А парус? – уточнил Тарас, поглядывая на прикрепленную к палубе мачту.

Андрос отрицательно замотал головой.

– Тогда как же мы будем управлять кораблем во время шторма, старик? – удивился Тарас.

– Управлять им сейчас нельзя, – спокойно проговорил Андрос, вглядываясь в темное облако, разраставшееся над проливом, – надо лишь следить за рулевым веслом и молиться. А шторм еще даже не начинался. Вон на том облаке едет Посейдон, и если он ударит своим

²⁷ Город на ионийском побережье, подвластном персидской империи. Ионийские колонии греков постоянно пытались освободиться от власти персов, но их восстания были жестоко подавлены. В этом городе также родился «отец истории» Геродот.

трезубцем, то все мы отправимся в подводное царство.

– Гисандр, – неожиданно подал голос Офриад, – а куда ты хотел направить корабль?

– Я хотел вернуться к Фермопилам морем, – ответил Тарас, решив не признаваться, что вообще не планировал морских путешествий, – но для этого нам надо как-то миновать все эти персидские корабли.

И он протянул руку вперед, указав на скопление триер и грузовых судов, почти перегородивших выход из обширного залива, в котором они находились. Суда персов были повсюду, справа, слева и позади. Многие шли с триерой спартанцев параллельным курсом, не узнавая в них врагов. Но все это благодаря сильному волнению, при котором мысли о войне отходили на второй план. Однако Тарас понимал, что когда море успокоится, то их быстро захватят и уничтожат, если до той поры он не придумает, как выбраться из этой ловушки.

– Об этом позаботится Посейдон, – словно прочитав его мысли, проговорил Андрос, указав на приближавшееся облако.

Не прошло и двадцати минут, как их накрыла серая мгла, в которой пропали берега и корабли. А осталось лишь завывание ветра и огромные волны, грозившие поглотить утлое суденышко, осмелившееся в такой шторм выйти в море.

Глава четырнадцатая

Направленный взрыв

– Давай! – Тарас махнул рукой, и баллиста выбросила далеко вперед довольно большой камень, заряженный в нее вместо горшка. Все-таки для усовершенствованной машины это было первое испытание, да и зачем терять горшки со смесью, производство которой отнимало много времени и средств.

Камень лихо поднялся в воздух, по настильной траектории просвистел в воздухе несколько сотен метров и, перемахнув через телегу с выстроенной на ней мишенью из обструганных колов, упал где-то в зарослях.

– Мимо, – расстроился геронт, находившийся рядом. Стоявший в двух шагах Темпей промолчал. Пока дело не касалось огня и горшков, он не особенно интересовался даже баллистами.

Но Тарас был доволен уже одним видом своего детища – крупные обструганные балки теперь хорошо прилегали друг к другу, да и остальные детали были подогнаны неплохо. А работа торсионов с более жесткими канатами просто изумляла. Они зашвырнули камень гораздо дальше, чем рассчитывал главный конструктор.

– Ничего, отец, – успокоил его Тарас, – зато ты посмотри, как она работает. Это же небо и земля! Еще чуток и мы доведем ее до совершенства.

Тарас обернулся к сгрудившимся у орудия илотам, которые теперь, вернувшись из горного похода, изучали новое для себя дело – артиллерию.

– А ну давай, еще один заряжай, – крикнул он им. – Быстро!

Следующий выстрел угодил точно в цель, разметав с телеги мощные колья, каждый толщиной в целое дерево, словно городошные фигурки. Телега, которой решили заранее пожертвовать, все же уцелела.

– Вот это да! – восхищенно обнял отца Тарас. – Ты только посмотри! Да нам бы таких с десяток и персы вообще не страшны.

– Завтра придут еще три, – сообщил геронт, тоже заразившись оптимизмом Гисандра.

– Значит, будет уже целая батарея, – кивнул тот, озадачив отца странным словом, и продолжил, не обратив на это внимания, – у Спарты, наконец, появится артиллерия. А если цари, а с ними эфоры, признают это оружие, то уже никто не сможет нам противостоять. Мы сможем не только побеждать всех своим копьем и мечом, но и брать города. Ты представляешь, что тогда случится?

Однако более искушенный в политической жизни геронт немного охладил пыл своего сына.

– Не торопись, Гисандр. Сначала эфоры должны его признать. А это может произойти еще очень не скоро.

– Ну да, – нехотя кивнул Тарас, с лица которого при упоминании об эфорах сползла улыбка, – если вообще случится.

Он некоторое время молча буравил взглядом телегу, на которой илоты выстраивали новую фигуру в виде шалаша, а потом все же прервал молчание, нервно взмахнув рукой.

– Ничего. Мы им такое оружие покажем, что они не смогут отказаться. Никто. Ни цари, ни эфоры.

– Да поможет нам Аполлон, – заметил на это мудрый геронт.

– Темпей, готовы твои горшки? – вдруг крикнул Тарас, обернувшись в сторону врачевателя, который даже вздрогнул от его голоса. – Те, что разрывают на части?

– Да, – осторожно кивнул врачеватель, – три штуки пока. К остальным еще фитили не сплел.

– Давай, принеси один и положи под телегой, – приказал он, – пришла пора показать моему отцу наш секрет.

– О чем это ты, Гисандр? – удивился геронт.

– Сейчас увидишь, – сообщил тот заговорщическим тоном и даже подмигнул, добавив: – Этокл, помоги врачевателю.

Темпей сбегал в сарай и быстро вернулся. Позади него шел дюжий Этокл, тащивший на руках довольно увесистый кувшин с запечатанным горлом, из которого торчал кусок тонкой просмоленной веревки. Приблизившись к мишени, он установил горшок под днищем и поджег фитиль.

– Не слишком ли близко телега стоит от сарая? – уточнил Тарас, показав на загон для скота, возвышавшийся метрах в пятнадцати от края «полигона». – Ее не заденет при взрыве? А то нам потом придется все это восстанавливать за свой счет.

– Нет, – уверил его Темпей, глядя на небольшой дымок, пробивавшийся из-под телеги, – я все рассчитал, господин Гисандр. Телегу разнесет в клочья, но не больше.

– Хорошо, – кивнул Тарас, довольный тем, что Темпей уже достиг определенных успехов в изготовлении взрывчатых веществ, – значит, мы укротим духов огня.

Но едва фитиль догорел, громынуло так, что над головами наблюдателей засвистели горящие балки, а геронта Поликарха едва не убило упавшим в двух шагах колесом. От места взрыва в три стороны выплеснулись мощные языки пламени, один из которых угодил в закон для скота. Пламя облизало сухие стены сарая, которые мгновенно загорелись. В небо потянулся черный дым и буквально на глазах у изумленного Тараса сарай почти сгорел.

– Это что такое, твою мать! – заорал он, притягивая к себе Темпея за тунику, который сам был изумлен происшедшим. – Все рассчитал, говоришь! Да ты мне чуть отца не угробил, алхимик хренов!

Темпей понял ровно половину слов, и стоял ни жив ни мертв, молча готовый принять любое наказание. Такое смирение немного успокоило Тараса. Он оттолкнул от себя алхимика и помог подняться геронту, который, к счастью, успел рухнуть на траву, когда над ним засвистели горящие обломки. Тарас был в ярости, но одновременно доволен неожиданным результатом. Взрыв получился, что надо. Первостатейный.

– Ты жив, отец? – спросил он поднявшегося на ноги геронта, которому даже помог отряхнуть грязь и приставшие листья. А гордый спартанец настолько был ошеломлен взрывом, что позволил сыну это сделать.

– Твой врачеватель научился управлять не только огнем, но и громом Зевса? – в изумлении пробормотал он. – Я давно живу на свете, Гисандр, прошел много битв и видел немало. Но такого я еще не видел. Ты уверен, что это дело смертных, управлять огнем и громом?

Тарас немного помолчал. Вопрос был не из простых. С одной стороны, геронт мужик

не глупый, с самого начала посвящен во все замыслы и помогал разыскать того же Темпея. Но с другой, он был спартанцем, которые привыкли чтить богов и никогда не вторгаться в те области жизни, где смертному было делать нечего. А то, чем занимался Темпей по указке Гисандра, соприкасалось с этими областями напрямую. И сейчас, увидев собственными глазами, что сотворили его сын и слуга, Поликарх пришел в священный трепет перед разрушительными силами, которые те стремились разбудить и обуздать. Стрик был мудр. И быстро начал понимать, что Тарас доведет дело до конца и получит в руки могущество, сравнимое с божественным. Во всяком случае, по части огня. А страшный грохот, вызванный взрывом, пробудил у него мысли только о землетрясениях, которых спартанцы боялись больше всего и считали самыми дурными предзнаменованиями.

– Отец, – медленно начал оправдываться Тарас, – я совсем не стремлюсь прогневить богов. Все мои помысли лишь во благо Спарте, а я знаю, как здесь чтят богов.

Он замолчал ненадолго.

– Но поверь, я знаю, что эти силы боги отдали... – Тарас запнулся, – вернее, скоро отдадут в руки смертных людей. Так что мы можем распоряжаться огнем, как захотим. Ведь мы же готовим сейчас на нем пищу...

– Это так, благодарение Зевсу! – воздел руки к небу геронт. – Но мы не забываем кто нам его дал.

– А значит, никто не запрещает нам найти для него иное применение, – закончил Тарас, – и если огонь может жечь, так пусть он послужит Спарте и сожжет как можно больше персов. С благословения Зевса, конечно.

Тарас собрался с духом и выпалил, бросив взгляд на небеса.

– И пусть он поразит меня своей молнией, если я не прав!

Поликарх помолчал немного, словно дожидаясь ответа верховного божества. Но вокруг было тихо. День был почти безветренный, и большие белые облака лениво ползли по небу в сторону моря. Лишь потрескивали вокруг головешки, да в стороне догорал загон для скота.

– Ну, что же, – пробормотал геронт, вынося вердикт, – пусть твой огонь послужит на благо Спарте.

На следующий день на секретный полигон подвезли еще три баллисты, изготовленные по новому образцу. Все они после сборки работали великолепно, и Тарас, возгордившись, даже начал символический отсчет, решив считать этот день днем создания спартанской артиллерии. А хорошо проявившим себя в этом деле мастерам из Кифанты заказать еще штук десять как минимум.

В первом же испытании все четыре баллисты установили новый рекорд. Выстроенные в одну линию одни должны были стрелять по мишеням, которыми служили две телеги с надстройками – обалдевший от успеха Тарас не жалел ради экспериментов даже своего имущества, – а также несколько выстроенных специально для этих целей шалашей. Однако, когда все цели были уничтожены камнями, Тарас вошел в раж и приказал обстрелять ближнее имение.

– Эй, сбегай туда и передай всем, что надо покинуть дом, – на всякий случай приказал он илоту, хотя отлично знал, что в доме никого не может быть, геронт находился сейчас в другом имении, – заряжай. Начнем с сараев.

Когда все стены сараев были продырявлены камнями, опорные балки подрублены меткими попаданиями, а крыши обрушились на траву, Тарас приказал перенести обстрел на каменное здание.

– Папаша меня не одобрит, конечно, – пробормотал он, в задумчивости, – и потом придется восстанавливать. Но уж больно хочется испытать на прочность каменную кладку. Заряжай!

Первый камень ударил в стену и отскочил от нее, оставив, правда, серьезную отметину. Второй и третий ушли в перелет. Но затем новоиспеченные «артиллеристы», которым приходилось осваивать науку вместе с самим Гисандром, пристрелялись. После нескольких

метких попаданий по стене заструилась трещина. А очередной метко пущенный камень заставил часть кладки обвалиться внутрь, вызвав крики радости у наводчика.

– Есть! – едва не подпрыгнул Тарас, сдерживая бурю эмоций. – Развалили! А ну давай еще!

После часового обстрела боковая стена имения на радость «артиллеристам» была почти полностью обрушена. Во внутренних «переборках» тоже зияло несколько отверстий. Но крыша, пробитая во многих местах, еще держалась. В этот момент к Тарасу приблизился врачеватель и осторожно поинтересовался:

– Собирается ли господин Гисандр полностью уничтожать этот каменный дом?

– О чем это ты? – насторожился Тарас, по глазам алхимика понявший, что тот задумал очередное дело.

– А не разрешит ли в таком случае хозяин испытать на нем новые горшки, которые, по моим расчетам, способны разламывать каменные стены?

– Хочешь опять испытать свою взрывчатку? – переспросил Тарас, невольно ища глазами геронта, но того, к счастью, сейчас не было поблизости. – Пожалуй, можно.

Он махнул рукой, приказав «артиллеристам» прекратить обстрел. А Темпей с помощью Этокла и Брианта заминировал полуразрушенный дом, все еще державший на своих изуродованных стенах массивную крышу. «Даже одним инструментом спартанцы научились строить довольно прочные дома», – невольно усмехнулся Тарас, глядя, как врачеватель возвращается назад быстрым шагом, запалив фитили.

– Я установил два горшка, – радостно сообщил он хозяину, приблизившись, – этого должно хватить.

– О боги, помогите нам, – пробормотал Тарас, но на всякий случай приказал оттащить баллисты метров на двадцать подальше от той линии, где они находились сейчас. Мало ли что, а терять по глупости такие орудия не хотелось, – и пусть соседи нас не слышат.

В ожидании взрыва Тарас сам отошел назад и спрятался за одну из баллист, а всем остальным вообще приказал лечь на землю или пригнуться. Темпей не мог скрыть своего радостного ожидания, а потому остался стоять рядом с хозяином, впрочем, также спрятавшись за баллисту.

Горшки взорвались друг за другом. Сначала Тарас увидел яркую вспышку недалеко от входа в дом, а затем раздался страшный треск, обрушивший внутрь половину строения. Остатки внешней стены разметало по окрестностям. Несколько булыжников просвистело недалеко от позиций артиллеристов, и Тарас только похвалил себя за предусмотрительность.

Второй взрыв прогремел почти сразу, с небольшой задержкой, окончательно развалив строение. Теперь на месте отличного спартанского дома возвышалась лишь груда обугленных камней, которые продолжали гореть. Все же Темпей начинал именно с зажигательной смеси.

– Получилось! – завопил врачеватель, выскакивая из-за орудия, лишь только вокруг перестали свистеть камни.

– Фитили отрезай ровнее, – посоветовал наблюдательный Тарас, – а вообще, молодец. Надо будет провести испытания в горах, посмотреть, какую скалу сможем осилить.

– А зачем нам взрывать скалы? – удивился Темпей.

– Есть у меня одна мыслишка, – отмахнулся Тарас.

Но врачеватель не стал настаивать. Ему было все равно, что и где взрывать, лишь бы этот процесс набирал обороты. «Чем бы дитя не тешилось, – усмехнулся Тарас, глядя на то, как Темпей отплясывает вокруг дымящихся развалин, наблюдая дело рук своих, – лишь бы польза была».

– О боги, что ты сотворил с этим имением? – услышал вдруг Тарас за своей спиной и, обернувшись, заметил изумленного геронта.

– Мы тут испытали еще один горшок с громом, – развел руки в стороны Тарас, – извини, отец.

– Но ведь я же отвечаю за сохранность всего этого имущества, – вздохнул Поликарх.

– Придется подлатать, – пожал плечами Тарас, – чего не сделаешь ради Спарты.

На следующее утро, оставив часть илотов отцу в качестве рабочей силы, которая тут же принялась восстанавливать дом, Тарас забрал Темпей и еще несколько человек, отправившись в горы. Вдохновленный успехом, он решил, не откладывая, провести новые испытания взрывчатки, которой еще не придумал названия. С точки зрения подрывника из двадцатого века, она была не очень мощной. Однако для тех целей, которые Тарас перед собой поставил, уже вполне могла сгодиться. И прежде всего Тарас хотел отыскать и взорвать часть скалы – чтобы проверить готова ли взрывчатка для настоящего дела или нуждается в доработке. Взрыв дома его впечатлил, и все же скала это не дом.

Почти полдня им понадобилось, чтобы разыскать подходящую глыбу. К своему удивлению, Тарас обнаружил ее в небольшом ущелье, через которое проходила дорога из Кипариссии в Пилос. Дорога была пустынной, в этих местах народа обитало немного, однако время от времени по ней проходили даже отряды спартанцев и проезжали телеги. Проводить здесь испытания взрывчатки было довольно рискованно, но, немного понаблюдав за дорогой, которая хорошо просматривалась в оба конца, Тарас решился. Уж больно хорошо нависала огромная глыба над самой дорогой.

– Приступай, – приказал он врачевателю, когда дозорные, которым полагалось сообщить о приближении людей заблаговременно, были отправлены в оба конца дороги и заняли там свои посты метрах в пятистах от облюбованной глыбы, – постарайся заложить заряды так, чтобы глыба упала прямо вниз, а не в сторону. Это называется направленный взрыв.

Темпей кивнул. Затем с помощью Этокла и Брианта, тащивших горшки, отправился выполнять приказание и вскоре исчез среди ветвей кряжистых деревьев. А Тарас с парой бойцов остался на своем наблюдательном пункте, – небольшой площадке среди скал, с которой хорошо просматривалась часть пути, ведущей в Пилос. Здесь лесная дорога, проходившая внизу под ними, делала изгиб, открытый взгляду с одной стороны, и пропадала в лесу.

– Ну что они там возятся? – начал беспокоиться Тарас, которого волновало, что прошло достаточно много времени, а Темпей все еще не установил заряды. Наконец, раздвинув ветки, появился запыхавшийся Бриант.

– Все готово, – доложил илот, из-за спины которого торчал гастрافет.

– Отлично, – кивнул Тарас, – пусть врачеватель поджигает фитили, а вы отойдите подальше от того места.

Бриант исчез, подтвердив кивком получение приказа. Когда прошло минут пять, Тарас вновь окинул взглядом дорогу и обомлел – по ней приближался отряд спартанских гоплитов в красных плащах. Человек тридцать. Солдаты мерно вышагивали, поблескивая своими доспехами на полуденном солнце. А позади них тащились илоты-оруженосцы.

– Черт побери! – вырвалось у него. – Надо отменить взрыв, а то не миновать беды.

Но, бросив взгляд на скалу, которая не была видна спартанцам из-за поворота дороги и закрывавшего ее холма, заметил своих бойцов. Они уже уходили оттуда, как и было приказано. «Значит, фитили уже горят, – лихорадочно соображал Тарас, – спартанцы еще далеко, под обвал не попадут, но вот потом могут устроить за нами погоню, если заметят. Надо что-то придумать».

Но придумать он ничего не успел. Сначала раздался запоздалый свист одного из дозорных, заметивших приближавшийся отряд. А затем скала всколыхнулась и заходила ходуном у него под ногами. Вслед за этим он услышал два почти одновременных взрыва – «молодец, Темпей, подрезал фитили», – увидел выброс огня, выплеснувшегося наружу, словно из недр вулкана, а потом глыба отделилась от основания и с жутким грохотом полетела вниз. Она несколько раз отскочила от скалы и, перевернувшись, обрушилась на дорогу. Вслед за ней туда же просыпался небольшой камнепад, окончательно перегородив путь.

– Твою мать! – только и сказал Тарас, схватившись за дерево, чтобы не упасть. А когда перестало гроыхать и пыль в ущелье осела, он вновь бросил взгляд туда, где были спартанцы. Его удивлению не было предела. Услышав грохот впереди, спартанские гоплиты, сначала остановились, а потом без лишних размышлений развернулись назад, видимо, посчитав это плохим знаком, для того чтобы продолжать свой путь. Глядя им вслед, Тарас невольно улыбнулся.

Глава пятнадцатая

Корабль Ксеркса

Их носило по волнам почти двое суток. Каким-то чудом они смогли избежать столкновения с другими кораблями, миновать опасные берега и рифы. А когда наступила ночь, лишь немногим отличавшаяся ото дня, и безумный ветер стих буквально на пару минут, позволив им увидеть звездное небо, капитан Андрос определил, что они уже очень далеко от Фермопил.

– Нас вынесло в открытое море, – успел заявить он, за мгновение до того, как ветер снова окреп и стал закручивать волны в огромные воронки.

– Где же мы сейчас? – удивился Тарас, надеявшийся, что они все еще болтаются у берегов гигантского острова Эвбеи, на ближней оконечности которого должны были стоять афинские триеры.

– Я не успел поговорить со звездами достаточно долго, – заявил старый капитан, – но, судя по всему, пока где-то у берегов Магнезии. Здесь должно быть много персидских кораблей, мы плыли сюда от Геллеспонта с персами. Когда... я еще был рабом. А сейчас ветер сносит нас в сторону Халкидики.

– Но ведь там сейчас тоже персы? – уточнил Тарас.

– Персы сейчас везде, – грустно заметил капитан, которого перспектива вновь угодить в рабство, из которого он только вчера получил надежду вырваться, радовала не больше, чем его нового спартанского хозяина.

Командир «спецназа» был сильно расстроен тем, что море сыграло с ним столь злую шутку и унесло далеко от нужного берега. Ведь он-то надеялся, избежав гибели в бою с персами, причалить вскорости где-нибудь неподалеку от Фермопил и вернуться к царю Леониду с докладом о своих победах. А теперь это возвращение откладывалось на неопределенный срок.

«Впрочем, – с грустью подумал Тарас, глядя на бушевавшую стихию, – царь, наверное, уже видит нас среди мертвых».

Эту ночь им пришлось провести в открытом море. И только теперь Тарас понял слова Андроса о том, что настоящая буря еще не начиналась. Корабль стонал и скрипел на все лады, кренился на борт, проваливался в пропасти между огромных волн, но каждый раз чудом вновь «выныривал» на поверхность. Тем, кто должен был следить за морем, Тарас приказал привязаться веревками, чтобы их не смыло за борт волнами, постоянно перекатывавшимися через палубу. Все остальные бойцы, включая спартанцев, спустились на нижние палубы и молились морским богам. Гребцы давно втянули весла внутрь, задраив весельные порты кожаными пластырями – работы во время шторма для них не было, – но вода все равно просачивалась, так что периекам приходилось вычерпывать ее за борт вместо них. Кроме капитана, рулевого и нескольких матросов, Тарас не разрешил пока расковать других рабов, хоть и обещал им свободу в случае спасения. Все-таки их было в несколько раз больше, чем тех, кто захватил корабль.

Стихия же разыгралась не на шутку, продолжая проверять на прочность судно и людей.

– Хорошо, что в Спарте нет флота, – признался в одну из особо жутких минут Архелон Тарасу, когда они сидели, прислонившись к борту, за которым бушевал Посейдон, – по мне лучше убить сотню персов в открытом бою на суше, чем отправиться на корм рыбам и морским чудовищам.

Тарас промолчал, вытерев со лба струйку соленой воды, что пролилась на него сквозь щель в палубе. Он и сам был не в восторге от такого путешествия, которое в любую минуту могло закончиться крушением, но разговор насчет флота не поддержал. У него на эту тему были свои мысли, которые он, впрочем, не спешил высказывать. Момент был не подходящий.

На следующий день, после полудня буря стала стихать. Вернее, они вышли из ее центра, оказавшись на окраине. Здесь Посейдон все еще вздыбливал пенные валы, но они были уже не столь большими, как у берегов Эвбеи. Привыкнув к постоянному завыванию ветра, Тарас не сразу понял, что тот стал дуть слабее. А когда осознал это, то даже рискнул выбраться на палубу и посмотреть, куда их занесло.

Корабль Андроса, по его собственным словам, в прошлом триерараха²⁸ из Галикарнаса, оказался довольно крепким. И выдержал натиск стихии, лишившись только части ограждений вдоль бортов и на носу. Потери среди людей ограничились тремя переиками, которых смыло за борт прошлой ночью. И теперь в распоряжении Тараса находилось тридцать семь периекских воинов, четверо спартанцев, считая его самого, двое илотов и один врачеватель, который облевал уже почти всю нижнюю палубу. Как выяснилось, Темпей плохо переносил морские путешествия. С таким отрядом еще можно было бы некоторое время держать Фермопилы, но выдержать сражение в открытом море с кораблем противника или сразу несколькими – ведь здешние воды просто должны были кишеть ими, – представлялось Тарасу делом безнадежным. Поэтому он втайне очень хотел увидеть берег. И лучше бы берег греческий. Хотя интуиция подсказывала ему, что в этой стороне Эгейского моря искать греков было бесполезно. Все, кто здесь жил, уже давно были подданными персидской империи.

Выбравшись на палубу, Тарас ухватился за уцелевшее ограждение, повертел головой и понял, что буря стихает, хотя мощные волны еще имели достаточно сил, чтобы потопить корабль. Однако серая хмарь облаков уже кое-где оторвалась от воды, давая возможность видеть вперед метров на сто, а то и на двести. И бросив взгляд по левому борту, Тарас глазам своим не поверил.

Буквально метрах в пятидесяти, почти что борт о борт с ними расходился огромный корабль, довольно четко различимый невооруженным глазом. На носу корабля возвышалась статуя какого-то божества, под которой стояли на коленях несколько пленников со связанными руками. Вокруг сгрудились воины с мечами, явно собиравшиеся совершить казнь. Один из них обернулся и бросил взгляд в сторону кормы, укрытой золотым балдахином, который блестел даже в таком сером воздухе. Там на огромном троне, у подножия которого разлеглись перепуганные наложницы, сидел рослый человек в богатых одеждах, расшитых драгоценными камнями. Он махнул рукой, и стражник мгновенно отсек голову пленнику, затем поднял ее вверх за волосы и потряс, чтобы его господин убедился в исполнении приказа. Кровь несчастного потекла по его рукам.

Затем стражник посмотрел в сторону и встретился взглядом с Тарасом. Несколько мгновений они с удивлением изучали друг друга. Однако, затем серая хмарь проглотила неизвестный корабль, словно его и не было. Тарас даже не успел ничего сообразить.

– Это сидонская пентера²⁹, – пояснил Андрос, поднявшийся вслед за спартанцем и невольно подтвердивший Тарасу, что этот корабль не был видением, навеянным пением сирен, – на таких плавают только знатные персы.

– А тот человек на корме... – пробормотал Тарас, боясь поверить своим глазам.

– Наверное, это был Ксеркс, – пролепетал грек, тоже не очень уверенный в том, что

²⁸ Триерарх – капитан триеры.

²⁹ Пентера – большой пятиярусный корабль.

узрел божество³⁰, – он принес жертвы, чтобы спастись от бури.

– Черт побери, – выругался изумленный Тарас по-русски, – сам Ксеркс! Вот бы его захватить и привезти к Леониду!

Он даже с надеждой посмотрел в ту сторону, где растаяла неизвестная пентера, словно хотел броситься в погоню, позабыв, что их корабль сейчас только щепка, плывущая по воле волн. Впрочем, как и корабль полубожественного Ксеркса.

Тарас так и стоял до тех пор, пока на них не обрушилась мощная волна, едва не смыв его за борт. После чего, почел за благо вновь спуститься на нижнюю палубу. «Его сейчас уже не догнать, – попытался успокоить себя Тарас, теребя рукоять меча, – уплыл в Грецию. К своей армии, которая, значит, до сих пор воевала без него. Утонул бы по дороге, что ли? Ведь плывет в самый центр шторма, откуда мы едва выбрались».

Но надеждам Тараса не суждено было сбыться. Буря стихала на глазах. После полудня они уже смогли все выйти на палубу и окинуть взором безбрежное море, благо видимость стала почти нормальной. Предстояло понять, где же они оказались и решить, что делать дальше.

С местоположением, впрочем, определились неожиданно быстро, но это отнюдь не обрадовало Тараса. Прямо по курсу, буквально в нескольких километрах он увидел берег. Две длинные полосы земли, разделенные небольшим проливом. Через этот пролив было наведено два плавучих моста, по которым передвигалось множество людей и лошадей. Приглядевшись к «понтам», Тарас понял, что они сделаны из скрепленных между собой канатами судов, на которые сверху уложен настил из досок. Длина одного такого «понта» была чуть больше километра. По ближнему к неожиданным «наблюдателям» настилу с одного берега на другой двигались огромные массы войск, блестя на солнце доспехами. А по дальнему – тянулись бесконечные повозки, груженные всевозможным скарбом, за которыми пастухи гнали каких-то животных. Вдоль переправы плыло несколько военных кораблей с «египетскими» парусами.

При первом же взгляде на это чудо инженерной мысли, обойденное штормом, у Тараса возникло нехорошее предчувствие. «Неужели нас отнесло к самому Египту? – промелькнула мысль в мозгу командира спартанцев, когда он пристально рассматривал грандиозную переправу и плававшие вдоль нее корабли охранения. – Этого нам еще не хватало».

Египет был перед ними или нет, но, во всяком случае, все эти солдаты и корабли явно не имели никакого отношения к тому подкреплению, что ожидалось у Фермопил. Этих воинов были тысячи, но не один из них даже издали не походил на греков. Собравшиеся за его спиной спартанцы тоже смотрели во все глаза на гигантские мосты, соединившие два отдаленных берега пролива, стараясь найти объяснение.

– Что же это такое? – все же пробормотал Тарас вполголоса, незаметно для себя начав размышлять вслух.

Стоявший рядом с ним капитан услышал его слова и расценил как вопрос.

– Это Геллеспонт, господин Гисандр, – хриплым голосом ответил Андрок, – пролив, по которому проплывают корабли из Эгейского моря в Понт Эвксинский за зерном³¹. Здесь же самое узкое место, где ближе всего сходятся берега греческих земель и Азии. Вон тот мыс слева, это полуостров Херсонес-фракийский. А вон там...

Капитан махнул на берег, тонувший в дымке чуть дальше справа по курсу.

³⁰ Многие греки были уверены, что на их землю в образе Ксеркса, который устанавливал на земле «новый порядок», наступает не просто царь, а полубог. Что интересно, жречество Аполлона в самой Греции поддерживало эту идею.

³¹ Уже в пятом веке до нашей эры греки не могли самостоятельно выращивать на своей территории необходимое количество хлеба и начали его импорт из Крыма и прилегающих к нему областей, богатых зерном. Закупали они его преимущественно у скифов.

– ...стоит Илион.³²

– Так это нас через все море к самому Геллеспонту унесло, – пробормотал пораженный Тарас, – здесь же кругом одни персы!

Тарас даже обернулся к окружавшим его спартамцам и, как бы извиняясь, добавил:

– Не собирался я так далеко уходить от берегов Греции.

– Наша жизнь была в руках Посейдона, – заметил на это Эгор.

– И он пощадил нас, – подхватил Архелон, – значит, мы сможем вернуться в Грецию.

– Надо быстрее уходить отсюда, – подал голос Офриад, – пока вон те корабли не распознали в нас неприятеля.

Один из «египетских» парусников действительно чуть отвернул от курса остальных судов и направился к неизвестной триере. Капитан Андрос почему-то медлил, не давая команды и осматривая берега, словно боялся ошибиться. Но Тарас не дал ему больше времени на раздумья.

– Быстро весла на воду! – заорал он. – Ты еще не спас нас от персов и твоя свобода все еще в моих руках!

– Лучше парус, – возразил Андрос, словно очнувшись, – ветер дует нам в лицо, значит, в сторону греческих берегов. А весла нам еще пригодятся.

– Делай, что хочешь, старик, – вновь вступил в разговор Офриад, хватая его за отворот грязной туники, – но, если хоть один из этих кораблей подойдет к нам ближе, чем на десять стадий, ты умрешь первым.

– Вот она, милость спартамцев, – процедил сквозь зубы капитан, прищурившись на солнце.

Тарас едва успел перехватить руку Офриада, уже почти выхватившую из ножен клинок.

– Не болтай лишнего, – предупредил он капитана, – а то даже я не смогу сдержать обещания. – А, обернувшись в сторону Офриада, добавил:

– Успокойся, он вывезет нас отсюда. Ему ведь нужна свобода. А здесь его ждет только персидский плен, и даже наша смерть не спасет его от этого.

Старик обменялся взглядами с Тарасом и Офриадом, затем наклонил голову в знак согласия и отправился отдавать указания. Тарас поймал себя на мысли, что слишком уж гордым и независимым держался этот недавний раб. Во время шторма он поведал Тарасу, что был триерархом на военном корабле, принадлежавшем его семье, но отказался служить персам, когда пришло время. За это и был сделан рабом на своей же триере. Но больше он ничего о себе не рассказывал новым «благодетелям», предпочитая держать свое прошлое в тайне. Тарас пока и не настаивал, лишь бы с кораблем мог управляться. Но этот старик его заинтересовал. Что-то в его судьбе было такое, что он явно хотел скрыть. Но сейчас думать об этом времени не было.

Вскоре матросы из вчерашних гребцов завозились на палубе, устанавливая мачту. Ветер наполнил белый парус и триера, развернувшись кормой к Геллеспонту, направилась в сторону греческих берегов.

– Зря ты не дал мне его убить, – прошипел Офриад, – он осмелился оскорбить спартамца.

– Остынь, Офриад, – сказал Тарас, – он еще нужен нам, ведь никто из спартамцев и периеков не умеет управлять кораблем. У Спарты же нет флота.

– Нам не нужен флот, Гисандр, – отмахнулся Офриад, – Лакедемон силен своими воинами.

– Пусть сначала доставит нас обратно, – закончил спор Гисандр, – а там посмотрим, что с ним делать, хотя я и обещал ему свободу.

Офриад дернул рукой, освобождаясь от железных пальцев Тараса, и отошел к борту. А

³² Троя.

Тарас бросил взгляд на преследователей – за ними, почуяв неладное, устремилось сразу пять кораблей. Ветр раздувал их паруса также, как и парус триеры Андроса, уже летевшей по волнам. Посейдон пощадил их, но персы могли исправить эту ошибку судьбы. Впрочем, за следующий час расстояние между ними не сократилось, и Тарас вновь посмотрел в сторону грандиозной переправы, соединившей по желанию царя царей два мира. Она уже почти исчезла в туманной дымке.

Сотни солдат каждую минуту переходили по ней на греческий берег, умножая силу Ксеркса. «Пройдет совсем немного времени, как все они будут у Фермопил, – резонно предположил Тарас и размышлялся, вспомнив прошлую жизнь, – эх, мне бы сюда пару торпедных катеров. Один удар с моря и нет никакой переправы. Хотя... если запустить туда Темпея, то даже катеров не понадобится, мостки-то деревянные. Подпалил и все. Связь между мирами оборвалась. Вот только грамотно поработать времени никто не даст. Слишком уж много там солдат».

Тарас напряг зрение, стараясь лучше рассмотреть исчезавшую переправу.

«Впрочем, внезапный удар с моря и несколько удачных таранов, – продолжил он свои размышления, – это неплохая идея. Надо будет шепнуть Леониду, когда вернемся».

Погоня продолжалась до самой ночи. В открытом море на помощь «египтянам» неожиданно присоединилось еще несколько кораблей, попытавшихся перехватить триеру спартанцев.

– Финикийцы, – опознал капитан из Галикарнаса корабли, попытавшиеся пойти наперерез его судну.

Тарас обернулся в сторону триеры, что десять минут назад едва не протаранила им корму, а теперь продолжала висеть на хвосте, оставив далеко позади всех других преследователей. Этим кораблем управляли явно не новички. С его палубы прилетело даже несколько стрел, одна из которых сразила периека. И спартанцы некоторое время ожидали схватки, собравшись на корме и выстроив позади себя остальных. Но, к их большому удивлению, бывший раб Андрос так ловко управлял кораблем, пережившим бурю, что даже финикийцы не смогли его догнать.

Когда ветер ослаб, Андрос велел перейти на весла, и триера полетела еще быстрее. А спасла их ночь. Опустившаяся тьма над морем скрыла беглецов от персидского флота. Но триера не снижая хода, продолжала рассекать черные волны, словно не боялась налететь скалы, которых здесь было множество. «Все Эгейское море, одни сплошные скалы и острова, – невесело размышлял Тарас, всматриваясь в ночной мрак, опустившийся на волны, – но выбора нет. Придется рискнуть».

– Ты можешь вести корабль ночью? – спросил Тарас, взяв старика за плечо, когда тот рассматривал ясные звезды.

– Я могу идти, когда угодно, – ответил Андрос и добавил тоном, в котором Тарас уловил иронию, даже издевку, – господин, Гисандр. Ведь мне показалось, вы очень торопитесь вернуться домой.

«Интересный старик, – подумал Тарас, – надо будет потолковать с ним на досуге, можно даже с каленым железом. Что-то темнит он».

Но вслух сказал другое:

– Да, ты понял верно, Андрос из Галикарнаса. Сможешь во тьме найти дорогу к мысу Артемисий?

– Туда, где стоит святилище Артемиды? – уточнил старик.

Тарас понятия не имел о том, что там стоит святилище божества, но на всякий случай кивнул.

– Да. А кроме того, там стоит наш флот, готовый сразиться с персами. Если не сможешь доставить нас к Фермопилам, то отведи корабль туда. Это по пути.

– Я понял, – кивнул грек, внимательно посмотрев в лицо спартанцу, – дорога мне знакома. На это уйдет почти два дня, если мы не наткнемся на персов. Позвольте спросить,

господин Гисандр, а что будет потом, когда я приведу корабль на Эвбею?³³

– Сначала приведи корабль, – медленно проговорил Тарас, – а там будет видно.

Несмотря на царившую вокруг темноту, он почувствовал, как старик улыбается, словно повторяет: «Вот она, спартанская милость». Но Тарас сдержался и не стал убивать старика, как это непременно сделал бы Офриад. «Похоже, чем-то его обидели спартанцы, – догадался Тарас, но спрашивать не стал, – захочет, сам расскажет. Если... успеет».

Ночь выдалась лунной и корабль спартанцев, освободившись от погони, бесстрашно бороздил Эгейское море вдоль лунной дорожки, протянувшейся по волнам. Тарас настолько успокоился, что даже отправился спать и вздремнул до рассвета. Несмотря на все странности старика, он не верил, что Андрос приведет корабль прямо к персам в лапы.

Наутро, когда он вышел на палубу, терзаемый голодом – они ничего не ели уже несколько дней, хорошо еще на корабле нашлись бурдюки с пресной водой, – то заметил на волнах множество плавающих обломков, словно здесь произошло кораблекрушение сразу десятков кораблей. Все спартанцы и периеки столпились на палубе, рассматривая поверхность моря, на которой покачивались весла, мачты и целые куски обшивки, выломанной из бортов триер.

– Смотрите! – воскликнул Архелон, указав куда-то в сторону.

Тарас проследил за его рукой и заметил полупритопленную триеру, с зияющей пробоиной в борту.

– Это была афинская триера, – бесстрастно заметил Андрос, – похоже, вчера здесь был жестокий бой.

– Мы не могли его проиграть, – высказался Офриад, – потому что флотом командует спартанец.

Тарас бросил предупредительный взгляд на старика, и тот промолчал, хотя с его губ явно готова была слететь «похвала» спартанским морякам. «Да он просто самоубийца», – нахмурился Тарас, однако, осмотрев горизонт, тут же просиял. Там, погруженный в туманную дымку, виднелся скалистый берег. До него еще было очень далеко, но все-таки берег был уже досягаем.

– Что это за земля? – повернувшись к Андросу, спросил Тарас, указав на далекие, протянувшиеся сплошной линией скалы. Это Эвбея?

– Вряд ли, господин Гисандр, – произнес капитан триеры, слегка качнув головой, словно придавая своим словам весомости, – скорее это группа мелких островов, что лежат рядом с ней. Пепарефос, Йиос и Скиафос. Но раз вчера здесь разыгралось сражение с персами, Эвбея уже недалеко.

Сказав это, Андрос пристально посмотрел на Тараса. Всем своим видом тот словно говорил: «Вот и настал черед узнать, сдержишь ли ты свое слово».

– Здесь могут быть персы, – напомнил Андрос, как бы невзначай, – чуть правее берега Магнезии, где стояли корабли Ксеркса. Буря наверняка потрепала их, как и греков, но это только добавило злости Ксерксу, и он вполне мог напасть на мыс Артемисий. Мы можем пристать к берегу чуть левее. Эвбея – огромный остров.

Тарас вспомнил человека под золотым балдахином, вершившим казнь посреди моря, и приказал:

– Нет, води нас прямо к мысу.

– Как прикажет господин Гисандр, – слегка поклонился Андрос.

Он оказался прав. Путь до мыса Артемисий занял остаток дня, за который триера спартанцев оставила позади себя скопление островов, волны меж которыми были усеяны плавающими обломками. Но ни разу им не встретилась целая триера. Ни афинская, ни принадлежавшая к персидскому флоту. Видимо, противники зализывали раны после жестокой схватки.

³³ Мыс Артемисий – это северная оконечность острова Эвбея.

«Кто же все-таки победил? – размышлял Тарас, нервно всматриваясь в небольшие скалы, то и дело, выраставшие из воды. – Может, афиняне уже отступили с мыса и мы идем прямо Ксерксу в пасть?»

Наконец, ближе к вечеру, когда над морем развиднелось совсем, они увидели высокий скалистый берег, далеко выдававшийся в море. Пенные волны разбивались о него.

– Эвбея, – произнес Андрос. – А вон та скала с краю, это и есть мыс Артемисий.

Тарас проследил за рукой капитана и рассмотрел дюжину кораблей, поджидавших их у входа в широкий пролив. Это были афинские триеры. Персов же было не видно.

«Где-то здесь нас гоняло по волнам во время шторма, – невольно припомнил Тарас, – и каким-то чудом удалось миновать скалистые острова, оказавшись в открытом море. И вот теперь, достигнув Геллеспонта, мы невредимыми вернулись назад. Круг замкнулся. Значит, боги уготовили мне иную судьбу. Надо поспешить к Фермопилам».

Тем же вечером они сидели у костра в гавани, где скопилось несколько сотен триер. Давно Тарас не видел столько греков в одном месте. Гисандр, Офриад, Архелон и Эгор с жадностью насыщались сочным мясом, заедая его овощами и запивая вином. Просто пища богов, после нескольких дней скитания по волнам.

– Буря потопила сотни персидских кораблей! – с восхищением рассказывал полемарх Эвривиад, принявший спартанцев под свое покровительство, едва они вступили на берег Эвбеи. – А вчера, едва Посейдон умерил свой гнев, персы вышли в море и напали на нас, но мы нанесли им жестокое поражение. Больше они не осмелятся сунуться сюда.

Сидевший у того же костра афинянин Фемистокл, невысокий широкоплечий бородач в богато отделанных доспехах, слегка усмехнулся, слушая речи самодовольного спартанца, но тут же поспешил убрать улыбку с лица. Спартанцы не терпели насмешек, и хотя афиняне почти не уступали им в бою, а на море даже превосходили, они поступили мудро, смирив свою гордыню и предоставив даже руководство флотом спартанцам. Все-таки авторитет спартанских полководцев в Греции был очень велик. Хотя Тарас ни минуты не сомневался, что половина победы в этом морском сражении, если не вся победа, принадлежала морскому умению афинских стратегов и триерархов.

– Значит, вы видели Геллеспонт своими глазами? – лишь уточнил Фемистокл, обратившись к Гисандру.

– Да и тысячи персов даже сейчас переходят по этим наплавным мостам на нашу землю, – повторил Тарас то, что уже ранее рассказал в подробностях, – вот если бы у нас были силы нанести удар по этой переправе и лишить войска Ксеркса подкреплений... Тогда нам было бы гораздо легче остановить и отбросить их здесь.

– Мы подумаем об этом, Гисандр, – пообещал за Фемистокла его спартанский начальник.

– Что же, – ответил Тарас, вставая, – тогда нам нельзя терять время. Царь Леонид ждет меня у Фермопил. Если нам дадут лодки, то к рассвету я смогу быть на другой стороне пролива.

– Ты получишь все необходимое, – ответил Эвривиад, – я немедленно распоряжусь.

Он встал и отошел в сторону. Пока спартанец отдавал приказание подскочившему адъютанту, Тарас тоже встал и приблизился к сидевшему чуть в стороне Фемистоклу.

– Та триера, на которой мы прибыли, – начал он разговор издали, вдруг замолчав на мгновение и бросив взгляд на спартанского полемарха, которому здесь как бы принадлежало все, – я захватил ее у персов. А капитану, который оказался греком, и рабам обещал свободу. У меня нет времени позаботиться о них...

– Я знаю твоего капитана, – неожиданно заявил Фемистокл. – Андрос отважный моряк и я с удовольствием возьму его к себе на службу. В недавнем бою пять триер остались без капитанов. Да и гребцы нам пригодятся.

– Тогда я могу считать свое обещание выполненным, – проговорил Тарас, немало удивленный, что глава афинского морского союза лично знает какого-то триерарха из Галикарнаса, долгое время пребывавшего в рабах.

– Вполне, – слегка поклонился Фемистокл, которому было не занимать хитрости. Это Тарас ощутил сразу. Кто знает, что на самом деле задумал Фемистокл, который мог одним движением руки вновь сделать Андроса рабом, пусть и у греков. Но дальше заниматься судьбой капитана он больше не мог. Нельзя было терять ни минуты и той же ночью они, даже не отдохнув, как следует, отправились тропой вдоль побережья Эвбеи к другой оконечности острова. Отряд спартанцев, а также илотов и выживших периеков, вели два проводника к месту, где их поджидали лодки.

– О чем ты говорил с этим афинянином? – поинтересовался подозрительный Офриад, после того как они сели в лодку и шестеро гребцов налегли на весла. Илоты и периеки погрузились на остальные суда.

– Попросил решить судьбу нашего капитана, – ответил Тарас, посчитав, что в данном случае можно не темнить.

– Надеюсь, у афинян найдется для него веревка или хороший удар ножом, – проговорил Офриад, вглядываясь в противоположный, быстро выраставший из воды берег, – уж слишком наглым был этот раб.

Тарас промолчал. Он цепким взглядом уже отыскал и теперь в предрассветной мгле вглядывался в плоское расширение у края скалы, которое могло быть только площадкой перед Фермопилами. Тарас так решил, потому что над этой площадкой с громкими криками вились стаи стервятников. Когда лодка приблизилась еще на пару стадий, спартанцы смогли разглядеть целые горы трупов, где персы и греки, судя по одеждам, лежали вперемешку. Но, как ни старался рассмотреть Тарас живых воинов в алых плащах, что должны были, выстроившись, стоять у прохода, никого увидеть не смог. Не было заметно и персов, словно все битвы остались позади. Тишину нарушали лишь крики голодных птиц, терзавших человеческую плоть.

«Жив ли царь Леонид? – первым спрыгнув на камни, подумал Тарас, который очень боялся, что опоздал. – И вообще, есть ли там сейчас хоть один спартанец?»

Глава шестнадцатая

Те, кто сопровождают Бога

Недобрым взглядом проводив стаю стервятников, пролетевшую над ними, Тарас осмотрелся. Берег был очень узкий. Даже не берег, а скальный выступ, на котором едва могло разместиться с десяток человек или причалить две небольшие лодки. Тропа начиналась прямо здесь, круто забирала вверх, а затем уходила влево, в обход всего Фермопильского ущелья. «Место выбрано правильно, – еще раз мысленно похвалил Тарас царя Леонида, поправляя ремешок новехонького шлема, который он получил из запасов Эвривиада, как и копье со щитом, – вдоль берега ущелье не обойти. До этой площадки никаких троп нет, сплошной обрыв. Раздолье для ласточек. А большое войско здесь не посадить. Да и афиняне не позволят, весь пролив просматривается».

Прыгая по скользким ступеням, то и дело поглядывая под ноги, чтобы не сорваться со скалы в воду, Тарас первым устремился вверх. Спустя пару часов, когда уже почти рассвело, передвигаясь вдоль берега, друг за другом, они достигли небольшого плато. Здесь оканчивалась тайная тропа, по которой регулярно прибывал гонец от Эвривиада к Леониду. Но вчера гонец не вернулся. Это и заставляло Тараса нервничать. Он должен был вернуться.

Однако, взобравшись на плато, Тарас увидел греческих гоплитов. Это был Хрис и его локры, отдохавшие на посту. Человек тридцать. По всей видимости, им было поручено стеречь выход с этой тайной тропы. Однако наслаждавшиеся утренней прохладой бойцы отложили далеко в стороны свои щиты и копья. Не обращая никакого внимания на море, они болтали о чем-то своем, до тех пор, пока перед их изумленным взглядом не возникли спартанцы. Возникли словно из-под земли, буквально в двух шагах.

«Они даже за морем не смотрят, – обалдел от такого „несения службы“ Тарас, – так можно проворонить и весь персидский флот, который, не таясь, проскочит прямо под носом.

Нет, прав Леонид, что не доверяет этим локрам».

– Хорошо же вы защищаете свою землю, – усмехнулся Тарас, опуская копье, когда разглядел, кто перед ним, – для этого вас поставил сюда царь Леонид?

Говоря так, Тарас даже не был уверен, что Леонид жив и ждал ответа, который прояснит ему ситуацию.

– Не беспокойся, спартанец, – ответил ему Хрис, нехотя поднимаясь с плоского камня и выходя из тени, – мы свое дело знаем. Ни один перс не сможет высадиться здесь.

– Но нас-то вы проморгали, – вставил слово Офриад, – будь на нашем месте персы, они перекололи бы вас как свиней.

– Мы вас видели, – соврал Хрис, обидевшись, но стараясь не подавать вида, – вон плывут обратно ваши лодки. Мы каждый день встречаем здесь посланника для царя с той стороны и отправляем обратно.

«Значит, царь жив, – мысленно отметил Тарас, – уже лучше».

– А где тот, что приплыл вчера? – уточнил Тарас.

– Это ты про того спартанца, что вчера сломал ногу и лежит в лагере? – ответил Хрис вопросом на вопрос. – Так он до сих пор там, его пользуют ваши лекари.

– И никто не отправился вместо него? – удивился Тарас. – Ты что, не сказал об этом Леониду?

– Не мое дело, – ответил Хрис, – царь со вчерашнего дня стоит у прохода. А я не вмешиваюсь в дела спартанцев.

«Ах ты, гнида, – еле сдержался Тарас, – там сообщения ждут, а он „не вмешивается“». Хрен с тобой. Разбираться некогда. Надо спешить к Фермопилам».

– Ладно, – ответил, скрежежнув зубами, Тарас, – я сам сообщу.

Миновав сонное охранение локров, Тарас прошел еще пару стадий по тропе между желтых скал и внезапно вышел к развилке дорог, увидев вдалеке лагерь греческих войск. Тропа к Фермопилам уходила направо, но то, что он узрел, обернувшись в левую сторону, привело его в настоящий восторг. Там, скрипя по извилистой дороге, поднималось пять подвод, доверху груженных какими-то странными конструкциями, укрытыми от постороннего взгляда мешковиной. На передней телеге сидел геронт Поликарх, а рядом маршировал отряд периеков.

– Ну, вот и «спецназ», – усмехнулся Тарас и, подозревая изможденного путешествием алхимика, хлопнул его по плечу, – смотри, Темпей, твои горшки приехали.

– Гисандр, – окрикнул его удивленный Офриад, увидев, как тот, вместо того чтобы направиться к Фермопилам, устремился в обратную сторону, – царь ждет нас.

– Не переживай, Офриад, – отмахнулся Тарас, продолжая путь навстречу геронту, – он будет гораздо больше радоваться, когда узнает о том, что прибыли эти телеги, чем оттого, что вернулись мы.

Тарас ждал их, затаив дыхание уже несколько часов. Но все это время в лагере персов царила странная тишина. Наблюдатели из его подготовленных бойцов, слившиеся со скалами, сообщали по цепочке почти от походного лагеря персов у самых Фермопил, что «все спокойно». От этого Тарасу становилось только тяжелее. Уж слишком долго персы не решались выступить, словно почуяли неладное.

Наконец, они появились. Они шли как на параде, облаченные в «золотые» доспехи, блестящие, словно тысяча солнц на фоне черных балахонов. В их правой руке были зажаты копья, в левой круглые медные щиты. На одном боку висел колчан с луком, на другом – короткий меч, а головы увенчаны не тиарами, как у многих персов, а плоскими шлемами из меди, способными выдержать любой удар. От этих воинов исходил совсем другой дух, нежели от кассиев или мидян, которых спартанцы уже не раз отражали. Эти воины привыкли побеждать. И до сих пор они не знали поражений.

Впереди шел рослый бородатый боец, способный одним ударом свалить быка. Приблизившись к Фермопилам, он слегка поднял руку, и черно-золотое воинство замерло в

сотне метров от узкого прохода, повинуюсь приказу.

– «Бессмертные», – пробормотал Тарас, разглядывая врагов из своего укрытия на скалах, нависавших над единственным здесь местом для битвы, – царь прислал свою гвардию. Отчаялся, значит, богоподобный. А этот гигант, вероятно, сам Гидарн. Ну, давай же, иди дальше. Посмотрим, как умирают «бессмертные».

Тарас отжался на руках и, не вставая во весь рост, отполз назад на пару метров. Только здесь он позволил себе встать и обернулся назад, осматривая свой «отряд особого назначения», разместившийся вместе с четырьмя баллистами на небольшом пятачке у вершины хребта. Это место Тарас присмотрел еще в первый день своего появления у Фермопил, а затем неоднократно отправлял своих илотов и периеков искать подходы, по которым сюда можно было бы втащить орудия. И, в конце концов, нашел.

Правда, дорог здесь не было, да и нормальной тропы тоже. А перепад высот в двух местах был почти по восемь метров. Никто из спартанцев не верил, что даже сам Гисандр, не то что какие-то периеки, смогут забраться туда. Но «спецназовцы» Гисандра справились с задачей. Они не только взобрались на этот скальный выступ, но и втащили туда на веревках разобранные баллисты. А также боеприпасы – горшки с зажигательной смесью.

– Если то, что ты поведал мне, Гисандр, правда, – сказал ему царь Леонид после странного разговора, который состоялся у него с царем один на один, почти сразу после прибытия обоза Поликарха, – то все греки будут почитать тебя как Зевса-громовержца, да простит он мне такое богохульство. А если ты не выполнишь своих обещаний, то я сам убью тебя вот этой рукой. Ибо никогда еще спартанцы не отступали ни перед одним врагом.

– О мой царь, – склонил голову в поклоне Гисандр, – это же не отступление, это военная хитрость. Ведь мы, даже сражаясь в строю, часто отходим назад, заманивая врага, а потом наносим ответный удар и поражаем его насмерть. Так будет и здесь. Только мы поразим его не копьем, а огнем, который мой слуга сумел усмирить на благо Спарты.

Леонид умолк, изучая лицо собеседника. А Тарас молил богов, чтобы царь не оказался таким же твердолобым воякой, как другие военачальники, и не предпочел героическую смерть, возможной победе над персами. К тому моменту, когда Тарас с друзьями вернулся из вынужденного плавания, спартанцев оставалось в живых лишь тридцать пять человек. В строю уже вновь стояли Алфей и Марон. Оба были ранены, но вернулись из рейда с горсткой людей. Отряд Орея погиб целиком. Во всяком случае, о нем до сих пор ничего не было слышно. Зато Леонид уже знал от лазутчиков, да к тому же Эвривиад подтвердил ему сведения, о страшном пожаре, случившемся среди персидских кораблей незадолго до того, как Посейдон разгневался на них. Сгорело почти пятнадцать кораблей. А также склад продовольствия, отчего некоторые взбунтовавшиеся от голода отряды персам пришлось казнить самим, сделав «работу» за греков.

Так или иначе, но оставшиеся спартанцы могли теперь лишь героически умереть, поскольку следующей атаки им было не пережить. Подкрепления так и не подошло. А половина союзников разбежалась. Здесь, у Фермопил, еще находилось почти четыреста человек, в основном солдат с Пелопонесса, повиновавшихся Леониду. Еще пять сотен защищало вторую тропу, возведя там новую стену. Персы все же отыскивали этот путь и теперь пытались прорваться на новом направлении. И Тарас очень надеялся, что защитники второй стены не дрогнут. Иначе все усилия пропадут даром. Остальные союзники, те, что не сбежали, погибли в жестокой мясорубке, которая длилась у Фермопил уже много дней. Персы изрубили их на куски, но продвинуться так и не смогли. И это счастье, что Леонид иногда выставлял их на бой вместо вконец изможденных спартанцев. Только поэтому тридцать с небольшим человек были еще живы.

– Я видел твоего отца, который прибыл сюда с тем странным оружием, о котором ты мне рассказал, – сменил тему царь, бросив взгляд на огромных морских чаек, круживших над трупами, – я знаю Поликарха много лет, и он подтвердил мне все это, хотя я ему не поверил. Не верю и сейчас, ведь никто кроме богов, не может управлять силами огня.

Леонид вновь вперил тяжелый взгляд в стоявшего перед ним командира эномотии.

– Почти все мои лучшие воины мертвы. Поликарх сказал, что Спарта выслала войско, которое спешит на помощь. Не сегодня-завтра они будут здесь, но если мы не устоим, они могут опоздать. Поэтому я разрешаю тебе пустить в ход силы огня. Мы оставим стену, отойдем вглубь ущелья, как ты хотел, и запрем выход из него. Но, если ты не остановишь персов, то все мы сложим здесь головы, как и положено спартамцам. А персы пробьют дорогу в центральную Грецию.

Тарас с облегчением выдохнул, словно уже уничтожил всю многотысячную армию персов.

– Благодарю, мой царь, – выдавил он из себя, – чтобы этого не случилось, я должен действовать. У нас мало времени.

– Разведчики доносят, что Ксеркс, наконец, прислал ко мне своих «бессмертных», – кивнул царь, усмехнувшись и крепче сжимая копье, – что же посмотрим, отличается ли их кровь от нашей.

Персидский воин в блестящих доспехах все медлил, не в силах поверить своим глазам. Спартамцы ушли! Столько дней дрались за каждый клочок земли, никого не подпускали ближе стадии к проходу в стене, а теперь между ней и «бессмертными» не было ни одного воина в красном плаще. Больше того, ворота в стене были открыты, словно Леонид вдруг признал силу персов, одумался и готов был дать им землю и воду. Гидарн просто не мог поверить в это и ждал хитрости со стороны врага. И все же его никто не атаковал. Никто не пускал в него стрел из-за стены. Вокруг стояла тишина, если не считать криков птиц, которых вспугнуло появление персов.

– Ничего, – успокоил Тарас птиц, – скоро у вас будет, чем поживиться.

Он отвел взгляд от медливших персов и обернулся к Темпею, что находился в двух шагах.

– Ты хорошо заложил заряды? – осведомился спартамец у своего слуги.

Темпей кивнул.

– Весь день выбирал место. Все будет в порядке, господин Гисандр.

– Конечно, будет, – недобро усмехнулся Тарас, – если от твоих взрывов скала не рухнет вниз, нас с тобой просто изжарят на том самом огне, которым ты собирался убить столько персов.

Темпей вздрогнул, но промолчал. А Тарас обвел взглядом баллисты, у которых стояла в напряжении прислуга, и вновь устремил его на «бессмертных». План был простой. Такой простой, что не мог не посетить голову человека, знакомого с подрывным делом.

Как-то на рассвете, после очередного испытания смеси, Тараса вдруг осенило. Фермопилы были единственным удобным проходом в центральную Грецию вдоль моря. Если взять и просто взорвать его, то персам некуда будет деваться. Они застрянут здесь надолго. Во всяком случае, до тех пор, пока не перебросят всю армию гораздо западнее, в Этолию, где также имелись проходы в горах, которые вели оттуда прямоком в Фокиду. Центральная Греция таким образом была бы на время защищена. А в этой войне выиграть время, почти что означало выиграть войну. Во всяком случае, шансы греков на выживание вырастали многократно. И убедившись в том, что Темпей достиг больших успехов в новом для него деле, Тарас втайне задумал уничтожить Фермопилы, чтобы не вводить персов в искушение идти этим путем в Афины и Спарту. На обходную тропу он уже отправил Архелона с приказом царя также взорвать тропу «Огнем Темпея», и нескольких обученных периеков с горшками взрывчатки. О том, что в случае успеха он почти отрежет одну половину Греции от другой, Тарас не переживал. Главное, выиграть войну.

Правда, Леониду он всего не рассказал, решив поставить перед фактом. Тем более что просто взорвать ущелье он не хотел. Тарас мечтал навести ужас на этих самодовольных персов в ходе последнего сражения и заодно доказать царю Спарты эффективность нового оружия и тактики.

«Победителей не судят, – успокаивал себя Тарас, глядя, как Гидарн вновь махнул

рукой, отправляя вперед сотню „бессмертных“, – главное чтобы у горшков Темпея „мощности хватило“. Иначе персы нас сомнут. Ну, потеряют сотню другую, а потом добьют спартанцев, и сомнут. Тогда прощай, Великая Греция».

По плану, заряды, состоявшие из нескольких горшков каждый, были заложены на расстоянии трехсот метров один от другого. Первый почти у ворот, за оборону которых было заплачено сотнями жизней, а второй дальше по проходу, в самом конце которого находился сейчас царь Леонид с горсткой спартанцев.

Тарас решил запустить в проход как можно больше персов и взорвать оба заряда. Но их, похоже, надо было поторопить с продвижением к ущелью. Вот для чего были нужны баллисты. И Тарас тоже махнул рукой, отдав приказ заждавшимся «артиллеристам».

Торсионы отработали четко, выбросив все четыре горшка с зажигательной смесью. Метили в последние ряды колонны. Персы, остановившиеся, как на параде, были отличной мишенью. Горшки с воем пронеслись над головами изумленных бойцов Гидарна и обрушились на последние шеренги. Расколовшись о камни, они выплеснули горящее пламя под ноги персам, заставив тех плясать дикий танец смерти.

– Не нравится, – ухмыльнулся Тарас, глядя, как объятые огнем воины, носясь в панике по берегу, сталкивая друг друга в пропасть, – то ли еще будет. Расскажите потом своему Ксерксу, как боги Греции вас покарали.

И вновь махнул рукой. Еще четыре горшка унеслось вниз, превратив разрозненные очаги возгорания в стену сплошного огня. Один из них отлетел чуть в сторону и, задев отвесную скалу, разбился, разлив по ней свое содержимое. Теперь позади авангарда «бессмертных» бушевал настоящий ад. Назад им больше пути не было, об этом Тарас позаботился. Дорога вела только вперед.

Но, к чести Гидарна, ни он сам, ни его люди, не пали ниц перед неизвестным божеством огня. Командир «бессмертных» махнул выхваченным из ножен мечом и повел их в проход, первым переступив грань, отделявшую до сих пор персов от владений свободных греков.

Баллисты между тем не переставали сеять панику в стане врага. Они сделали еще пару залпов, разжигая гигантский костер перед Фермопилами. И лишь после этого Тарас сделал знак прекратить обстрел и переключился на тех, кто уже вошел вслед за Гидарном в узкий проход.

Со своего места он мог видеть лишь ближнюю часть ущелья, на отрогах которой засели гастралетчики. В их задачу входило терзать персов издалека, заставляя подумать, что это и есть главная хитрость. Черно-золотые воины вошли в скальный проход, озираясь по сторонам. Пока что им никто не мешал. Однако стоило первой сотне втянуться, как Тарас махнул рукой ближнему наблюдателю, который был одновременно и «подрывником». Гастралетчики ожили, посылая стрелы в хорошо различимые внизу фигурки персов. Послышались первые стоны, несколько убитых наповал персов упало.

Многие из «бессмертных» выхватили луки, начав отвечать тем, кто засел на скалах. Но заранее выбравшие позиции среди камней периеки с гастралетами были неуязвимы. Посадив на пути следования персов десяток «снайперов», тем самым Тарас лишь хотел позлить бойцов Гидарна и заставить двигаться быстрее, а совсем не задержать. Тем более что даже узкий проход сейчас им никто не преграждал.

Его расчет оправдался и персы, теряя людей, все же осторожно продвигались дальше. Уже вся первая сотня вошла в проход. Однако в дело неожиданно вмешались те, о ком Тарас уже успел позабыть за эти несколько минут. Возле него послышался сдавленный стон – прилетевшая снизу стрела пробила доспех стоявшего рядом с баллистой периека. Тот покачнувшись, харкнул кровью и упал под ноги Гисандру. Тарас еще ничего не успел сообразить, как вторая стрела пронзила шею «наводчика». Воин дернулся, сделал несколько шагов к самому краю обрыва и, перевалившись через него, полетел вниз, рухнул на копья персов. «Раскрыли, – промелькнуло в мозгу Тараса, который нагнулся и, повинаясь чутью, подхватил свой медный щит, прижавшись к массивным балкам торсионного орудия, – не

поверят теперь, сволочи, что их пожгли боги».

Он махнул остальным, чтобы прятались по щелям. Этокл с Бриантом едва успели прижаться к скалам, а многие периеки еще стояли возле орудий в полный рост, как их накрыла лавина стрел, пущенная снизу. Стрелы вдруг посыпались на небольшую площадку, как горошины, отскакивая от камней. Трое периеков были убиты сразу и упали рядом с орудиями, а стрелы все продолжали впиваться в уже мертвые тела. Другим повезло больше, и они успели накрыться щитами.

«Метко бьют, сволочи, – невольно похвалил Тарас, слушая, как барабанят по щиту стрелы, – впрочем, с такой кучностью попробуй, промахнись. Стрел-то не жалеют». Он сидел так минут десять, пока первая волна не закончилась. И вдруг, услышав вопли, доносившиеся снизу, осознал, что из-за этой внезапной контратаки задержался со взрывами. Вторая сотня персов уже наверняка втянулась в проход и, пройдя с небольшими потерями гастрафетчиков, движется дальше. Еще немного и они встретятся с царем спартанцев. Конечно, Леонид готов к этой встрече, но не для того Тарас столько времени готовился, работал мозгами и мускулами, чтобы облажаться в последний момент.

Он чуть приподнял щит и присмотрелся к тому месту, где должен был находиться ближний наблюдатель, который должен был передать сигнал о взрыве дальнему. «Даже если после обрушения скалы за ней кто-нибудь из персов останется в живых, ерунда, – лихорадочно размышлял Тарас, – главное, что для остальных проход будет закрыт. А этих добьют спартанцы». Он уже готов был увидеть напряженное лицо периека, ждавшего «отмашки» примерно метрах в пятидесяти, но неожиданно увидел лишь мертвое тело. Боец лежал на камнях, раскинув руки в стороны, убитый стрелой в сердце. Ближний гастрафетчик, метрах в пятнадцати от него, был занят персами и в сторону Тараса даже не смотрел.

– Ах ты, мать твою, – выругался Тарас вслух на неизвестном для илотов языке, – убили.

И вдруг он явственно представил, как персы, пробив заслон из горстки спартанцев, выбираются из ущелья, а за ними идет лавина черно-золотых бойцов, сметающая все на своем пути. Леонид в напряжении ждет «огня» на голову своих противников, а его нет. Все напрасно. Все эти дни, все сотни погибших греков, все зря. Все сорвалось из-за одного-единственного обстрела не дрогнувших персов.

– Ну, уж нет, – пробормотал Тарас и, не обращая внимания на стрелы, все еще колошматившие по камням, бросился вперед. Добраться до нависавшей над Фермопилами скалы, которую Темпей задумал обрушить на головы персов, можно было только прямо по хребту. Никакой тропы здесь не было, только скальные выступы, а справа и слева вертикальные сбросы. Но иного пути не существовало. Едва поднявшись на скалу, Тарас сразу стал виден персам. Бежать на виду у лучников было безумием, да и само слово «бежать» здесь было уже не к месту. Едва скальное расширение закончилось, как он стал карабкаться меж камней, то и дело уклоняясь от стрел, с новой силой засвистевших над его головой, словно персы догадались о его намерении.

Бросив взгляд назад, Тарас увидел, что пожар позади порядков «бессмертных» почти затих. За линией огня уже виднелись новые воины. А те, что стояли перед Фермопилами, подняв луки, посылали стрелу за стрелой в район «предполагаемого обитания богов», не давая им высунуть головы. «Правильно рассчитали, суки, – думал Тарас, подскользнувшись, он едва не свалился вниз, лишь в последний момент, зацепившись за острый гребень, – так ведь и прорваться смогут. Попади они в меня и все, прощай Фермопилы».

Тарас подтянулся на руках, взобрался наверх, и прижался к скале, глянув вперед. Оставалось всего ничего, метров десять. Мертвый периек со стрелой в сердце был рядом. А в его руке Тарас даже разглядел огниво. «Ладно, – оглянулся он в сторону персов, – всего делов осталось, преодолеть метров десять и зажечь искру».

Он выпрыгнул из своего укрытия, взобрался на плоский камень, пробежал по нему три шага, и тут что-то обожгло плечо. Тарас зашатался, но последним усилием воли заставил себя пробежать еще несколько шагов и спрыгнуть вниз, увернувшись от нескольких новых стрел, что могли добить его. Теперь он был на месте – у ног лежал мертвый боец, – но надо

было спешить. Боясь потерять сознание от боли, Тарас обломал стрелу, чтобы не мешала двигаться. Затем вытащил огниво из крепко сжатых пальцев мертвеца и присмотрелся к расщелинам, в поисках горшков. Нашел. Не раз и не два они обсуждали с Темпеем этот взрыв. «Помни, – наставлял его тогда Тарас, – ты должен взорвать скалу так, чтобы она обрушилась на персов, а не убила тебя самого. Это называется направленный взрыв».

Врачеватель все сделал, как надо. Расщелина, которую обнаружили периеки по его заданию, уходила глубоко под скалу, нависавшую над проходом. Да и сама эта глыба, иссеченная глубокими трещинами, вполне подходила на роль надгробной плиты для «бессмертных». Нагнувшись, Тарас почти нырнул в расщелину, нащупал короткий промасленный шнур, и стал высекать искру. К счастью, шнур задымил и загорелся сразу. Огонь быстро пополз к горшку, до которого было не больше полуметра. Затем Тарас чуть переместился влево, взявшись за второй горшок. При этом он царапнул торчавшим из плеча обломком стрелы за скалу и взвыл от боли, едва не потеряв сознание. Наконечник персидского «гостинца» сидел глубоко в левой лопатке. «Хорошо, что меня не слышат спартанцы, – усмехнулся в полумраке Тарас, истекая кровью, – а то засмеют».

После того, как загорелся третий шнур, и от дыма стало тяжело дышать, Тарас выбрался наружу. Пора было уносить ноги, вот-вот рванет. Он огляделся в поисках заранее продуманного пути отступления. Наброшенная петлей на основание валуна вниз свешивалась веревка, по которой должен был уйти «наблюдатель». Спустившись метров на пятнадцать, он оказывался на небольшом плато и уже имел втрое больше шансов уцелеть, отбежав в противоположную от взрыва сторону.

«Я же еще не подал сигнала», – вспомнил раненый борец, уже качаясь от потери сил. Он отпустил веревку, за которую уже взялся, и стал махать здоровой рукой, привлекая внимание ближнего периека. Но тот продолжал валить персов, позабыв обо всем. Тогда Тарас поднял с земли камень и запустил в него, попав точно в цель. Его слуга, узрев неподалеку своего окровавленного хозяина, тотчас сообразил, в чем дело, и отправил информацию условленным жестом следующему бойцу, а тот дальше «по этапу». При этом, заметив дым, гастралетчики бросили свои позиции, и тоже стали спускаться по заранее подготовленным веревкам. Взрывы должны были прогреметь с двух сторон, но не причинить им вреда.

Увидев это, Тарас почти скатился по скале вниз, лишь слегка, придерживаясь за веревку здоровой рукой. А когда ощутил под ногами горизонтальную поверхность, сделал несколько шагов и упал грудью на острые камни. Все поплыло перед глазами. Но Тарас не мог позволить себе потерять сознание раньше, чем услышал взрывы. Он собрал все оставшиеся силы и стал ждать, распластавшись на животе. Время потянулось мучительно медленно. Однако скала под ним наконец вздрогнула. Словно боги подземного царства ударили в гигантский барабан. А потом откуда-то сверху послышался страшный скрежет, и на него упало несколько камешков, укрыв облаком пыли. Затем вновь послышался грохот, но уже вдаль. «Успел, – промелькнуло в угасавшем сознании, – успел».

Часть вторая Великий царь³⁴

Глава первая Дельфийский оракул

После извлечения стрелы из плеча рана саднила, и он то и дело проваливался в небытие. Много дней Тарас провел в бреду. А когда пришел в себя, то обнаружил, что

³⁴ Так греки называли Ксеркса.

находится под надзором не только своего походного лекаря Темпей, потчевавшего его безвольное тело всякими снадобьями, но и Архелона с Эгором. При таком постоянном уходе он не только выжил, но и быстро пришел в себя.

– Где персы? – первое, что спросил Тарас у Темпей, схватив за край туники, когда его душа вновь соединилась с телом.

Напрягшись – в плечо тут же отдала глухая боль, – он даже присел на деревянной лежанке, осматривая место, в котором находился. Это оказалась большая кожаная палатка. В таких спартанцы жили по несколько человек во время похода. Но сейчас Тарас был здесь один.

– Вы ожили, господин! – воскликнул Темпей, вздрогнув.

В это время он возился с какими-то банками и горшками, что стояли в ряд у грубого деревянного настила, служившего раненому постелью. От удивления он опрокинул несколько склянок, разлив пахучие жидкости. Палатку мгновенно заполнили густые и тяжелые запахи, втянув которые Тарасу показалось, что он попал в мастерскую алхимика во время приготовления смесей. У него даже закружилась голова.

– Я уже почти начал беспокоиться, что вы не вернетесь из «путешествия», – сообщил врачеватель скорбным тоном, собирая черепки. – По моим расчетам, жар у вас должен был пройти уже вчера, но господин Архелон уверял меня, что это случится не раньше завтрашнего дня.

– Вы оба ошиблись, – слабо усмехнулся Тарас и попытался встать. Но перед глазами все поплыло, и он вновь сел на жесткий топчан, повторив вопрос: – Так, где же персы, несчастный? Ты ответишь мне наконец?

– Они там, где мы их и оставили, – довольный собой сообщил Темпей, – после взрыва у них нет больше пути вдоль моря.

– То есть, – попытался сообразить Тарас, – мы все в том же лагере у Альпен? Мы не отступили?

Темпей кивнул.

– А что происходит вокруг? Что случилось на второй тропе? – еле выдавил из себя Тарас, которого очень интересовало все, что произошло, пока он отсутствовал в этом мире.

– Об этом мне не известно, – просто ответил Темпей, – я занимался вашим здоровьем, как и приказал царь Леонид. А о том, что происходит за высокими скалами, пусть вам расскажет господин Архелон. Он, кстати, скоро должен прийти, проведать вас. Он всегда приходит дважды в день, на рассвете и на закате.

«За высокими скалами, – удивился Тарас, – как он их называет. Словно это непреодолимое препятствие, которое навсегда отрезало нас от персов. Однако неужели нам удалось отрезать персов?!»

Собравшись с силами, Тарас все же встал, не веря до конца, что его план удался.

– Сколько я здесь провалялся? – уточнил он и, не дожидаясь ответа, направился к выходу из палатки.

– Больше десяти дней, господин Гисандр, – ответил врачеватель, быстро подставив свое плечо покачнувшемуся хозяину, и поддерживая его, – и лучше бы вам полежать еще пару дней. Рана еще не затянулась, как следует.

– Я здоров, – пробормотал Тарас.

Резким движением откинув полог, он шагнул наружу и тут же зажмурил глаза от яркого света. А когда немного привык, то заметил, что у палатки отдыхали уцелевшие илоты из отряда «спецназначения». Скользнув взглядом по их удивленным лицам, Тарас перевел его дальше. Солнце заливало яркой белизной окрестные холмы и небольшую долину, сплошь уставленную палатками, меж которых бродили воины в красных плащах. Место, где лежал Тарас, находилось на краю лагеря, почти у самой дороги. Но и за ней Тарас разглядел множество палаток, а также целую вереницу телег на самом пути в южную Грецию.

– Мне казалось, что раньше здесь было гораздо меньше людей, – пробормотал Тарас, опершись о плечо своего слуги. Но затем, заметив, что многие воины смотрят на него,

оттолкнул Темпей, встав твердо на обе ноги. Положение обязывало.

– Пока вы находились в бреду, – осмелился заметить Темпей, ничуть не обидевшись, – к Фермопилам подошло спартанское войско. А со дня на день ожидают и афинское.

– Войско пришло? – переспросил Тарас, не поверив своим ушам. – Ну, наконец-то. Значит, дождались.

– А вот и господин Архелон, – проговорил врачеватель, указывая на высокого спартанца в полном вооружении, который приближался к ним с копьем и щитом в руке, – а с ним и господин Эгор.

– Рад видеть тебя среди живых, Гисандр! – приветствовал Архелон своего друга, вскоре останавливаясь рядом.

– Мы жаждали тебя! – вторил ему Эгор.

Они оба передали свое оружие шедшим позади илотам.

– Я торопился, как мог, – усмехнулся в ответ Тарас, скрестив руки на груди и стараясь держать равновесие. Солнце палило нещадно, и у него от жары вновь закружилась голова. Захотелось присесть. Поэтому, заметив в десяти шагах небольшое углубление в скале, где стояла тень, он предложил:

– Сядем вон там, я хочу кое о чем вас расспросить.

– Конечно, Гисандр, – кивнул Архелон, – рана, верно, еще терзает тебя.

Тарас был вынужден принять эту заботу, унижавшую любого спартанца, и направился к скале.

– Пропустил ты немного, – добавил Архелон, шагая следом, – и главный бой выдержал. Благодаря тебе персы так и не пробились сквозь Фермопилы.

– А где царь? – спросил Тарас, присаживаясь на прохладный камень и с наслаждением прислоняясь спиной к скале. – Ведь он жив, как мне уже сообщил Темпей?

– Хвала богам, Леонид жив и здоров. Ты вовремя засыпал камнями наступавших персов, – ответил Архелон, присаживаясь рядом, – говорят, Ксеркс даже назначил награду за твою голову, узнав о том, что ты придумал все это колдовство с огнем. Ведь под завалами погиб один из его любимцев – Гидарн, командир «бессмертных».

– А как он узнал? – спросил Тарас, удивившись.

– У царя царей повсюду свои шпионы, Гисандр, – сообщил Архелон, махнув рукой в сторону палаток, – думаю, их предостаточно даже в этом лагере. Ведь здесь кроме трех с половиной тысяч наших гоплитов, что привел Леонт, ошивается немало всякого сброда, недостойного носить имя воинов.

«Вот радость-то, теперь не только царь Леонид, но и я стал личным недругом Ксеркса. – усмехнулся Тарас, прищурясь на солнце и разглядывая палатки спартанцев. – А персы, судя по всему, обид не прощают. Да еще таких. Так что теперь по моему следу пустят каких-нибудь наемных убийц и в любой момент можно ожидать предательства. Ведь насчет „всякого сброда“ Архелон прав. Война еще не окончена и шансы у „посланцев“ Ксеркса имеются. Впрочем, легко им это не удастся».

Последняя мысль немного успокоила Тараса, когда он осмотрел своих вооруженных и готовых к любой схватке илотов, что ожидали приказов «ожившего» хозяина у входа в палатку. Однако другая мысль внезапно резанула его больное сознание – если пришло войско, то с ним должны были прийти и эфоры, так теперь было заведено почти в каждом серьезном походе. А если эфоры здесь, то будет разговор о тайном создании оружия, которое никто не разрешал. И этот разговор неизвестно чем закончится.

– Кто из эфоров прибыл с войском Леонта, – спросил Тарас, стараясь оставаться безучастным, – Хидрон или Астиан?

– Они не пришли, – обескуражил его Архелон, – в Спарте сейчас выбирают новых эфоров, и они лишь прислали твоего отца с посланием к царю.

– Так где, ты говоришь, сейчас находится Леонид? – повеселел Тарас.

– Он на берегу, – ответил за друга Эгор, остававшийся на ногах, – вчера вечером сюда подошло несколько триер от нашего полемарха Эвривиада. Они встали на якорь у самого

берега. Ты же знаешь, здесь не причалить большим кораблям.

– Зачем они здесь? – уточнил Тарас, вытирая пот со лба, струившийся с него не столько от жары, сколько от слабости.

– Я не знаю, – честно ответил Архелон, – наш царь не столь близок со мной, как с тобой.

Он замолчал ненадолго, но Тарас никак не отреагировал на эту шутку. Он разглядывал подводы на дороге, содержимое которых показалось ему очень знакомым. Да и периеки, охранявшие их, тоже.

– Говорят, афинский флот, которым командует Эвривиад, нанес еще одно поражение персидскому, – продолжил Архелон. – Ксеркс в ярости. Его главное наступление через Фермопилы остановилось из-за тебя. И на море пока не слышно о серьезных успехах. Афиняне хорошо знают свое дело, да и буря помогла. Вот Леонид, наверное, и решает, что делать дальше. Нужно ли стоять здесь или двинуть войско в другое место.

– Войско? – вновь уточнил Тарас, обводя рукой многочисленные палатки. – Ты говорил, что к нам на помощь наконец-то пришло войско?

– Это так, – кивнул Эгор, – три с половиной тысячи человек под командой Леонта.

– Всего три? – у Тараса невольно вырвался удивленный возглас. – Но ведь персов десятки, если не сотни тысяч!

– Это отборные воины, – немного обиделся Архелон, – а персы: сброд, который воюет толпой. Не ты ли сам уничтожил множество персов, всего лишь сражаясь с периеками? Кроме того, скоро подойдет еще афинское войско, и общая греческая армия вполне сможет потягаться с персидской.

«Ну да, – еле сдержал ухмылку Тарас, прижимаясь спиной к холодному камню, – еще несколько тысяч отборных воинов против сотен тысяч тех, кого Ксеркс считает „пушечным мясом“. А ведь Фермопил-то больше нет. Да нас просто задавят массой, если выйдем биться в чистое поле, какими бы молодцами не были все эти греческие воины».

Но вслух ничего не сказал, боялся обидеть друзей, которые со свойственной спартамцам гордостью и горячностью готовы были драться с любым противником, невзирая на колоссальный перевес в численности. А его в прошлой жизни отцы-командиры учили воевать не числом, а умением. Впрочем, спартамцы старались делать то же самое, только по-своему. Персы же, надо было согласиться с Архелоном, имея громадные людские ресурсы, с потерями не считались.

Тарас замолчал, предаваясь размышлениям, и вдруг заметил своего отца, спешившего к нему от обоза. Позади него следовало шестеро периеков.

– Леонид пока не отдал никакого приказа? – уточнил вдруг Тарас.

– Пока нет, – ответил Архелон, проследив за его взглядом, – мы стоим на месте и ждем его воли. Быть может, твой отец, который привез ему какие-то новости из Спарты, знает лучше?

– Тогда я хочу поговорить с отцом, – заявил Тарас, вставая, – а затем, если царь найдет время, то и с ним.

– Рад, что ты снова в строю, – ответил Архелон на прощание. После чего они оба отправились в лагерь, оставив Тараса наедине с отцом.

Когда геронт достиг того места, где отдыхал Тарас, то немедленно сжал его в своих объятиях, проявив неумеренность в отеческих чувствах. Отцы редко позволяли себе такое, особенно в присутствии других спартамцев.

– Ты жив, Гисандр, – промолвил отец, все же отступая спустя мгновение.

– Да, отец, я жив, – ответил Тарас, немного поморщившись от боли в плече, возникшей после объятий, – несмотря на эту проклятую персидскую стрелу.

– Ты жив, – повторил Поликарх с жаром, разглядывая Тараса, – и ты победил персов! Твое оружие низвергло скалы на головы наших врагов. Все, о чем ты мечтал эти два года, сбылось! Прости, что я, глупый старик, не верил тебе с самого начала.

– О чем ты, отец, – немного размяк Тарас, – если бы не ты, у меня ничего бы не вышло.

Так что это скорее твоя победа.

– Нет-нет, – отмахнулся геронт, отводя Тараса в сторонку, поскольку их слишком громкий разговор привлек внимание нескольких воинов, – царь Леонид считает так же. Мы уже обсудили с ним твой подвиг. Он гордится таким воином и я тоже! Ты остановил персов своим оружием, ты убил самого Гидарна, любимца персидского царя. Вся Спарта и вся Греция теперь вновь будет воспевать твои подвиги!

«И откуда они все знают про этого Гидарна, – немного расстроился Тарас, – впрочем, какая разница. Дело уже сделано».

– Это уже слишком, – отмахнулся Тарас, – я совсем не желаю, чтобы обо мне судачили по всей Элладе.

– Скромность украшает спартанца, – согласился геронт, которому такие слова пришлись по сердцу. – Но царь Леонид уже послал весть домой и получил ответ. Тебя хотят видеть эфоры после возвращения в Спарту.

– Зачем? – насторожился Тарас. Внимание эфоров не всегда заканчивалось наградой. Уж об этом было известно всем.

– Я не знаю, – слегка нахмурился геронт, – но уверен, чтобы достойно наградить. Ведь ты отразил персов.

– Это я сделал не один, отец. Не забывай, ведь у Фермопил погибла почти вся гвардия царя, – напомнил Тарас и продолжил прежнюю мысль. – А еще эфоры наверняка захотят расспросить о нашем оружии. И я пока не знаю, что им сказать.

– У тебя еще будет время поразмыслить об этом, – неожиданно успокоил его Поликарх, – ведь в Спарту ты вернешься еще не скоро.

– Почему? – удивился Тарас. – Если персы остановлены, то наверняка царь отведет войско в Спарту, решив, что «всадники» выполнили свое дело.

– Оглянись вокруг, Гисандр, – Поликарх обвел взглядом море палаток, заполонившее узкую долину, – неужели ты думаешь, что эфоры прислали сюда это войско просто так, чтобы продемонстрировать силу Лакедемона и уйти обратно?

Тарас умолк, вновь осматривая лагерь, и еще не понимая, к чему клонит отец, а тот, внезапно став серьезным, добавил:

– Персы остановлены, хвала богам и твоему новому оружию, – проговорил он, – однако они не разбиты. А кроме того, убив Гидарна, ты унизил персов и самого царя царей, а такое владыки не умеют прощать. Ведь богоподобный Ксеркс пришел сюда из такой дали и привел с собой несметные полчища совсем не ради того, чтобы отступить после первого же поражения. А теперь он еще и разъярен, ведь греки не сдались, а преподали ему урок стойкости.

Геронт помолчал, остановившись у огромного валуна.

– Я уверен, Ксеркс будет искать другие пути. И найдет их. Так что битва еще не окончена. Войско остается здесь и твое оружие еще не раз поможет Греции. Остальное тебе расскажет сам царь.

– У тебя ведь остались еще баллисты? – поинтересовался Тарас, когда они приблизились к обозу, вспоминая давний разговор. – Кроме тех, что я уже использовал.

Геронт остановился у одной из телег, которую охраняло двое вооруженных периеков и слегка приподнял мешковину, накрывавшую какие-то бесформенные конструкции. Тарас заглянул внутрь. Несколько минут он с удовольствием главного конструктора разглядывал и даже поглаживал обтесанные балки с отверстиями, из которых за пару часов возникало грозное оружие. При некотором умении, конечно. Ни один здешний мастер не догадался бы, для чего нужны все эти балки, блоки и канаты, намотанные на барабаны. А тем более горшки странной вытянутой формы, с узким, запечатанным смоляной смесью горлышком.

– Двенадцать штук, – сообщил Поликарх, – как мы и договаривались. Перед боем ты так торопился, что взял четыре штуки и не захотел даже осмотреть остальные.

– Больше бы там не поместилось, – отмахнулся Тарас, вновь умолкая.

– Я привел, если ты помнишь, всех твоих бойцов, – добавил геронт, слегка понизив

голос, чтобы его не услышали проходившие мимо спартанцы, – трех илотов и пятнадцать периеков.

– А гастрафеты? – уточнил Тарас, разглядывая накачанные плечи периеков. Бойцы были отменные, он сам тренировал.

– Тридцать пять штук, – не задержался с ответом геронт. – Их ты тоже не успел осмотреть.

– Это больше, чем у меня солдат, умеющих пользоваться таким оружием, – пробормотал Тарас, закрывая мешковину и переходя к телеге с гастрафетами, – придется обучить еще добровольцев.

– Думаю, с солдатами не будет никаких трудностей, – уверенно заявил геронт. – Леонид говорил мне, что его очень заинтересовали твои мощные луки, способные поражать врага издалека. И, несмотря на то, что лук, это не оружие для спартанца, царь разрешит тебе использовать их во вспомогательных отрядах.

– Ну, что же, – не очень расстроился Тарас, – обучим периеков. Среди них иногда тоже толковые бойцы попадают. Хвала богам, что царь вообще не запрещает мне их использовать.

– А вот и он сам, – заметил геронт, поворачивая голову в сторону скал, отделявших дорогу от берега моря.

Тарас проследил за его взглядом и увидел Леонида. Царь Спарты, облаченный в изрядно потрепанные доспехи, приближался к лагерю в сопровождении десятка телохранителей из своей гвардии, среди которых Тарас заметил Креонта, Алкмена и Офриада. Поравнявшись с повозками, Леонид увидел стоявших неподалеку отца и сына.

– Ты выздоровел, Гисандр? – спросил царь, остановившись и разглядывая стоявшего перед ним воина. Геронту он привычно кивнул, как старому знакомому. – Хвала Аполлону, который спас тебя!

– Я уже могу держать оружие, мой царь, – похвалился Тарас, которого еще качало от слабости. На самом деле он даже не пытался еще взяться за копье или одеться в доспехи, и стоял перед царем в одной застиранной тунике. Но какой же ты спартанец, если признаешь себя слабым.

– Тогда следуй за мной, – приказал Леонид, которого внешний вид Тараса ничуть не смутил, – я хочу поговорить с тобой о будущем. А с твоим отцом мы обсудим наши дела позже.

Поликарх молча поклонился, поняв царя с полуслова. А Тарас пристроился в хвост колонны и сопровождал Леонида до его палатки. Стараясь не отставать от остальных телохранителей, Тарас шел, собрав все силы в кулак и едва не падая в обморок от слабости. Но спартанская закалка вскоре взяла свое. Организм, долгое время находившийся в бреду, едва ощутив нагрузку, стал вспоминать все, что «забыл». Рефлексы проснулись. Не прошло и десяти минут, как ноги Тараса, исходившие сто дорог в стертых кожаных сандалиях, уже пружинили не хуже здоровых, а руки давали отмашку. Оказавшись вновь среди своих, Тарас выздоравливал на глазах. А когда спустя двадцать минут они дошли до палатки царя, вокруг которой имелось обширное пустое пространство, заполненное сейчас бойцами из уцелевших «всадников», Тарас, глядя на их блестящее оружие, ощутил в себе желание быстрее взяться за копье, чтобы пронзить кого-нибудь из персов.

Видя Гисандра, многие приветствовали его, как боевого товарища, который вызывал у них уважение и без доспехов. Но царь не дал Тарасу поговорить с «однопольчанами», приказав всем удалиться от палатки. А сам, передав оружие илоту, присел рядом, под растянутым тентом из ткани, спасавшим от полуденного зноя, и сделал знак сесть своему гостю рядом.

Тарас повиновался, опускаясь на небольшую скамью. Леонид уже сидел напротив. Пока царь, сняв шлем с красным гребнем, размышлял о чем-то, Тарас, не решаясь нарушить молчание первым, бросил взгляд на небольшое костровище. Оно находилось буквально в

двух шагах от палатки. Здесь готовили еду для царя Спарты и нескольких гомеев³⁵, составлявших компанию Леониду на этих ежедневных сессиях. Затем Тарас скользнул по кромке скал, пытаясь рассмотреть, что же осталось от Фермопил после взрыва. Ведь сюда, в лагерь, его принесли без сознания.

– Ты уже знаешь обо всем, что случилось с тех пор? – нарушил молчание Леонид.

– Не все, – признался Тарас, оборачиваясь к царю, – лишь то, что персы остались с той стороны и не прошли сквозь Фермопильский проход. А также то, что на море у Ксеркса тоже нет успехов, благодаря Эвривиаду. Я ничего не слышал о второй тропе, по которой ходил в тыл к персам, что там случилось?

– Вторая тропа тоже завалена, – сообщил Леонид. – Архелон и Эгор прибыли туда как раз вовремя, чтобы обрушить скалы твоими горшками с божественным громом. Ведь туда же вскоре подошли отряды мидийцев Тиграна.

– Значит, персы отрезаны? – спросил Тарас, впрочем, уже примерно зная ответ.

– Пока да. Но война еще не закончена, – подтвердил царь слова геронта.

Он скрестил руки на груди.

– Твое оружие показало мне, что гнев богов может лететь не только на остриях копий спартанцев, – нехотя признал Леонид, – он может поразить персов даже издалека. С самых круч, недоступных врагу. Вот почему ты здесь.

Царь опять замолчал, не торопясь переходить к главному. А Тарас, довольный собой, едва сдержал улыбку. Царь признал, что его оружие стало оружием победы для спартанцев, отодвинув назад даже заслуги «всадников», героически державших проход много дней. А наиболее неприятным для самих гоппитов было то, что «оружие победы» сработало благодаря периекам и даже презренным илотам.

– Непрístupные скалы тянутся от Фермопил до Этолии и дальше к берегам Коринфского залива, – начал Леонид издалека, словно объяснял Тарасу урок географии. – На этом побережье больше нет мест, где персы могли бы атаковать нас, просочившись по тропам. Не считая, самого моря, конечно. Но море – забота афинян. И по нему быстро не перебросить всех солдат, скопившихся по ту сторону скал, несмотря на то, что флот персов все еще силен. Главная горная гряда оканчивается, распадаясь на отроги, в западной Этолии. Но ближе к нам, на окраине Дориды и Локриды-Озольской, есть несколько других проходов, ведущих в южную Грецию. И, что самое важное, один из них ведет напрямик в Дельфы.

Царь встал, сделав несколько шагов под тентом, едва не касаясь его головой.

– На днях я получил известия от лазутчиков. Персидские разведчики уже рыщут по всей Дориде в поисках проходимых троп и скоро обнаружат их. А это значит, что Мардоний со своей армией будет там самое позднее через пару недель.

Тарас промолчал, чтобы не выглядеть дураком. Кто такой Ксеркс он знал давно. Про Тиграна, предводителя атаковавших Фермопилы мидян, слышал. О погибшем Гидарне узнал сегодня. Но то, кто такой этот Мардоний, еще не представлял. Не мог же он знать всех знатных персов по именам. Не его это дело. В конце концов, он простой солдат. Но Леонид быстро просветил своего гостя.

– Мне известно, что Ксеркс, узнав о поражении при Фермопилах, отправил своего главнокомандующего с армией в Дельфы, чтобы разграбить их, – проговорил царь, приходя в ярость. – Ксеркс решил сделать это, чтобы лишить греков общего святилища и тем ослабить нас.

Расхаживая кругами под тентом, Леонид сжимал кулаки. Наконец, он взял себя в руки и сел на скамью, вперив тяжелый взгляд в Тараса.

– Проклятый пес. Мне доносят, что царь персов знает наперечет все сокровища, что хранятся в этом святилище. Особенно его восхищают дары Креза нашим богам. Но я не позволю свершиться этому святотатству. И твое оружие вновь послужит нам.

³⁵ Гомеев – значит, равных. В число гомеев, обедавших с царем, входили полемархи.

«Ну, наконец-то, – подумал Тарас, – переходим к главному».

– Завтра на рассвете все войско выступает в сторону Дельф, – сообщил царь Спарты, – а здесь мы оставим лишь небольшой отряд союзников, дожидаться афинян. Через несколько дней быстрого марша мы доберемся до святилища и будем там раньше персов, чтобы успеть подготовиться к сражению. Ведь проход, что ведет к Дельфам, гораздо шире. Биться придется уже не в таком тесном ущелье, хотя и не на равнине. Поэтому я рассчитываю теперь и на твои... – царь замолчал, подбирая слова, – на твоё оружие, изрыгающее огонь. Мы вновь применим его против персов.

«Кажется, опыт удался», – просиял Тарас.

– Но, мой царь, – осмелился возразить он, – ведь я – один из твоих телохранителей и мой долг находиться в бою возле тебя. Но тогда я не смогу управлять своими метательными машинами, как я называю это оружие. И заменить меня никто не сможет. Как мне быть?

– Я думал об этом, – кивнул Леонид, поглаживая черную бороду, – в предстоящей битве у нас будет много достойных воинов, способных держать копье. Спарта прислала войско. Но ни одного, кроме тебя, способного посылать огонь и молнии, подобно Зевсу, на головы персов.

Царь вновь встал. Тарас невольно последовал его примеру.

– Ты не будешь сражаться в фаланге. Я отдаю тебе всех периеков, которых ты только сможешь здесь найти, – сказал Леонид, усмехнувшись и положив руку на плечо Тараса, – ведь ты сам когда-то говорил мне, что из них можно сделать неплохих бойцов. Вот ты и сделаешь из них войско, которое будет охранять твои... машины. И будешь в предстоящем бою командовать им.

– Но, – опешил от подобной перспективы Тарас, – ведь спартанцы никогда еще не сражались так. Разве эфоры одобряют это решение?

– Не бойся эфоров, Гисандр, – успокоил его Леонид, – и верь мне. Я уже сообщил им, что ты герой, прославивший Спарту. А когда твои огненные горшки помогут прогнать персов от Дельфийского оракула, это вообще будет считаться святым делом. Ты многого не знаешь, но поверь, – эфоры, как и я, хотят только одного – спасти Дельфийский оракул от поругания. Нет сейчас для спартанцев более важной задачи. Так что можешь отправляться собирать свою армию. Она выступит вместе с обозом вслед за войском, которое поведу я сам.

Больше вопросов Тарас, неожиданно вознесенный царем в ранг едва ли не полемарха нового рода войск, не задавал.

Глава вторая

Царица полей

Весь остаток дня Тарас, облачившись в доспехи и мгновенно позабыв о ранении, занимался организацией своего нового войска, перемещаясь из конца в конец лагеря в сопровождении своих «спецназовцев». Темпей, удивленный столь быстрым выздоровлением своего хозяина, все же ходил за ним по пятам, пытаясь заставить его выпить очередной отвар.

– Отстань от меня, – оттолкнул его Тарас, после десятой попытки, – я здоров. Иди лучше займись своими горшками. Теперь с нас спрос будет вдвое выше. Сам царь Леонид одобрил твои опыты с жидким огнем. Так что, можешь больше не бояться проклятия со стороны властей.

А когда обрадованный Темпей направился в сторону обоза, чтобы пересчитать свой арсенал перед походом, добавил, глядя ему в след:

– Во всяком случае, до возвращения в Спарту.

Вновь прибывших периеков оказалось ни много ни мало почти восемьсот человек. Это было настоящее войско, по численности превосходившее даже мору, которой командовал каждый полемарх. Узнав о количестве отданных под его команду бойцов, Тарас немного

опешил.

Первым делом новоявленный полемарх приказал периекам разбиться на сотни вместо лохов, назначив в каждую командира. Почти треть солдат была лучниками. Одну сотню для ровного счета он тем же вечером перевел в «артиллерию», приказав изучать баллисту под командой инструкторов из «бывалых» периеков. Остальных оставил в запасе, решив со временем попытаться выковать из них новое подразделение, знакомое с манипулярным строем, за которым, по его мнению, было будущее. Если, конечно, отцы-командиры из полемархов или их покровители в Спарте не помешают его реформам. Впрочем, пока покровителем Гисандра был сам царь, никто не осмелится ему помешать, какими бы странными не казались окружающим его действия. В случае победы, его шансы только увеличатся, а поражение для спартанцев означало одно – смерть. Так что, не о чем больше было и беспокоиться.

Однако действия Гисандра, как он догадывался, одобряли далеко не все спартиаты. И первым из тех, кто осудил его, был Деметрий, прибывший к Фермопилам в составе спартанского войска. Проходя мимо сгрудившихся вокруг баллисты периеков, он даже остановился, а потом с презрением произнес громким голосом, чтобы его услышали многие:

– Если дать волю Гисандру, он скоро освободит всех илотов, а нас заставит таскать его телеги. Дружить с рабами, вот занятие, которое он считает достойным истинного спартиата. Не так ли, Гисандр?

Несколько прихлебателей за его спиной громко рассмеялись. Инструкторы из периеков прервали свое обучение новичков, поглядывая на стоявшего неподалеку Тараса. Тот нахмурился. Ситуация требовала немедленного ответа. Слишком уж явным было оскорбление. И Тарас не сдержался, припомнив старое.

– Храбрый Деметрий хочет сказать, что гораздо более достойное занятие для спартиата это убивать безоружных илотов на территории храма Посейдона, как он это некогда проделал. Не так ли, Деметрий?

Смех за спиной Деметрия мгновенно смолк. Убивать илотов не считалось чем-то зазорным, это делали все спартанцы. Но от убийства на территории храма пахло святотатством. Обидчик илотов мгновенно побагровел от гнева. Схватившись за рукоять меча, он шагнул вперед. В воздухе запахло грозой.

– Это ложь, – нагло заявил Деметрий во всеуслышание, – я никогда не убивал на территории храма. Пусть Гисандр заберет свои слова обратно.

– Не раньше, чем ты заберешь свои, подлый лжец, – заявил Тарас, разворачиваясь в сторону Деметрия и также приготовившись выхватить меч из ножен.

Но их новой ссоре не суждено было разгореться. Внезапно появившийся из-за спин спартиатов Леонт быстро прекратил ее.

– Завтра утром мы выступаем в поход, – напомнил он, не вникая в суть спора, – вы все должны готовиться к битве, а не заводить ссор. Ваши жизни нужны Спарте, и только ради нее вы сможете погибнуть. Приказываю вам прекратить спор. Продолжить его вы сможете, лишь возвратившись после войны в Лакедемон.

Деметрий, буркнув что-то неразборчивое, вернул наполовину вытасченный клинок в ножны и удалился со своими спутниками. Гисандр проводил его насмешливым взглядом, но усмешка исчезла, едва он встретился глазами с Леонтом. Полемарх, судя по всему, тоже не одобрял новшеств, затеянных Тарасом под защитой царя, но не мог так открыто выражать недовольство. В его положении Леонту требовалось вести себя не столько как воину, сколько как политику. А потому он, смерив Тараса и баллисту подозрительным взглядом, молча удалился.

– Продолжать обучение, – приказал Тарас периекам, все еще стоявшим в нерешительности возле баллисты.

До вечера Тарас, увлеченный новой для себя возможностью открыто формировать армию другого типа, создал и укомплектовал всем необходимым еще и подразделение гастрфетчиков. Этот отряд насчитывал без малого сорок человек, включая «бывалых

снайперов» – Никомеда, Гиппоклида и Мегаклида, к которым по желанию новоиспеченного полемарха в любой момент могли добавиться еще несколько илотов. Однако с последним новшеством Тарас решил повременить. Спартиаты и так с недоверием относились к опытам Гисандра, не считая периеков за людей, а уж если в строй открыто встанут илоты, то эксперимент с новыми видами вооружения мог закончиться очень быстро и еще до возвращения в Спарту.

«Ладно, – решил Тарас, прохаживаясь вдоль строя новобранцев-гастрафетчиков, которые готовились к первым показательным стрельбам у импровизированного стрельбища, протянувшегося вдоль прибрежных скал, – хватит с меня в регулярной армии и периеков, а илоты останутся моими личными охранниками».

Выстроив по бокам от небольшой площадки два отряда лучников, Тарас решил продемонстрировать им, на что способно новое оружие. Периеки, никогда прежде не видевшие ничего, кроме лука, заинтересованно взирали на приготовления Никомеда и его товарищей, уверенно обращавшихся со странным оружием. «Спецназовцы» первым делом установили у самых скал несколько мишеней – деревянных истуканов, на которых были надеты трофейные доспехи персов, – и лениво, полным достоинства шагом, отошли метров на триста. Периеки с интересом и недоверием поглядывали на них, слишком уж велико было расстояние для обычного лука, чтобы просто попасть, а о том, чтобы пробить доспех, и речи не было.

Однако Никомед и пятеро его спутников, добравшись до «огневой позиции», залегли за камнями, и стали выцеливать «вероятного противника». Лучники недоверчиво усмехались – никто из них никогда не пускал в ход свое оружие из положения лежа. Однако стоило Никомеду спустить тетиву, как короткий болт с шелестом выпорхнул из ложа и, запросто преодолев непривычно большое расстояние, воткнулся в крайнего истукана, пронзив медный нагрудник.

Вслед за ним отстрелялись и остальные «спецназовцы». Одна за другой, стрелы гастрафетчиков точно поразили все мишени, пробивая развешанные на них доспехи персов. Для большего эффекта Тарас приказал облачить истуканов во все виды доспехов, которые только смог найти. Здесь были качественные нагрудники из медных пластин, просто кожаные и даже льняные панцири. А в довершение всего на последнем истукане закрепили плетеный и небольшой медный персидский щит, которым пользовались лишь «элитные подразделения» персов. Все они были пробиты с небывалой легкостью. Когда последняя стрела с чавканьем вонзилась в деревянный столб, по рядам лучников пронесся вздох восхищения, по-прежнему смешанный с недоверием. Слишком уж мощными и дальнобойными были эти «громоздкие луки».

– А теперь подойдите и посмотрите, что может сделать с вражеским доспехом стрела, пущенная из гастрафета, – приказал Тарас, видя, что периекам не терпелось потрогать своими руками доспехи и удостовериться, что все происходящее не ловкий обман.

Бойцы с луками за спиной, получив разрешение, немедленно сгрудились вокруг истуканов, разглядывая нанесенные им повреждения. Тарас тоже приблизился, чтобы послушать, о чем они говорят.

– Смотри, – говорил один из периеков, бородач с рассеченным от виска до скулы лицом, приподняв пальцами медную пластину, из которой торчал арбалетный болт, – вот это сила. Я еще не видел такого.

– Да, – нехотя соглашался второй воин, придерживая рукой колчан, – наши луки тоже хороши, но на такое не способны.

Бородач с рассеченным лицом приподнял и проверил все соседние пластины. По всему было видно, что он готов был даже попробовать их на зубок, чтобы удостовериться. Но доспех был самый настоящий, поблескивавший под лучами солнца своими медными боками. И, в конце концов, опытный периекский лучник нехотя согласился, что гастрафет – штука хорошая.

– Пойдем, глянем, что с другими доспехами, – предложил он, не теряя надежды, – хотя

если эта стрела пробила медный панцирь, то с другими она справится точно.

Осмотр остальных истуканов вообще привел периеков в восторг. Кожаные нагрудники болты пробивали запросто, а льняные панцири вообще прошивали, как лист папируса, не оставляя даже слишком больших разрушений. Одна небольшая дырочка со рваными краями и все. Однако носителю такого панциря это было без разницы. После встречи с гастралетчиком он мог считать себя трупом. Когда же периеки рассмотрели щиты, их удивление превратилось в стойкое восхищение. Плетеный щит был прошит насквозь, а вот в медном, укрепленном изнутри деревом, стрела застряла, пробив, однако, медную оболочку. Лучники еще долго переходили от одного истукана к другому, обсуждая увиденное, а Тарас не торопился давать команду «Разойтись». Показательные выступления дали свой эффект.

«Похоже, желающих служить в новом отряде скоро прибавится, – усмехнулся Тарас, глядя на это, – надо будет заказать новую партию. То ли еще будет, когда они рассмотрят, как работают баллисты».

Впрочем, по его разумению, и простых лучников нельзя было списывать со счетов. Гастралет хорошо бьет из засады, издали. Это – «дальнобойная артиллерия» по местным меркам. Но зато ее вдвое дольше приводить в боевую готовность. Так что лучник успевает выпустить несколько стрел, пока гастралетчик натягивает тугую тетиву своего убийственного оружия. «Но в том-то и штука, – размышлял Тарас, в свою очередь рассматривая доспехи на изувеченных истуканах, – если использовать оба вида оружия, они прекрасно дополняют друг друга. И тогда такой отряд может запросто остановить атаку конницы, например. Или положить половину пехотинцев, пока они приблизятся к нашей фаланге. Лишь бы эфоры не вмешались».

Для усиления эффекта Тарас приказал Никомеду и компании произвести еще несколько залпов по мишеням. А потом разрешил нескольким периекам попробовать самим сделать это. Большинство, не имея привычки к тяжелому оружию, промахнулось. Пущенные ими болты отскочили от скал, разлетевшись в щепки. Но один боец попал, вызывая возгласы одобрения у своих сослуживцев. Его стрела прошила кожаный нагрудник истукана. Такого выражения счастья на лице у меткого периека Тарас давно не видел.

«Неплохое у меня подбирается войско, – весело размышлял новоявленный полемарх, – что бы там не говорили спартанцы. Однако на сегодня хватит».

Солнце уже клонилось к вечеру, и Тарас приказал вскоре закончить все занятия. Надо было подготовиться к утреннему выступлению. В лагере между тем не происходило ничего необычного. Война для спартанцев была знакомым делом. И все действия, связанные с походом, отработаны до мелочей. На рассвете они поднимутся, поедят и двинутся в путь. А за ними, уложив все палатки на телеги, направится обоз. И – что больше всего теперь волновало Тараса – его подразделение, которое своим видом не сильно отличается от обоза.

– Пятьсот человек, копейщики, пойдут впереди, – инструктировал своих командиров Тарас перед заходом солнца, – между армейским обозом и нашими телегами. Остальные за ними, включая отряд с гастралетами.

Убедившись, что его поняли верно, Тарас отпустил командиров по своим подразделениям и подозвал Темпея.

– Ты все проверил? – уточнил он, хотя и был уверен в том, что алхимик не оставит в обозе неучтенным ни одного горшка с горючей смесью.

– Да, господин Гисандр, – по пятнадцать горшков на баллисту.

– Не густо, – слегка нахмурился Тарас.

– Я старался сделать запас всего на шесть баллист, – попытался оправдаться Темпей, – как мы и рассчитывали изначально. Но вы с господином Поликархом в последние месяцы неожиданно изготовили еще шесть орудий. Так что я просто не успел. Вот и придется теперь распределить все имеющиеся горшки между двенадцатью баллистами.

– Ладно, – нехотя согласился Тарас, сожалея, что не успел запастись достаточным для ведения долгого сражения арсеналом, – в нашем деле главное неожиданность.

На следующее утро море красных плащей заполнило узкую долину. Построившись по морам, спартанцы двинулись по дороге вниз, блестя на солнце доспехами. Им предстояло немного отойти назад с тем, чтобы затем повернуть на более широкую дорогу, что вела в Фокиду. Скириты и Леонид выступали во главе этой армии. Тарас с «артиллерией» должен был уходить от Фермопил вслед за обозом.

Тем же утром он попрощался с отцом. Геронт, выполнив «поручение герусии» – доставить царю некое секретное послание, – а на самом деле осуществив давно задуманный с Тарасом план, возвращался в Спарту на одной из телег.

– Спасибо, отец, – сказал ему на прощание Тарас, – мы выполнили все, что хотели. Даже больше. Армия идет в Дельфы. А ты теперь можешь спокойно возвратиться в Лакедемон и сообщить моей жене, что я остаюсь дальше бить персов. И вернусь лишь тогда, когда все они будут мертвы или изгнаны из Греции.

– Елене понравится твое послание, – кивнул геронт, усаживаясь на телегу, – воюй смело, Гисандр. Я все передам и позабочусь о твоей семье.

Тарас бросил последний взгляд на морщинистое лицо старика, загорелое от постоянной жизни под южным солнцем, и, кивнув, направился к своей армии. Объятий на сей раз не было. Эти слюни все же не для спартанцев.

– Выступаем! – приказал Тарас, едва последние телеги с палатками и едой, покинули лагерь, устремившись в обратную сторону от Фермопил. Вскоре они исчезли за поворотом дороги, а их место заняли копейщики из авангарда отряда периеков.

Прежде чем самому сесть в переднюю повозку с баллистой – Тарас посчитал, что может позволить себе такую роскошь разок-другой, пока рана на плече не перестала саднить окончательно, – он бросил взгляд назад. Фермопильское ущелье, протянувшееся вдоль моря, было наглухо запечатано двумя направленными взрывами, отрезавшими не только персов от самого удобного пути на юг, но и все окрестные селения от Трахина, нарушив годами сложившиеся связи.

– Удалось, – подумал он вслух и добавил, глядя на сидевшего рядом Темпея: – Захиреет скоро дорожка в Альпены, брат. Ну, да ничего, найдутся новые тропы. Главное, персов остановить.

– Это точно, господин Гисандр, – ответил врачеватель.

Миновав Альпены, почти покинутые местными жителями еще при первом появлении персов, груженные баллистами и горшками телеги долгое время петляли по безжизненным местам между прибрежных скал. Это длилось до тех пор, пока к вечеру вновь не стали появляться очаги жизни в виде хибар пастухов и небольших деревенок, раскинувшихся у поворотов дороги. Их количество все нарастало, предвещая появление настоящего города. И вскоре, когда дорога пошла вниз, он действительно появился из-за отрога скалы.

– Как называется этот город? – поинтересовался Тарас у пастуха, гнавшего туда вдоль дороги свое стадо из нескольких десятков коз. Недалеко от телеги Гисандра шагал проводник из местных, но он решил сам допросить крестьянина.

– Это Фроний, – ответил пастух.

Тарас не стал больше его ни о чем спрашивать, поскольку было незачем. Дорога здесь до города была всего одна. И в самом ее конце, почти у ворот Фрония он разглядел красные плащи спартанцев, которые остановились на небольшой привал. Несмотря на поздний час, лагеря никто не разбивал. Леонид еще у Фермопил объявил ему, что войско будет двигаться очень быстро, даже ночью. Но его задачей было прибыть вместе с орудиями к Дельфам, опоздав не более чем на два дня. Впереди, по слухам, было несколько рек и других преград, так что стоило поспешить.

Рассмотрев с высоты лежавший у самого моря городок, Тарас приказал своим бойцам двигаться дальше. Он решил, что в отличие от основного корпуса спартанцев им придется все же заночевать. Но, не у городских стен, а прямо в пути, там, где их застигнет ночь.

Чуть позже, проезжая мимо городских стен Фрония, он смог внимательнее рассмотреть море и далекие берега какого-то острова, который вполне мог оказаться Эвбеей. Здесь у

городских пирсов он заметил внушительную флотилию греческих триер, оборонявших пролив. «Вторая линия обороны, – подумал он, разглядывая корабли, – стерегут персидский флот на случай прорыва».

О том, что персы могут все же прорвать пусть и сильную, но не очень глубокую оборону греков на море, высадив десант в тылу армии Леонида, например в этом самом городе, Тарас старался не думать. Но раз уж Леонид так верил в афинский флот, находившийся под мудрым командованием спартанца Эвривиада, что решил не оставлять здесь гарнизона, то уж ему-то вообще не стоило беспокоиться.

У города проходившую мимо армию приветствовало множество мирных жителей. Все они уже знали о случившемся у Фермопил и, похоже, чувствовали себя в полной безопасности, предпочитая предаваться своим обычным занятиям: пасти стада или собирать урожай оливок на своих наделах. Глядя на эту идиллию, Тарас не переставал удивляться, каким обыденным делом для греков была война. Персы стоят всего в каком-то дне пути, родной порт забит до отказа военными кораблями, мимо стен города курсирует спартанская армия, а им хоть бы что. Знай, машут себе мотыгами, вскапывая землю, да поглядывают с оливковых деревьев на проходящих мимо гоплитов в красных плащах.

«Война войной, – подумал, глядя на это, Тарас, оставляя позади окрестности Фрония, – а есть хочется всегда. Так что, может, они и правы».

Почти сразу за этим живописным городком, дорога раздваивалась. Теперь одна дорога вела в южную Грецию и Пелопоннес. А другая отвернула от побережья, устремившись на запад, и вскоре затерялась в холмах. Когда опустились сумерки, Тарас решил заночевать среди этих холмов, выставив тройное охранение вокруг баллист и дав добро на отбой. Бросив плащ прямо на теплую землю, еще не успевшую остыть после захода солнца, он быстро заснул.

На второй день, едва солнце позолотило верхушки оставшихся позади и уже не казавшихся такими высокими гор, Тарас почувствовал себя отдохнувшим. Немного подумав, он принял решение идти пешком вместе с остальными солдатами. «А то так и авторитет потерять недолго, – рассудил он, разглядывая спины своих лучников, – спартанец, а в повозке едет. Что я, геронт какой-нибудь или персидский вельможа? Нет уж, назвался спартанцем, придется соответствовать. У нас даже цари пешком ходят».

Почти вскоре после подъема слегка отставший от основной армии отряд преодолел границу Фокиды, области, в которой располагалось главное греческое святилище. Вокруг все было тихо, словно война уже закончилась, а опасность угодить в рабство к персам миновала. Колосились возделанные поля, пели птицы в ветвях деревьев, то с одной, то с другой стороны подбиравшегося к проторенной дороге у леса. Однако Тарас старался отогнать от себя эти расслабляющие мысли, то и дело покрикивая на Темпея или периеков, неумело управлявших телегами, каждую из которых тащило по два быка.

Весь этот день «артиллеристы» передвигались среди поросших лесом холмов под мерный скрип колес. Видимо, совсем недавно здесь прошел столь редкий для этих мест дождь. Несколько раз телеги застревали в огромных ямах, наполненных водой. А однажды у замыкавшей колонну телеги подломилась ось, и все ее содержимое с грохотом вывалилось в грязь.

– У тебя что, глаза на затылке? – набросился Тарас на возницу. – Не видишь какой здесь уклон? А ну быстро все собрать и починить, а то уши отрежу! Нас ждут в Дельфах!

У сломанной телеги немедленно образовалась целая ремонтная бригада. К счастью, у Тараса в обозе имелась пара плотников, а потому поломку быстро ликвидировали и двинулись дальше.

– Хвала богам, ничего не сломали, – проговорил Тарас, когда все содержимое телеги вернулось обратно, – все части баллисты в порядке, только испачкались немного.

– Хорошо, что это были не мои горшки, – кивнул Темпей.

Он хотел еще что-то сказать, но умолк на полуслове. Из-за очередного холма показался приличных размеров город, раскинувшийся на плодородной равнине. Белые стены домов

были хорошо заметны на фоне зеленевших вокруг лесов и переливавшихся золотом полей.

– Смотрите, хозяин, – вскинул руку врачеватель, никогда прежде, впрочем, как и Тарас, не бывавший в этих местах, – это, случайно не Дельфы?

Глава третья Пущенная стрела

Тарас присмотрелся, но, прикинув пройденный путь, решил, что для Дельф еще рановато. Он подозвал проводника и, указав на город, повторил вопрос врачевателя.

– Этот город называется Элатея, – сообщил грек, облаченный в серую тунику.

– Крупный? – уточнил Тарас, желавший пополнить запасы воды и еды для своих солдат.

– В этой части Фокиды Элатея самый крупный город, – просветил его проводник. – Дальше наш путь будет пролегать через внутренние области, где попадаются одни деревни. И так почти до самых Дельф.

– Сколько дней нам еще добираться?

Грек окинул взглядом растянувшийся обоз. Затем посмотрел вперед, но не увидел там ни армейского обоза, ни самой спартанской армии, которая, вероятно, двигалась ночью и ушла уже далеко.

– Если идти как сейчас, то дня четыре, – предупредил он, – а может быть, и все пять. Впереди будет еще переправа через реку, что впадает в озеро Орхомен. Можем задержаться.

– Тогда не будем терять время, – напрягся Тарас, узнав, что может сильно отстать от своей армии и тем самым заслужить упрек со стороны поверившего в него царя, а кроме того, дать повод недругам лишний раз посудачить о новых привычках в армии. Существовала еще вероятность вообще опоздать к сражению. Персы ведь не дураки, тоже понимают, что двигаться надо быстро. И если найдут свободный проход в горах, тут же устремятся по нему в Дельфы. Этот Мардоний старый вояка, как выяснилось из разговора с царем, служил еще прежнему царю Дарию. Так что расслабляться было рановато.

– Возьми людей и съезди в город за водой и припасами на двух телегах, что везут палатки, – приказал Тарас периеку по имени Пентарей, одному из своих заместителей, – скажи, что спартанцы требуют. Но возьми немного, лишь необходимое. А затем догоняй обоз, мы будем двигаться безостановочно до самой ночи.

– Я догоню вас очень скоро, – ответил Пентарей, крепкосбитый воин, родом из Заракса, – будьте уверены.

– Ускорить движение! – крикнул Тарас остальным, когда две полупустые телеги, перегрузив свое содержимое на остальные, устремились по боковой дороге в сторону Элатеи. – Царь уже приближается к Дельфам, и мы должны доказать ему, на что способны периеки.

После этих слов обоз действительно пошел быстрее. Тарасу показалось, что он смог воодушевить своих солдат, а не просто отдать приказ. Конечно, один спартанец стоил в бою пятерых, а то и десятерых периеков, не проходивших школу выживания Агогэ. Но и эти бойцы кое на что могли сгодиться, как он уже доказал своим рейдом по тылам персидской армии. Во всяком случае, быть артиллеристами. Ведь спартанцев на такое дело никакими калачами не заманишь. Не та психология.

Оставив в стороне богатый, по здешним меркам, город, обнесенный невысокой крепостной стеной, обоз с баллистами вновь растворился среди холмов, которых здесь было великое множество. Это были предгорья, переходившие в равнину, сильно распаханную вокруг города. Вышагивая впереди своих повозок, Тарас разглядел множество работников, что трудились на полях. А несколько раз к отряду приближались местные вельможи на конях, чтобы выразить Тарасу восхищение успехами спартанцев у Фермопил и пожелать царю Леониду победы в предстоящем сражении с персами.

«И откуда они знают, зачем мы идем в Дельфы, – хмурился Тарас, сдержанно отвечая

на приветствия. — Впрочем, слухами земля полнится. Догадаться не трудно. Да и проходившая перед нами армия не оставляет никаких сомнений местным жителям. Если здесь появились спартанцы, значит, персы недалеко».

То поднимаясь на холм, то ныряя в глубокий овраг, его обоз вскоре сильно растянулся, и скорость продвижения упала. Пройдя вдоль всех повозок и раздавая тумаки и затрещины, а кого просто обещая отправить на встречу с богами, Тарас смог вновь заставить обоз двигаться быстрее.

— Если вашим быкам не хватает прыти, — заявил он вознице, который пожаловался на медлительных животных, — то я вас самих запрягу в повозку и заставлю тянуть оглобли! Пошевеливайтесь, если не хотите остаться на этой дороге навсегда.

Пехотинцы-копейщики, двигавшиеся впереди «артиллеристов», были вынуждены то и дело останавливаться, поджидая их. А лучники и гастралетчики из арьергарда, упоравшиеся в крайние повозки, на взгляд привыкшего к изнурительным марш-броскам Тараса, вообще расслаблялись.

Не успел отряд Гисандра отдалиться от Элатеи стадий на тридцать, как его уже нагнали повозки Пентарея, груженные доверху бурдюками с водой и провизией.

— Я не хотел брать столько, — оправдывался периек, указывая на повозки, забитые доверху вяленным мясом, хлебом и овощами, — и сказал им, что в Спарте принято есть мало, даже на войне, но местные чиновники отказались забрать все назад. Они сказали мне, что для армии, которая идет защищать греков от рабства, жителям Элатеи ничего не жалко. То же самое они сказали и царю Леониду, что проходил здесь еще вчера.

— Похвально, — усмехнулся Тарас, рассматривая содержимое телег, — просто пир для спартанских желудков. Теперь у нас запасов даже больше, чем нужно.

А про себя подумал, что старейшинами Элатеи двигало не только чувство общего единения. Кроме него, они стремились также показать спартанцам, регулярно приносившим богатые дары в Дельфы, что ценят их дружбу и надеются на их защиту больше, чем на помощь афинян. «Впрочем, — невольно усмехнулся Тарас, отходя от телег с провизией, — то же самое они могут сказать и афинянам. Все зависит от ситуации».

Весь день отряд Тараса «бороздил» распаханное холмы, наслаждаясь окрестными видами и лишь изредка встречая путников. Это буйство красок, живописных полей, тенистых лесов и попадавшихся у дороги прохладных источников навевало Тарасу мысли о том, что словечко «идиллия» не зря родилось в этих местах. Находясь здесь, совсем не хотелось воевать. Скорее наоборот, тянуло залечь где-нибудь у источника с кувшином вина и корзиной фруктов, а еще лучше с одной из рабынь, и провести так весь день. Похоже, такое настроение одолевало не только Гисандра, но и многих его солдат, и даже Темпея, который разлегся на телеге и мирно дремал под скрип колес. А однажды, пробудившись, потрянул с себя полуденный сон и сказал:

— Красивые здесь места, господин Гисандр. Вот бы остаться здесь и пожить немного в свое удовольствие.

Но, поймав на себе свирепый взгляд спартанца, осекся и больше за всю дорогу ни разу не выказал желания улизнуть с театра военных действий, до которого еще нужно было идти. И Тарас, сам чувствуя общее расслабление, торопил свой обоз изо все сил. Однажды даже отвесив хорошую затрещину вознице из илотов, задремавшему на ходу. Удар был такой силы, что илот слетел с телеги и рухнул в пыль, едва не угодив под ноги своим быкам.

Несмотря на жару, двигались они почти без остановок. Лишь к вечеру, когда солнце стало опускаться за высокие холмы, светя в спину копейщикам, Тарас стал подумывать о том, чтобы дать отдых своему изможденному отряду, который, благодаря его окрикам все же преодолел значительное расстояние. Хотя и не догнал армию спартанцев, но приблизился к ней.

Тарас уже присматривал место для ночлега, когда, спускаясь с очередного холма, вдруг заметил блеснувшую впереди извилистую ленту реки. Рядом с ней находилась небольшая низменность, вполне способная приютить весь его отряд. Дорога упиралась в реку и

расходилась на два рукава. Моста не было.

– Вставайте на ночлег, – приказал Тарас Пентарею, разглядывая довольно бурное течение реки, – и пришли ко мне проводника.

Вскоре уставший грек, которому тоже приходилось идти пешком вместе со всеми, появился рядом.

– Это та река, о которой ты говорил? – уточнил Тарас, махнув рукой в сторону бурлившей воды.

Места здесь были все же гористые, и река казалась довольно бурной.

– Да, господин Гисандр, – кивнул грек, отдышавшись, – это та самая река, что впадает в озеро Орхомен ниже по течению.

– Далеко до этого озера? – спросил Тарас.

– Несколько дней. Орхомен большое озеро и его воды плещутся уже в Беотии, – пояснил проводник.

– Нам туда не нужно, – кивнул Тарас, – а где переправа через реку?

– Чуть выше, – указал рукой проводник направо, – еще стадий десять.

Тарас вновь жестом подозвал Пентарея и, указав на проводника, приказал:

– Возьми проводника, людей и осмотри брод. Завтра на рассвете будем переправлять телеги с баллистами. Потеряем хоть одну, не доживешь до полудня.

Пентарей кивнул и удалился вверх по течению. А Тарас, не дожидаясь общего ужина, перекусил едой из даров элатьейских жителей. А, отдохнув немного, перед тем как лечь спать в палатке, решил в одиночестве прогуляться вдоль берега.

«Разомнусь, – подумал Тарас, направляясь к близкой реке, – заодно и дозоры проверю».

Никого из своих «спецназовцев» он решил не брать, место было тихое, мирное. Копье и щит остались возле палатки, некоторое время он даже раздумывал, не снять ли доспехи, в которых он по обычаю военного времени передвигался весь день, чтобы быть готовым к внезапному нападению врагов. Решил не снимать, чтобы своим видом не расслаблять периеков. Но когда, обойдя посты, добрался-таки до бурлившей реки, и на него пахло манящей прохладой, не выдержал.

– Искушаюсь, – решил Тарас, стягивая с себя нагрудник без помощи оруженосца, – надо немного взбодриться. Денек был жаркий. Все равно никто не видит.

От места общей стоянки он удалился метров на пятьсот вниз по течению, облюбовав себе для короткого отдыха небольшую ложбинку на берегу среди валунов, где и стал раздеваться, предвкушая удовольствие. Дорога проходила в стороне и была сейчас абсолютно пустынной. Вообще Фокида показалась Тарасу не слишком населенной страной, хотя большинство паломников могло добираться в Дельфы и другой дорогой, что проходила южнее. Готовившимся к принятию пищи периекам отсюда его тоже было не видно, так что новоявленный полемарх мог спокойно расслабиться, не вводя в такое же искушение подчиненных.

Разложив доспехи на теплых камнях, Тарас скинул сандалии, тунику и остался в одной набедренной повязке. Некоторое время он смотрел на солнце, висевшее уже над самым горизонтом, подставляя последним лучам давно немытое тело. Затем на реку, что несла свои воды в озеро Орхомен. Ширина реки здесь была метров семьдесят, не больше. И лишь после этого, насладившись предвкушением удовольствия, пробрался меж острых камней к самому берегу и осторожно ступил в воду одной ногой. Несмотря на быстрое течение, вода показалась ему не очень холодной. И, больше не раздумывая, Тарас нырнул в освежающий поток.

Легко проплыв до середины реки, он ощутил течение, быстро сносившее его в сторону, и, развернувшись, поплыл обратно, преодолевая это сопротивление. Такое купание было для него хорошей разминкой. Тарас боролся с течением с удовольствием, вспоминая, как педономы из лагеря заставляли молодых спартанцев плавать и в более холодных речках, чтобы закалить и научить бороться с трудностями. Тарас усвоил те уроки хорошо, и сейчас эта борьба с течением реки показалась ему просто игрой, доставлявшей лишь удовольствие.

Он барахтался в воде минут двадцать, радостно отфыркиваясь, и выбрался на берег скорее посвежевшим, чем усталым. Но все-таки течение сделало свое дело и его отнесло немного вниз по берегу, так что пришлось пробираться к своим доспехам прыгая по острым камням. Когда же он достиг этого места, то, приблизившись к одежде, с удивлением заметил, что его кожаной портупей, на которой висел меч в ножнах, нет.

– Что за черт, – с удивлением пробормотал Тарас, осматриваясь по сторонам, и даже забыв натянуть на мокрое тело тунику, – я же ее здесь оставил.

Сумерки быстро сгущались, от камней через всю ложбину протянулись длинные тени. Но, осмотрев все окрестные валуны и обшарив расщелины, Тарас меча не нашел. Закончив осмотр, он так и застыл в голом виде, погрузившись в невеселые размышления. «Вот это номер будет, – думал новоиспеченный полемарх, – когда периеки узнают, что я, спартанец, потерял свое оружие. Но я ведь еще не выжил из ума, я его точно здесь оставил. Может, прибрал кто?».

И едва Тарас захотел сам себя убедить, что никто на это не осмелится, как из-за дальних камней показался человек. Это был воин из периеков в полном облачении, с копьем, но без щита. Тарас не мог разглядеть его лица, поскольку тот все время держался в тени.

– Не это ищешь, спартанец? – периек показал ему ножны меча, которые держал на вытянутой руке.

От такой наглости Тарасу кровь бросилась в лицо. Это был не просто бунт. Это был вызов раба своему господину.

– Положи его на камни и отойди, – процедил Тарас сквозь зубы, – тогда, возможно, я тебя не убью.

– Я знал, что ты так ответишь, – ничуть не смутился периек.

Подойдя чуть ближе, он отбросил меч далеко в сторону и направил на Тараса острие своего копья.

– Но на этот раз приказывать буду я. А ты даже не думай сопротивляться. Вставай на колени и моли о пощаде. А лучше молись богам о том, чтобы они даровали тебе лучшую участь в загробном мире, потому что сейчас ты умрешь.

– Ты смеешься, периек? – удивлению Тараса не было предела. Но инстинктивно полубогаженный спартанец все же бросил взгляд сначала туда, где валялся его меч, а потом назад, на доспехи, – ты осмелился перечить своему командиру, своему хозяину? Тебя ждет жестокое наказание.

– У меня есть другой командир, – сообщил боец Тарасу, не сводя с него глаз, – и я выполняю его приказ: убить тебя.

Услышав за собой шорох, Тарас заметил еще двоих солдат, показавшихся из-за камней. Один из них был с мечом, другой с луком.

«Значит, не шутят, – осознал Тарас, напрягшись, – в самом деле, пришли убивать, суки. Хорошо, что не сразу, стрелой издалека. Теперь хотя бы знаю, сколько их. Хотя, может, еще не все показались. Надо время потянуть, раз киллеры говорливые попались».

– И кто твой хозяин, пославший овцу против льва? – постарался вывести из себя противника Тарас, медленно приближаясь к нему на полшага. Он решил быть поближе к тому, что с копьем. Копье можно попытаться вырвать, а вот получить в спину стрелу совсем не хотелось.

Но боец разгадал маневр Тараса и, не теряя больше времени на разговоры, нанес молниеносный удар копьем в грудь. Удар, надо сказать, был хорош. Тарасу пришлось применить всю свою ловкость, чтобы увернуться от тускло блеснувшего в лучах закатного солнца острия.

«Ладно, – пронеслось в мозгу десантника, мгновенно пришедшего в боевую готовность. – Кто такие, потом разберемся. Придется для начала выкрутиться, а там посмотрим».

Он нырнул под копьё, упал на один бок и сильным ударом провел подсечку, ударив копьеносца по выставленной вперед ноге. Периек потерял равновесие, рухнув прямо на него.

Но Тарас успел откатиться чуть в сторону по острым камням, расцарапав спину. Прыжком поднялся, вырвал из рук нападавшего копье, но всадить его в грудь противника не успел. Почувствовал, как лучник натягивает тетиву за спиной, и просто ударив его ребром ладони по кадыку, отключил, заставив захрипеть и забиться в судорогах. А сам прыгнул с копьем вперед, свалившись за ближний камень. Вовремя. Стрела, ударившись о преграду из камня, отскочила в сторону.

– Вот теперь поиграем, – сплюнул Тарас, и резко поднявшись во весь рост, метнул копье на звук.

Еще прыгая за валун, он определил последнюю позицию лучника и отработал по ней. Как учили в прошлой жизни. Лучник, уверенный в том, что спартанец теперь в его власти и не сможет поднять головы, даже не успел натянуть тетиву второй раз. Пущенное с силой копье, ударило его в грудь. Лучник охнул, выронил свое оружие и ухватился за древко, словно хотел выдернуть его из груди. Но жить ему оставалось лишь мгновение. Периек покачнувшись, упал на колени и завалился на бок, истекая кровью.

А Тарас, воспользовавшись замешательством оставшегося в одиночестве на поле боя убийцы с мечом, бросился к тому месту, где валялось его собственное оружие. Периек попытался его перехватить, но тщетно. Спартанец успел раньше. И когда последний убийца оказался рядом, Тарас уже ждал его с обнаженным мечом.

Этот солдат тоже был в доспехах. Но ни у кого из нападавших не было щитов краем сознания отметил Тарас.

– Вот теперь поиграем, – повторил он, поводя из стороны в сторону острием.

Убийца молча бросился на него и рубанул по голове. Полуобнаженный спартанец уже не казался ему слишком легкой мишенью – быстрая смерть двоих его поделщиков послужила хорошим уроком. Второй боец был лишь «отключен», но об этом знал только Тарас. Впрочем, выбора у периека не было. Открывшись, он должен был идти до конца.

Тарас легко отразил первый удар, второй с боку дался ему труднее, а, отражая третий, он вообще поскользнулся и упал навзничь. Периек подпрыгнул, чтобы добить. Занес меч над головой, но Тарас, не вставая, рубанул его по ноге, рассекая не защищенную поножами голень, из которой ручьем хлынула кровь. Боец взвыл, упав на колено. А Тарас, вскочив, молниеносным оточенным движением вонзил ему меч в горло, отправив на встречу с богами.

– Ну, вроде бы все, – решил он, озираясь по сторонам в ожидании нового нападения, но ничего не происходило. – Неплохо искупался.

Услышав приглушенный стон третьего участника схватки, Тарас даже повеселел.

– Сейчас мы узнаем, кто же подослал этих свиней, – решил он, приближаясь к оглушенному бойцу, который пришел в себя и хрипел на камнях, жадно глотая воздух.

– А ну вставай, – приказал Тарас, и, схватив того за верхний край нагрудника, приподнял, прислонив спиной к валуну, – говори, пададь, кто тебя прислал?

Солдат, лицо которого исказила гримаса боли, открыл рот, пытаясь что-то произнести. Но в этот момент из-за спины Тараса послышался шелестящий звук, и в грудь периека с чавканьем вонзилась стрела. Боец дернулся и сразу затих. Его глаза остекленели.

– Твою мать, – бросился в сторону Тарас, – последнего свидетеля потерял.

Он пролежал так несколько секунд, но больше в него никто не стрелял. Тогда он пробрался меж валунов, вдоль берега, чтобы зайти в тыл своим противникам. Место, откуда могла прилететь стрела, он примерно определил. Но когда Тарас оказался там, то никого не нашел. Обойдя кругом все прилегавшие к месту схватки валуны с мечом в руках, он тоже никого не обнаружил.

– Ушел, сука, – сплюнул Тарас, глядя в сторону небольших, но многочисленных оврагов. Сразу за оврагами начинался густой лес. Там могло спрятаться достаточно людей. А по оврагам можно было легко подобраться к берегу и так же быстро уйти незамеченным. Особенно сейчас, когда в наступивших сумерках даже дорогу было уже не разглядеть.

Вернувшись на место, Тарас, наконец, оделся и приладил меч в ножнах на свое место. Теперь он был уверен, что нападавших больше не осталось. А тот, который был среди них

главным, ушел в неизвестном направлении, чтобы доложить о провале. Можно было, конечно, метнуться в лагерь, выстроить всех периеков и прочесать близлежащий лес. Но, поразмыслив, Тарас решил не поднимать шума. Победа над тремя бойцами для спартанца являлась делом обычным, а вот для Тараса не было особого смысла заявлять во всеуслышание, что на него было совершено нападение. Если это были люди из его отряда – а он думал именно так, – то их легко будет определить во время переклички. И последнего, что скрылся, тоже. Вряд ли он рискнет вернуться в лагерь.

Решив так, Тарас оделся, возвратился к месту стоянки и, взяв с собой на этот раз пятерых «спецназовцев», вскоре вновь оказался на берегу.

– Вот они, – сообщил Тарас Никомеду, когда в свете факелов показались убитые им периеки, – привяжите к телам камни и утопите в реке. Никто не должен их видеть. Пусть все думают, что они дезертировали ночью из лагеря. А утром сделаем перекличку и поймем, кого не хватает.

– Я знаю вот этих двоих, – неожиданно заявил Мегаклид, когда взялся привязывать камень к ногам лучника.

– И кто это? – не спешил радоваться Тарас.

– Имен я не помню, – проговорил Мегаклид. – Но они, кажется, наши земляки.

– Земляки? – удивлению Тараса не было предела.

– Они родом из Пелланы, господин Гисандр, – пояснил периек, – я видел их несколько раз в городе, но кому они служат, не знаю.

– Значит, из Пелланы, – пробормотал в задумчивости Тарас, у которого вдруг промелькнуло смутное подозрение. – Ладно, делайте, как я сказал. И чтобы следов не осталось.

«Спецназовцы» быстро сделали все, что приказал им господин. Умело привязав камни к ногам мертвецов, они перетащили их к берегу реки. Затем вошли в нее по грудь и только здесь отпустили тела в почти сливавшуюся с ночным небом воду. Когда все неудавшиеся убийцы Гисандра перекочевали на дно бурной реки, Тарас удовлетворенно вздохнул, поймав себя на странной мысли, что сам действует как заправский киллер, который должен замести следы преступления.

– Ну, все, – выдохнул он, когда тела периеков погрузились в воду, – остальное сделает течение.

Вернувшись назад, Тарас не стал тотчас поднимать всех солдат и устраивать проверку. Он сделал это лишь утром. А ночью прекрасно выспался, не став устраивать охрану вокруг своей палатки, а ограничившись лишь своими постоянными охранниками из илотов. Он был уверен, что убийца, кто бы он ни был, уже далеко и не помышляет о том, чтобы «доделать работу». Во всяком случае, этой ночью.

На рассвете он все же выстроил свои войска и обнаружил, что не хватает двух человек из сотни копейщиков авангарда и одного из лучников. Сделав вид, что сильно удивлен, Тарас устроил разнос командиру, приказав не давать еды обоим отрядам два дня подряд.

– Дезертиров мы найдем и предадим жестокой смерти, – пообещал он, вышагивая в раздражении перед строем вооруженных копейщиков, – а отряды, в которых случился этот позор, будут наказаны поголовно. Если бы мне не был нужен каждый солдат в предстоящей схватке, то я казнил бы вас всех. И теперь вам придется кровью смывать свой позор, защищая Дельфы.

Восемьсот вооруженных периеков молча внимали, ожидая своей судьбы, которую решал один спартанец. Никто не возражал, да и не мог возражать. Захоти Тарас привести свой замысел в исполнение, никто бы ему не помешал. Но Тарас злился не оттого, чтобы произвести на солдат нужное впечатление. Ему не давало покоя, что четвертого нападавшего не было. Все остальные солдаты были на месте. А это означало, что тот, кто убил последнего свидетеля, либо снова вернулся в строй, не побоявшись разоблачения, либо пробирался параллельным курсом с обозом, прячась в лесах и оврагах.

«Кто же, черт побери, организовал это нападение? Может, персы? – не мог успокоиться

Тарас, продолжая разнос ни в чем неповинных периеков. – Ладно, пора двигаться дальше. Будущее покажет».

Глава четвертая Гора Парнас

Брод находился действительно неподалеку, и спустя час первые телеги подъехали к широкому спуску, где их ожидали копейщики.

– Начинай, – махнул рукой Тарас Пентарею, и тот разрешил копейщикам войти в воду.

Понаблюдав за своими солдатами, Тарас убедился в том, что проводник не ошибся и брод подходящий. Река здесь разливалась почти вдвое шире, но зато и глубина была гораздо меньше. Вода едва доходила копейщикам до пояса, а значит, и телеги здесь вполне должны были пройти.

– Поставь рядом с каждой телегой по десять человек из провинившихся сотен, – приказал Тарас, продолжая играть роль разозленного полемарха, – на случай, если их будет сносить или попытается перевернуть течением. Передай всем, что если такое произойдет – все будут казнены.

По лицу Пентарея пробежала тень, но он не решился перечить. Пентарей был из тех периеков, что желали заслужить милость спартанцев и возвыситься над своими соплеменниками даже ценой их угнетения. А потому он выполнил приказ.

Форсирование реки прошло почти без проблем. Весь авангард из пяти сотен копейщиков и лучников уже был на другом берегу, телеги с баллистами тоже благополучно преодолели водную преграду. На сей раз медлительность быков была только кстати.

Тарас и сам уже переправился на другой берег со своими «спецназовцами» и теперь, стоя рядом с Темпеем, наблюдал, как две последние телеги проходят последние метры реки, борясь с течением. Они находились уже совсем близко от берега, когда неожиданно раздался треск и передняя подвода, накренилась набок. Тотчас с нее в воду полетели балки и торсионы.

– В яму угодила, – подсказал Темпей, втайне обрадовавшийся, что все его горшки уже благополучно перекочевали на этот берег, – наверное, ось отвалилась.

Тарас не разделял его радости, особенно, после того, как вторая подвода тоже угодила в другую яму, вообще перевернувшись на бок. Весь военный груз оказался в воде. Но Тарас еще не успел раскрыть рот, чтобы огласить окрестности благим матом, как увидел, что не зря провел утренний разнос личного состава. Все периеки, находившиеся рядом, побросав на полупритопленную телегу копья и щиты, моментально бросились в воду и стали вылавливать части баллист, которые быстро уносило течением. Одну из балок успело отнести метров на десять, но и ее выловили двое солдат, буквально нырнувших за ней в доспехах – никому не хотелось умирать из-за каких-то непонятных бревен.

Когда все, что удалось спасти, лежало на берегу и обсыхало, Тарас, приготовившись к самому худшему, прошелся вдоль разобранных на части баллист. Он был уверен, что половина деталей утонула, несмотря на героические усилия периеков. Каково же было его удивление, когда он пересчитал все лично и понял, что все на месте. Ни одного захудалого блока реке не удалось отобрать у «артиллеристов».

Телеги тоже были вытащены на берег. Ими уже занимались плотники. Одна развалилась полностью, а вторую обещали скоро починить.

– Один день наказания отменяю, – потеплел сердцем Тарас, – голодать будете только сегодня.

Дорога, пройдя сквозь реку, терялась среди высоких каменистых холмов. Посмотрев вперед, Тарас заметил, что на горизонте она вновь сворачивает в сторону гор, и подозревал к себе проводника.

– Скажи, Дельфы ведь находятся в горах? – уточнил он, когда грек в еще мокрой одежде предстал перед ним.

– Да, господин Гисандр, – ответил проводник, слегка удивленный тем, что об этом его спрашивает спартанец.

Тарас не стал обращать его внимание на то, что и среди спартанцев далеко не все бывали в Дельфах. Общение с оракулом – удел лишь царей и пифиев. А простые спартиаты только внимают советам оракула и живут по предначертанным жрецами Аполлона законам.

– Главное святилище Аполлона стоит на горе Парнас, у подножия которой раскинулся город, – осторожно напомнил грек.

– Сколько еще до него добираться? – спросил Тарас, прищурившись на солнце, и рассматривая окрестные поля.

– Осталось примерно дня два, – сообщил грек, уже знакомый со скоростью продвижения «артиллеристов», – сегодня мы достигнем вон тех отрогов, а на следующий день начнем вновь подниматься в горы.

– Ты можешь идти, – отпустил его Тарас, и пробормотал себе под нос, так что его никто не расслышал: – Значит, надо поспешать. Персы тоже на месте не стоят.

Вспомнив о персах, он вновь подумал о ночном покушении. Концов теперь было не найти, а потому так и не было понятно, кто же пытался лишить жизни Гисандра: персидские агенты среди спартанцев или свои недруги.

Впрочем, за следующие два дня он совершенно забыл об этом происшествии, занятый организацией продвижения своей небольшой армии. За это время обозу и боевому охранению из периеков пришлось форсировать еще две реки и даже протащить телеги сквозь небольшое болото, раскинувшееся на несколько стадий там, где сливались воедино сразу с десятков ручьев. Но, к счастью, такие места для Греции были большой редкостью. Гораздо больше здесь было скал и полей. А потому Тарас даже обрадовался, когда его отряд, преодолев достаточно высокий перевал, у которого сходилась сразу две дороги, наконец, втянулся в долину, где он разглядел довольно большой по местным меркам город.

– Это и есть Дельфы, – на всякий случай сообщил шагавший рядом проводник, – а вон там, на отрогах горы, за лавровой рощей, храм Аполлона.

Тарас молча кивнул и сделал знак рукой всем остановиться. Рассматривая знаменитый город, особенно поразивший его наличием множества храмов, из которых вознесенное на гору Парнас святилище Аполлона было лишь одним из многих, он удивился их количеству. Даже на первый взгляд этот город превосходил «застроенную» храмами столицу Лакедемона как минимум вдвое.

Тарас ожидал увидеть множество народа со всей Греции, что спешило по этой горной дороге поклониться своим богам. Однако, как бросалось в глаза командиру «артиллеристов», в сторону города телег и людей двигалось гораздо меньше, чем из него.

Отсюда с перевала все было видно достаточно хорошо, вплоть до дальнего конца долины, и Тарас смог оценить саму возможность оборонять этот город. Она была неплохой.

«Это, конечно, не Фермопилы, – прикинул Тарас, присматриваясь к широким проходам в скалах на дальнем конце долины, перевалу и вершинам, нависавшим над ним, тонувшим сейчас в жарком мареве, – но выстоять можно, даже имея так мало людей, как у нас. Один спартанец стоит десятка. Мы запрем эту долину, и будем громить персов из всех видов оружия. А если подойдет афинское войско, то этому Мардонию вообще ничего не светит. Можем стоять здесь хоть целый год».

Рассуждая так, Тарас старался приободрить себя, поскольку за то время, пока он занимался рекогносцировкой на местности, количество людей, покидавших Дельфы увеличилось вдвое. Дорога внизу была почти запружена телегами, всадниками и просто пешими греками, стремившимися покинуть город. Все это очень походило на обычное бегство.

«Видимо, – рассудил Тарас, с презрением поглядывая на проходящих мимо людей, – увидев армию спартанцев у себя в городе, они решили, что дело плохо, и не стали дожидаться исхода сражения с персами. А Леонид не стал их удерживать».

Чтобы отвлечься, он вновь перевел свой взгляд на город, обсыпавший домами и

зелеными рощами склоны горы Парнас, между которыми виднелось множество дорог, рассекавших город на кварталы.

– А это что за строение? – поинтересовался Тарас, указав проводнику на выложенные каменными плитами склоны одного холма, где были устроены скамьи, разделенные на сектора. Все сооружение опускалось к широкой и круглой площадке, очень напоминая своим видом театр, устроенный на открытом воздухе.

«Акустика там должна быть отменная, – подумал он, – стены почти вертикальные, да и горы кругом. Наверно, тот, кто стоит в центре круга и разговаривает, слышен даже здесь».

Тарас не обманулся.

– Это театр, – сообщил ему проводник, вытерев пот со лба, – здесь жители Дельф смотрят комедии, а также слушают поэтов, певцов и музыкантов, часто приезжающих из других полисов в Фокиду.

– Мы, спартанцы, считаем это пустой тратой времени, – заявил Тарас, уже знакомый с отношением к искусству в Лакедемонe, – а из всех, кого ты перечислил, уважаем лишь музыкантов.

Проводник не стал спорить. Видимо, ему тоже были хорошо знакомы обычаи, царившие среди граждан Спарты, поголовно страдавших ксенофобией. Всех пришлых поэтов и даже музыкантов они быстро выпроваживали обратно домой, если те осмеливались показать своим искусством что-либо оскорбляющее достоинство спартанцев. А оскорбить гордого спартанца было очень легко. По той же причине спартанцы не смотрели комедий. Ведь комедианты очень любят поиздеваться на теми, о ком рассказывают. А ни один гражданин Лакедемона, услышав издевательства в свой адрес, не спустил бы такого приезжему артисту, моментально лишив его головы. Но с тех пор, как Ликург обнародовал свои законы, комедианты больше не спешили в Спарту. Лишь прорицателей там принимали охотно.

Заметив на дальнем конце города, там, где главная дорога огибала последние кварталы и вновь уходила в холмы, многочисленные палатки лагеря спартанской армии, Тарас махнул рукой, приказав продолжать движение. И обоз с баллистами двинулся вниз, занимая большую часть дороги, так что убежавшим из «обреченного» города грекам приходилось теперь жаться к обочине.

Едва миновав несколько городских кварталов, Тарас сразу же убедился в своих подозрениях. Несмотря на присутствие армии спартанцев, обитатели Дельф целыми семьями покидали их. Навстречу «артиллеристам» двигались груженные всевозможным скарбом, явно впопыхах, телеги и навьюченные лошади. Те из жителей, кто был победнее, тянули за собой упиравшихся ослов с мешками на спине. Остальные тащили добро на собственном горбу, ничего не желая оставлять персам.

– Похоже, здесь никто не верит в нашу победу, – горько усмехнулся Тарас, посмотрев на Темпея. Врачеватель, проводив взглядом очередного горожанина с ослом, ноги которого подгибались от наваленной на холку тяжести, лишь вздохнул, промолчав. Зрелище было не из приятных.

К тому моменту, когда телеги с баллистами вслед за авангардом копейщиков миновали почти все кварталы нижнего города, Тарасу стало казаться, что город уже вымер. Настолько пустыми и безжизненными были улицы Дельф. А ведь, судя по недавним рассказам проводника, здесь должно было находиться множество гостей из других полисов, желавших не только посетить храмы, но и насладиться театральным действием. Времена развлечений для здешних обитателей, похоже, миновали. Спартанцы входили в пустой город.

– Кого же мы будем защищать? – невольно вырвалось у Тараса, когда он, пройдя три стадии по пустынным улицам, встретил лишь несколько бродячих собак. Вокруг было так тихо, что он слышал лишь ветер, гонявший по улицам пылевые облака.

Наконец, они вышли в последние ворота и оказались на небольшом поле у стен города, где стояло спартанское войско. Приблизившись, Тарас увидел палатку царя, у которой происходил какой-то совет. Там, облаченный в красный плащ, стоял сам Леонид, полемархи

и еще несколько незнакомых Тарасу людей, в основном седовласых старцев.

– Отведи обоз вон на тот край поля и поставь палатки, – приказал Тарас Пентарею, – отдыхайте, а я пока схожу к царю.

Сразу по прибытии в Дельфы Тарас должен был явиться с докладом к Леониду. Но, увидев у его палатки собрание, даже остановился, не решаясь побеспокоить царя. Разговор шел, похоже, серьезный и на «высоком уровне». Эти бородатые старцы в белых гиматиях явно не принадлежали к числу нищих просителей, с которыми царь Спарты не стал бы даже разговаривать. Это были либо отцы города, либо жрецы Аполлона. Последнее показалось ему более вероятным.

Но царь сам заприметил его и жестом приказал приблизиться.

– Ты прибыл, Гисандр, – кивнул он, – это хорошо. Остайся с нами и послушай, о чем говорит благочестивый Эврип.

От Тараса не ускользнуло, как тень промелькнула по лицам полемархов. Его, вчерашнего солдата, сейчас поставили в один ряд с полемархами, знатнейшими спартанцами. Но раз царь приказал остаться, Тарас остался, хотя и почувствовал себя безродным выскочкой. «А впрочем, – успокоил себя Тарас, осторожно рассматривая жрецов, – какой же я безродный. Это там, в прошлой жизни, еще мог таким считаться. А здесь у меня папа геронт. Так что, господа полемархи, придется потесниться. Мне тоже хочется побыть на Олимпе».

– Так вот, храбрый Леонид, едва пришли известия о том, что персы близко, мы спросили оракула, спасать ли нам храмовые сокровища или вывезти в другую страну, – вновь заговорил Эврип, высокий бородатый мужчина в длинном белом гиматии, расшитом понижу золотой нитью. При ближайшем рассмотрении он оказался довольно крепким старцем, который твердо стоял на ногах. И голос его звучал уверенно, но немного грустно.

– И что ответил вам Аполлон? – уточнил царь.

– Он ответил, что сам позаботится о своем достоянии. Тогда дельфийцы, получив такой ответ, стали заботиться о собственном спасении, – произнес Эврип и, указав на опустевший город, даже повернувшись в том направлении. – Многие отослали жен и детей через пролив в Ахайю, имущество отнесли в Корикийскую пещеру, а сами укрылись на склонах Парнаса.

Сказав это, Эврип отвернулся от города и вновь посмотрел на царя Спарты, добавив:

– Некоторые еще раньше сбежали в Амфиссу, что в земле локров.

– Это решение настоящих глупцов, – усмехнулся Леонид. – Амфисса на два дня пути ближе к армии Мардония и локры ее не защитят. Персы захватят эти земли раньше, чем появятся здесь.

– Это не все, царь, – проговорил Эврип, оглянувшись на своих спутников, – едва пришли первые вести о приближении персов, еще задолго до твоего прибытия с войском, как в Дельфах произошло множество знамений.

В голосе Эврипа появился священный трепет.

– Вот, пожалуй, самое примечательное из них. Пять дней назад прорицатель по имени Акерат заметил, что хранившееся в храме священное оружие Аполлона, которого никто не мог касаться – ведь это лук и стрелы бога, которыми он убил Пифона, – вдруг оказалось лежащим на земле у ворот храма. Он понял, что бог защитит город, и тотчас отправился рассказать об этом чуде всем, кто еще остался в Дельфах.

– Но нашел лишь немногих, – закончил за него царь, – что же, Аполлон дал нам знак, что не оставит этот город. А значит, его сила увеличит мощь спартанского войска. Трусы пусть убираются отсюда куда хотят, а мы останемся, и будем бить персов до тех пор, пока не истребим всех. Спартанцы пришли защищать свои храмы. Таково мое слово и можете передать его всем, кто еще остался в Дельфах.

– Я понял тебя, царь, – ответил Эврип, слегка наклонив голову.

– Персы в двух днях пути. Сегодня же мы начнем готовиться к битве, – сообщил Леонид жрецам и всем остальным.

– Я отправляюсь в храм, чтобы совершить жертвоприношение, – сказал на это Эврип,

заканчивая разговор.

Сев на повозку, жрецы удалились в город. «Похоже, путь у них неблизкий, – подумал Тарас, вновь разглядывая склоны Парнаса, – им надо проехать весь город, затем подняться по серпантину над пропастью почти до самой вершины. Ведь храм-то вон он, рядом с рощей лавровых деревьев».

От созерцания окрестных видов его отвлек окрик Леонида.

– Гисандр, ты немедленно отправишься в горы искать лучшее место для своих... машин, – приказал царь, – они должны стоять так, чтобы не мешать действию наших гоплитов.

– Уже решено, где мы будем биться? – уточнил Тарас, разглядывая холмы перед городом.

– Да, – ответил Леонид, – мы выстроим фалангу на перевале и перегордим оба скальных прохода чуть ниже.

– Немедленно отправляюсь, – кивнул Тарас. – К вечеру место будет выбрано.

– Времени мало, – ответил царь. – Поторопись.

Тарас поклонился и отошел от царской палатки, скользнув напоследок взглядом по лицам гордых полемархов. С ними то все было понятно, бери мору, выстраивай и веди в бой. А у Тараса была задача посложнее. Нужно было расположить свои орудия так, чтобы истребить максимальное количество персов и своих не положить в этой свалке.

«Ну да ладно, – подбодрил себя Тарас, вышагивая к палаткам своих периеков, и даже пошутил, – не боги горшки обжигают, им Темпей помогает».

Спустя полчаса, наскоро перекусив вяленным мясом, сыром и хлебом, – он ведь даже не отдохнул, как следует, – Тарас в сопровождении тридцати «спецназовцев» и Пентарея с десятком лучников, вышагивал в сторону перевала. Взял он с собой и врача, как тот не скулил и не пытался остаться в лагере, ссылаясь на дикую усталость.

– Ничего, потерпишь, – перед самым выходом успокоил его Тарас, поправляя ножны меча. – А кто будет склоны осматривать на случай, если их тоже подрывать придется. У тебя, кстати, еще горшки остались с взрывчатой смесью?

– Всего два, – сообщил Темпей, вздохнув, – все остальные ушли на подрыв Фермопильского ущелья.

– Маловато, конечно, – слегка расстроился Тарас, перекидывая через плечо красный плащ и скрепляя его на груди медной застежкой, – но, ничего не поделаешь. Придется использовать только в крайнем случае.

Через несколько часов они были у скальных проходов. Приблизившись, Тарас увидел две расщелины в скале, по которым уходили в сторону соседней Локриды-Озольской две широкие проезжие дороги, соединяясь на той стороне.

– Отряд человек двадцать по фронту спокойно перегордит каждую расщелину, – резюмировал Тарас, проходя насквозь этот участок по одной из дорог.

– Впрочем, Леонид уже позаботился об этом, – заметил он, когда увидел с той стороны отряд спартанцев числом не меньше двух лохов. А когда он разглядел среди командиров эномотий, собравшихся сейчас вместе и что-то обсуждавших, Деметрия, то слегка напрягся. У него возникло предчувствие, что выяснение отношений с Деметрием отложено отнюдь не до возвращения в Спарту. Но Деметрий, тоже заметивший его, не подал виду, словно вообще был с ним не знаком.

Обменявшись приветствиями с командиром этого поста, Тарас сообщил ему о приказе Леонида и был беспрепятственно пропущен со своими людьми. Дальше в сторону перевала уходила лишь одна дорога, зажата скалами. Зато она была гораздо шире. По всему было видно, что ею часто пользуются путники и торговцы.

– При желании здесь можно пустить конницу, – продолжал рассуждать сам с собою Тарас, поднимаясь вверх по каменистой дороге, которая становилась все круче.

– Мы можем расставить лучников вдоль склона, – осторожно предложил Пентарей, тоже занятый выбором позиции для своих стрелков, – вот здесь и там за валунами есть

неплохие места для засады. Даже пехотинцы туда не сразу доберутся, а конница и подавно.

– Может быть, ты и прав, – кивнул Тарас, поразмыслив над словами периека, чем очень удивил его, – место выбрано неплохо. Часть лучников мы здесь поставим и даже гастрфетчиков, но это не главная позиция. Скоро начнет вечереть, а нам до заката надо найти место для баллист.

Они поднимались еще почти три часа по серпантину, пока не оказались у самого перевала, где Тарас тоже разглядел красные плащи спартанцев. Армия царя Леонида заняла все подступы к Дельфам, так что персы уже не могли появиться здесь неожиданно. К тому моменту Темпей едва мог идти. Он долго скулил и, в конце концов, даже осел на придорожный камень.

– А ну вставай! – набросился на него Тарас. – Мы еще не нашли нужное место.

– Простите, господин Гисандр, – взмолился раскрасневшийся врачеватель, – но я еле дышу.

– Ты тоже спартанец, значит, должен терпеть, – отмахнулся Тарас, кладя ладонь на рукоять меча, – вставай, или я заколю тебя прямо на месте.

– А вы оставите меня в живых, если я скажу вам, что нашел место? – произнес Темпей, вскидывая руку и не дожидаясь ответа, добавил: – Вон на той площадке можно поставить баллисты.

Тарас развернулся в указанном направлении, позабыв про меч.

– С нее как раз можно забросать перевал горшками, – послышался из-за спины усталый голос врачевателя, – достанет даже через головы наших гоплитов, если царь решит выстроить здесь фалангу. А если она отойдет чуть назад и почти станет вровень, то персы вообще будут как на ладони.

Несколько секунд Тарас изучал площадку у перевала и сразу понял, что Темпей был прав. Даже отсюда было видно, что место отличное.

– Ладно, – смиловился Тараса, – отдохни немного. Мы тебя заберем на обратном пути. Остальные за мной.

Темпей испустил радостный возглас. А Тарас, прихватив с собой весь отряд, стал подниматься выше, чтобы лучше рассмотреть будущую позицию. Здесь ничего нельзя было упустить из виду. Слишком велика цена ошибки.

Вначале Тарас поднялся до перевала, чтобы окинуть взглядом подступы к месту предстоящего сражения и поговорить со спартанцами, уже занявшими там оборону. То, что он увидел, не слишком его обрадовало. Перевал со стороны Локриды был широким и легким для подъема, а почти сразу за ним находился еще один перевал, за которым виднелась протяженная горная гряда. Добравшись сюда, персы могли подниматься довольно широким фронтом. Правда, на самом перевале им пришлось бы сузить линию атаки до сорока человек. Примерно двести спартанцев сейчас охраняли его, ожидая подхода основных сил завтра к утру.

– Есть ли обходные тропы? – поинтересовался Тарас, наученный опытом Фермопил, у командира гоплитов.

– Нет, – ответил спартанец, – все местные жители пользуются только этой дорогой, когда хотят попасть в Амфиссу.

– Это хорошо, – кивнул Тарас, – значит, персы не смогут нас окружить.

– Только если обойдут всю горную гряду и дойдут до берегов Коринфского залива, – кивнул спартанец, – или пробьются к нам в тыл.

– Персы слишком торопятся, – заметил на это Тарас. – Они и так потеряли много времени у Фермопил. Так что, думаю, они будут пробиваться здесь. Им нужны Дельфы. Они пойдут дальше обходным путем, только если не смогут пробиться здесь.

– Мы не пустим их в Дельфы, – уверил его командир охранения.

– Не пустим, – подтвердил Тарас и поспешил обратно.

Скоро должно было стемнеть. В горах ночь наступала быстро. Но Тарас успел осмотреть свои позиции. Это было небольшое плато, способное, однако, легко вместить все

имевшиеся баллисты, а также почти сотню солдат, и возвышавшееся метров на пятнадцать над перевалом со стороны Дельф. Сюда вела лишь одна узкая тропа, так что защитники, даже в случае атаки, могли отбиваться достаточно успешно. Тылы у них были прикрыты скалой, нависавшей над перевалом. Перед вознесенной вверх позицией, чуть ниже и в стороне от седловины, находилось еще одно расширение, где могло выстроиться человек двести воинов. В общем, позиция со всех сторон была хороша даже для длительной схватки. Недостаток имелся лишь один – если персы быстро пробьют оборону спартанцев и разовьют свой успех, то «артиллеристы» мгновенно окажутся отрезанными. Бежать с этого скального выступа было некуда. Разве что с самого дальнего от перевала края по веревкам вниз, да и то, пока не поздно.

Побродив по своей позиции от края до края, Тарас решил на всякий случай заранее привязать здесь к валунам несколько веревок, чтобы вовремя скинуть, если запахнет жареным. «Береженого, как говорится... – подумал Тарас, рассматривая в быстро темнеющем воздухе отвесную пятнадцатиметровую стену. – Завтра закрепим, мало ли что». А посмотрев на скалу, нависавшую над позицией, решил, что ее при желании можно обрушить с помощью взрыва на головы персам. Опыт уже имелся.

Наконец, он закончил наблюдения, бросил взгляд через перевал на ломаную линию гор, пики которых уже окрасились в алый цвет, и стал спускаться по тропе вниз. Тропа была, в общем, не тропа, а так, несколько углублений, куда можно было поставить ногу, поскольку никуда дальше она с плато не вела. Похоже, здесь изредка отдыхали путники, застигнутые ночной порой в дороге и опасавшиеся нападения разбойников, поскольку следы пребывания людей тоже имелись.

Когда они вернулись в лагерь, солнце уже село, но встреча с царем все равно состоялась. Решено было наутро отправить все баллисты с нужным числом солдат на перевал.

Глава пятая Молнии с неба

– Приготовиться! – поднял руку Тарас.

Со своего места он видел как персы, лавиной хлынув с дальнего перевала, устремились вниз и скоро должны были появиться здесь, где их поджидали плотно сомкнутые шеренги спартанцев. Море красных плащей заполнило перевал от края до края. Первые шеренги копейщиков, которых возглавлял сам Леонид, стояли на самом верху, а все остальные выстроились в длинную фалангу, растянувшуюся на несколько сотен метров. Здесь было не меньше тысячи воинов Спарты. Второй рубеж обороны проходил чуть ниже, где, за поворотом дороги, ожидали своей возможности вступить в бой еще две моры пехотинцев. Там же, за ними, Тарас оставил в засаде вдоль дороги двести своих лучников и триста копейщиков, готовых поддержать оборону. Остальные спартанцы находились у двух проходов в скалах, перекрывая последний рубеж. Однако Тарас был уверен, сколько бы не появилось персов, до последнего рубежа им еще ох как далеко.

Оставшиеся периеки-копейщики выстроились вдоль каменного плато, чтобы преградить персам путь к позициям баллист, если те вдруг прорвутся. Все остальные лучники, гастралетчики и «артиллеристы» давно заняли свои позиции на скальном выступе, готовые начать обстрел приближавшегося противника. Обслуга натянула торсионные механизмы горшками с зажигательной смесью. Темпей в возбуждении расхаживал рядом, готовый поджечь первый фитиль. Но Тарас все медлил.

Персы приближались очень быстро, и вскоре стало ясно, что это конница. Причем, судя по черно-золотым одеждам, их атаковала конница «бессмертных». Увидев, как отборные персидские всадники скрылись под перевалом, Тарас невольно усмехнулся, подумав: «Хорошо же нас оценил Ксеркс. Правильно. Не пожалел для Спарты своих лучших солдат. Ну да мы таких уже видали. И на этот раз рога обломаем».

Однако начало схватки ошеломило его. Буквально взлетев на не знавших устали конях к перевалу, тяжелая персидская кавалерия с ходу атаковала спартанские порядки и вышибла первые шеренги с перевала. Пробив оборону в самом центре строя, персы вклинились в нее почти на двадцать метров, так что Тарас уже мог видеть всадников Мардония буквально перед своими позициями. Персы, облаченные в сверкающие на солнце доспехи, давили спартанцев конями и рубили мечами, убивая многих и успевая отражать меткие удары копий своими круглыми щитами. И делали это так лихо, что Тарас невольно залюбовался.

Персы были хороши. Эти всадники ничуть не походили на плохо обученную и вооруженную конницу других народов, пришедших с Ксерксом. В искусстве боя они ничем не уступали самым спартанцам, а кони в защитном облачении лишь давали им преимущество. И Тарас, в который раз пожалел, что армия Спарты не имеет в своем составе конницы. Зато теперь у этой армии были другие возможности, и Тарас собирался немедленно пустить их в ход. Сейчас был не тот случай, чтобы долго горевать. Нужно было остановить этот железный поток.

– Лучники! – махнул рукой Тарас, решив повременить с баллистами. Слишком плотным был контакт между бойцами. А в том месте, где красная линия слилась с черно-золотой, пока преобладала красная. Проманись он или лопни горшок в воздухе, можно было сжечь много своих воинов.

Рой стрел накрыл волну персидской кавалерии. Конечно, большинство потерь пришлось на второй эшелон всадников, еще только показавшийся на перевале и наседавший на своих сзади. Но и это оказалось ощутимой подмогой. Десятки мертвых персов, пронзенных стрелами, повалились со своих коней, еще не достигнув копий спартиатов. А лучники продолжили пускать волну за волной. Впереди, однако, все осталось без изменений. Персы продолжали теснить яростно сопротивлявшихся гоплитов. И Тарас немного заволновался, поскольку уже давно не мог в этой схватке разглядеть поперечный гребень из перьев на шлеме царя Леонида.

– Никомед! – подозвал лучшего гастрюфетчика Тарас, заметив одного из персидских вожakov, дравшегося лучше других, – видишь вон того перса, что бьется одним из первых?

Никомед, уже давно натянув тетиву и приладив короткую смертоносную стрелу, кивнул, всмотревшись в месиво схватки, происходившей почти под ними.

– Попадешь?

– Да, господин Гисандр, – уверенно заявил боец.

– Только смотри, не проманись, – предупредил Тарас, – вокруг него спартанцы.

– Не проманусь, – успокоил хозяина «снайпер», принявшись выцеливать жертву.

Перс, то и дело вздыбливая коня, бросал его на медные щиты, образовавшие перед ним сплошную стену. Рубил спартанцев своим массивным мечом, в то же время успевая отбивать удары их копий щитом. Его панцирь сверкал на солнце, а черный балахон лишь оттенял его, делая вожак конных персов хорошо заметным на фоне красных плащей, окружавших его со всех сторон, кроме спины. Долгое время он казался словно заговоренным, гарцуя на своем коне посреди воинов Спарты. И смерть уже много раз слетала с его клинка.

Но вдруг он дернулся, нелепо раскинув руки, и Тарас увидел, что из его груди торчит арбалетный болт. Завалившись на круп своей лошади, знатный перс, – а в этом Тарас не сомневался, даже не зная его имени, – выронил щит и меч, а потом сполз под копыта коню, где был тотчас затоптан гоплитами. Спартанцы с остервенением закололи его коня, а затем насадили на копыта еще двух персов, гарцевавших на острие атаки, тем самым немного выравнивая линию обороны.

– Молодец, Никомед, – похвалил стрелка Тарас, – не знаю, кого ты «свалил», но птица наверняка высокого полета. Царь персов тебе этого не забудет. А от меня получишь награду, если выживем.

Но для Никомеда, судя по его довольной физиономии, эти слова уже были лучшей наградой.

Тем временем над смятыми шеренгами спартанцев разнесся боевой клич

«Лакедемон!!!». Бойцы удвоили натиск, яростно работая копьями, и вскоре красная линия выдавила с перевала черно-золотую, восстановив оборону такой, какой она была до начала атаки.

– Прекратить стрельбу! – приказал Тарас лучникам, которые «скосили» за это время немало персидских всадников. Теперь перед его глазами вновь были лишь спины гоплитов, облаченные в красные плащи, и медные шлемы с гребнями, спускавшимися до самых плеч.

Первый удар персов спартанцы выдержали, хотя потери на этот раз были очень впечатляющими. Еще никогда Тарас не видел, чтобы спартанцы за столь короткий промежуток времени потеряли так много своих солдат. Счет убитых сразу пошел на десятки. Царь Леонид остался в живых – Тарас рассмотрел-таки его шлем среди наступавших спартанцев, – но и он, вероятно, понимал, что победа далась слишком большой ценой. Впрочем, выбирать не приходилось. Спартанцы, наконец, столкнулись с достойным противником.

Передышка и радость от первой победы длилась не долго. Вскоре передние шеренги вновь всколыхнулись – на этот раз в атаку пошли пехотинцы, все те же «бессмертные». Мардоний, а значит, и сам Ксеркс, явно знал, кто обороняет перевал на пути к сокровищам Дельфийского оракула, раз решился на то, чтобы сразу пустить в бой свои лучшие силы. И отступить ни та, ни другая сторона явно не собирались.

Вскоре «бессмертные», окатив дождем из стрел, опять потеснили спартанцев с перевала, отвоевав у них метров сорок пространства. И Тарас решился на применение баллист. Враги были видны отчетливо.

– Давай, Темпей, – проговорил он, – пришел твой час.

Алхимик поджег фитиль у первого горшка и дал знак прислуге четырех ближних машин сделать тоже самое. Торсионы отработали надежно. Первый горшок, просвистев над шлемами спартанцев, врезался в ряды персидских пехотинцев, превратив несколько бойцов в кровавую кашу. Звук падения Тарас не услышал из-за криков, но горшок разбился о камни. Жидкое пламя пролилось под ноги персов, и крики ярости мгновенно сменились на вопли боли и отчаяния. Еще несколько горшков следом ударили в плотные ряды персидских пехотинцев, образовав среди них пустое пространство, залитое огнем. «Бессмертные» корчилась от боли и кричали так, что Тарас слышал их вопли со своего места. Объятые пламенем люди-факелы метались из стороны в сторону, мешая своим атаковать и попадая под спартанские копья.

Баллисты произвели еще один залп, затем новый, усилив панику среди персов. А спартанцы, воспользовавшись возникшим замешательством, сомкнули щиты, запели гимн Аполлону и перешли в контратаку. Удар был столь мощным, что остатки черно-золотых пехотинцев были отброшены с перевала и рассеяны. Затем, достигнув середины горы, воины Леонида вернулись на перевал. После чего в сражении наступило небольшое затишье.

– Передайте привет Мардонию! – крикнул вслед отступавшим персам со скалы Тарас, не без основания считавший себя виновником этой первой победы. – И своему царю! Пусть возвращается обратно в Персию, здесь он никогда не пройдет.

Он видел со своего места, как Леонид махнул ему рукой, словно благодарил за хорошую стрельбу, низвергнувшую на головы персов божественный огонь. Затем царь построил своих гоплитов и пересчитал потери. Сколько было убито спартанцев за несколько первых часов боя, Тарас не понял, но видел, что сквозь образовавшиеся между шеренгами проходы, назад отнесли не один десяток мертвых граждан Лакедемона, исполнивших свой долг до конца.

– Если так пойдет дальше, – озадачился Тарас, посмотрев на стоявшего рядом Темпея и вспоминая про фокидскую стену, защищавшую тыл спартанцев у Фермопил, – то скоро нам придется вызывать из Спарты вторую армию. Впрочем, еще рано. Солдат у нас достаточно. И горшков тоже, верно, Темпей?

Алхимик уверенно кивнул.

– Да мы сделали всего три залпа, господин Гисандр. Можем тут стоять еще долго, если

персы не станут атаковать чаще.

– Персы отсюда так быстро не уйдут, – «успокоил» его Тарас, – так что, при следующей атаке будем беречь горшки.

Он посмотрел на скалу, что нависала у них над головами и перевалом. Затем, бросил взгляд на выстроившихся под ней периеков-копейщиков. Отвел Темпей в сторону от баллист и вполголоса уточнил:

– Ты заложил горшки со взрывчаткой, как я тебе приказал?

Темпей молча кивнул, все поняв с полуслова.

– Молодец. Но это на крайний случай. Перевал широкий, весь не перегородить, конечно, но зато можно устроить могилу для множества персов, если взорвать аккуратно.

На этот раз ожидание следующей атаки затянулось почти на час. Но когда он истек, под перевалом вновь появились пехотинцы «бессмертных». Мардоний кинул их в новый штурм, и на этот раз персы были более удачливы. Отборная пехота персов яростно сшиблась со спартанцами, тесня их по фронту и словно желая отомстить за смерть своего командира у Фермопил. Леонид отражал волну за волной, но все же под напором «бессмертных» спартанские гоплиты попятнулись назад. И тут в дело вновь вступили лучники и баллисты, забросавшие наступающих огнем.

Битва продолжалась с переменным успехом весь день до самой ночи и не прекратилась даже с наступлением темноты. То и дело Тарас, против воли израсходовавший уже едва ли не половину боезапаса, отдавал команду одному из расчетов «подсветить поле боя». И на перевале ненадолго вспыхивал яркий костер, в который раз заставляя персов бежать в панике.

Командиры персов уже давно заметили те самые машины, что сеяли смерть среди солдат еще у Фермопил. Тогда, впервые столкнувшись с этим грозным оружием, персы поначалу приняли летящие с небес горшки с огнем за гнев греческих богов, заживо сжигавшего солдат Ксеркса. А теперь они воочию видели тех, кто посылает им эти «гостинцы». И это были не боги, а обычные смертные. Несколько раз персы предпринимали безуспешные попытки прорваться и захватить эти странные сооружения, но каждый раз спартанцы отбивали их яростные атаки.

Лишь к рассвету битва прервалась, а персы отошли ко второму перевалу, чтобы зализать раны, усеяв весь склон горы трупами в черно-золотых балахонах. Спартанцы тоже воспользовались затишьем, чтобы унести погибших и заменить уставших бойцов из передних шеренг на свежих. Благо по сравнению с Фермопилами резервов у них пока хватало.

На следующее утро ситуация изменилась. Мардоний, обескураженный тем, что первый мощный штурм лучшими силами не удался, и с ходу перевал не взят, изменил тактику, послав в бой пехоту мидян.

– Устал, значит, – усмехнулся Тарас, увидев знакомые пестрые хитоны, – пожалел «бессмертных» и решил задавить числом. Что-то рано выдохся этот грозный Мардоний. Зауважал, видно, спартанцев.

Дожевывая свою пайку вяленого мяса, Тарас сидел прямо на одной из перекопанных баллисты, разглядывая в рассветном тумане наступающие порядки персов. С момента последней встречи мидяне не сильно изменились: все те же мягкие войлочные шапки на головах, пестрые хитоны и панцири с короткими рукавами, укрепленные на груди медными чешуйками. Вместо прочных медных плетеные щиты. Копья в руках и луки за спиной.

– Ну, с этими наши гоплиты легко справятся, – решил Тарас, закончив свои наблюдения, – сколько бы их ни было.

Он закончил есть и, вытерев руки о край плаща, покрутил головой в поисках алхимика.

– Эй, – окликнул он проходившего мимо врачевателя, – Темпей, сколько у нас осталось горшков?

– По восемь штук на баллисту, – ответил тот, останавливаясь на месте.

– Ясно, – кивнул Тарас, – тогда из баллист пока не стрелять. Чует мое сердце, персы

решили здесь надолго обосноваться.

Предчувствия Тараса не обманули. Тяжеловооруженные спартанские гоплиты, с трудом выстоявшие против «бессмертных», теперь с легкостью отражали атаку за атакой мидийской пехоты. После каждого удара копьем шеренги спартанцев, падала почти вся шеренга мидян, и лишь некоторые лакедемоняне были убиты короткими копьями наступающих. Потери у спартиатов резко сократились, зато атаки следовали почти без перерыва. Мидяне заполнили все пространство между двумя перевалами. Отдыхать спартамцам не удавалось, лишь уносить погибших, а раненых у них «не было». Все, кто получил от персов ранения копьем, мечом или стрелой оставались в строю. Так продолжалось весь день и всю ночь. За это время баллисты Гисандра ни разу не вступили в бой. Лишь лучники да гастрарфетчики поддерживали «огнем» свою пехоту.

Но на третий день ситуация вновь изменилась. Не успели спартанцы отогнать очередной контратакой «пестрые хитоны» за перевал, как были отброшены назад неожиданной атакой персидской конницы. Коварный Мардоний, усыпив бдительность спартанцев, вновь бросил в бой «бессмертных». И те, ударив из-за спины мидян в самый центр, опять проломили оборону гоплитов Леонида. На этот раз удар был еще мощнее. И Тарас впервые увидел, как спартанское воинство отступает под сверкающей черно-золотой лавой, быстро захлестнувшей весь перевал. Спартамцы умирали, разя персов своими копьями, но тех было не остановить. Не помогли даже лучники, пускавшие навстречу персам волну за волной стрел. Несмотря на ожесточенное сопротивление гоплитов, спустя час, конные персы оттеснили их с перевала и стали выдавливать дальше. А за ними показались пехотинцы, в одеждах того же цвета.

– А вот это мне уже не нравится, – проговорил Тарас, видя как быстро черная масса заполняет собой пространство под его позицией, отрезая его от своих. Причем конница персов билась с фалангой, а у пехоты теперь была возможность разобраться с «гневом богов».

Вскинув луки, «бессмертные» тотчас открыли огонь по плато, на котором были расставлены баллисты, укрытые на такой случай лишь бруствером из невысоких камней. Над головой Тараса засвистели стрелы, а вокруг стали падать мертвые периеки.

– Держись, Пентарей! – крикнул Тарас командиру копейщиков, выстроенных внизу под скалой, как раз на такой случай. – Надо выстоять, пока гоплиты не отбросят персов обратно!

Но Пентарей уже и без того был готов. Его солдаты – двести с лишним бойцов, – согласно приказу Тараса, выстроились на узком пятачке, оставшемся в стороне от общего наступления, перекрыв подступы к «артиллерии». Подняв щиты и копья, периеки ожидали нападения «бессмертных». Но те не спешили, предпочитая сначала обстрелять из луков всех попавших в окружение греков. Слишком уж много потерь несли «бессмертные» при «личном контакте».

И все же у Тараса оставалось преимущество – он находился на высоте, – и атакующие порядки персов были перед ним как на ладони. А конные персы вообще уже показали ему свои спины.

– А ну, развернуть баллисты и открыть огонь по всадникам! – приказал Тарас, перекрывая вопли раненых и крики атакующих персов.

А когда от его шлема со звоном отскочила стрела, просто пришел в ярость.

– Лучники, ответить пехотинцам! – заорал он. – Никомед, Мегаклид, Этокл, Бриант! Выстроить гастрарфетчиков и проредить этих «бессмертных», пока они сюда не взобрались.

Несмотря на то что почти каждый второй периек из obsługi баллист был уже убит, оставшиеся солдаты все же выполнили приказ Гисандра и развернули метательные машины в сторону конницы персов, что наседала на шеренги спартанцев, видневшиеся в нескольких сотнях метров позади позиций.

– Огонь! – заорал Тарас, отбивая щитом очередную стрелу, пущенную в него метким персидским лучником. В случае с горшками эта команда звучала вполне современно.

Три баллисты из двенадцати отработали быстрее, отправив в полет «огненное

снадобье» Темпея. И Тарас, спрятавшись за одну из машин, с удовольствием увидел, как горшки просто сшибают с ног персидских всадников и разлетаются под копытами коней, разливая пламя. Огонь быстро привел в панику животных, отчего в порядках хваленной кавалерии Ксеркса началась неразбериха. Лошади обезумели и атака, едва не приведшая к победе над спартанцами, начала захлебываться.

– Давай еще! – заорал обрадованный Тарас.

И еще три баллисты зашвырнули свои снаряды в глубину порядков элитной кавалерии, сжигая цвет персидской нации заживо. Но тут позиции вновь захлестнула волна стрел и другая половина «заряжающих» рухнула за мертво.

– Этокл! Никомед! – заорал Тарас, на время упустивший ход событий на другом фланге сражения. Обернувшись, он увидел, что гастрафетчики и лучники свое дело делали – множество пеших персов уже валялось на камнях, но их все прибывало. Из-за перевала подходили новые сотни «бессмертных» и плотность обстрела резко возросла. Стрелы барабанили по щиту Тараса едва ли не постоянно, так что он уже не спешил вставать во весь рост.

Кроме того, персы перешли, наконец, от обстрела в атаку и схватились с периеками на копьях. Тарас не без гордости отметил, что его «не совсем свободные граждане» Лакедемона, бьются с элитными пехотинцами Ксеркса почти на равных, словно заправские спартанцы. Однако такое положение сохранялось не долго. «Бессмертных» было просто больше. Выпустив по копейщикам тучи стрел, они вскоре прижали оставшихся к скале и, разделив атакой на две неравные части, принялись истреблять. Большая часть солдат, около сотни, под командой Пентарея отступила с боем в дальний конец скалы. Остальные быстро полегли, защищая тропу.

Заколов последних защитников, персы стали карабкаться вверх.

– Гастрафетчики! Лучники! – крикнул Тарас. – Держать тропу!

Пересчитав взглядом тех, кто, прячась за бруствером и баллистами, вел «ответный огонь» по черно-золотым одеждам, Тарас понял, что у него осталось не больше тридцати человек, вместе взятых. Баллисты уже давно не стреляли. Но, бросив взгляд назад, он убедился, что обстрел конницы сделал свое дело. Спартанцы, воспользовавшись замешательством кавалерии, остановили ее продвижение и вновь начали теснить к перевалу. Однако, кто победит в этой схватке, пока было не ясно. Периеки Пентарея яростно отбивались от пеших персов, но их могло хватить не надолго. И Тарас принял решение.

Пробежав под обстрелом, он оказался рядом с гастрафетчиками, среди которых, зарывшись в камни, прятался Темпей. Хлопнув по плечу Никомеда и Брианта, Тарас приказал:

– Отступаем к дальнему краю и спускаемся по веревкам. Как учили. Внизу Темпей с копейщиками. Вместе пробиваемся к своим. Передай остальным!

Никомед кивнул, выпуская очередную стрелу. Болт, пролетев положенное расстояние, сразил одного из «бессмертных», уже почти взбравшегося на скальный выступ. Взмахнув руками, перс покачнулся и рухнул на головы своим соплеменникам.

Разобравшись с персом, Никомед отполз в сторону, что-то прокричав лежавшим там гастрафетчикам. А те, получив приказ вместе с оставшимися лучниками, стали медленно отходить в указанном направлении, где, наброшенные на валуны, ждали своего часа «страховочные» веревки.

«Не зря тренировал, – похвалил себя Тарас, вспомнив занятия в Мессении, – сейчас кому-то это спасет жизнь».

Затем он схватил за тунику Темпея, который от страха боялся поднять голову, и хорошенько встряхнул. Тот в ужасе посмотрел на своего хозяина, неожиданно оказавшегося рядом.

– Пора, брат, – заявил Тарас, прикрыв их обоих щитом, – давай, лезь на скалу и поджигай фитиль. Мы отступаем.

– Я? – залепетал врачеватель. – Меня же убьют, господин...

– Щит на спину повесь, – ледяным тоном заявил Тарас и вдруг рывкнул так, что Темпей аж подскочил со своего места: – Ну, давай быстро! Ничего с тобой не случится. А не то, скоро здесь будут персы. И тогда они тебя точно прикончат.

Темпей в ужасе подхватил щит убитого периека, перекинул его за спину и мелкими перебежками устремился к противоположному краю небольшого плато. Там он стал карабкаться по еле видимым ступенькам, совершенно позабыв про свистевшие вокруг стрелы, и вскоре взобрался еще метров на пятнадцать вверх. Туда, где виднелась широкая расщелина, которая тянулась вдоль всей скалы. Персы, отчетливо видевшие Темпея, не могли понять, что он там делает, но и попасть в него почему-то не могли. Повозившись некоторое время, врачеватель переполз метров на пять дальше и зажег второй фитиль. Только наметанный глаз Тараса уловил еле заметный дымок, появившийся из расщелины.

Когда Темпей спускался обратно, несколько стрел ударило точнехонько в щит, по-прежнему болтавшийся у него за спиной. Но сам алхимик не получил ни царапины.

– Вот видишь, – проговорил Тарас, указав на щит, когда врачеватель рухнул рядом с ним, – я же тебе, можно сказать, жизнь спас.

– Благодарю, господин Гисандр. Но ведь мы еще не спустились, – пробормотал Темпей, поглядывая на скалу, что нависала прямо над ними, – а фитили уже горят.

– Это верно, – не стал спорить Тарас, – бегом к дальнему краю, видишь, где Никомед? Там веревки, по ним спустишься вниз.

Тарас боялся, что перспектива пускаться по кручам с помощью веревки испугает врачевателя, но тому, после подъема наверх под обстрелом персидских лучников, было уже ничего не страшно. И Темпей, пригнувшись, побежал по плато, переползая или перепрыгивая через трупы и пробираясь между безмолвными баллистами.

Тарас с пятью гастралетчиками и парой лучников устремился за ним, пятясь задом. И вовремя. Едва они отошли от тропы, как персидские пехотинцы показались наверху. И тотчас же с криками ярости набросились на первую баллисту, стремясь изрубить ее мечами. На отступавших греков они поначалу даже не обратили внимания, столько ненависти вызвали у них эти странные машины. Но, разломав вторую баллисту, персы неожиданно присмирели. Тарас заметил, что на плато взобрался один из командиров, что-то приказавший своим людям, которые тотчас забыли про орудия и бросились по следам Тараса и его людей, уже взявшихся за веревки.

– Да они никак решили захватить мой «божественный огонь»! – вырвалось у командира «артиллеристов». – Ну уж нет, хрен вам. Скоро я вам устрою молнии с неба. Привет от самого Зевса-Громовержца. Недолго осталось.

И соскользнул вниз по веревке, присоединившись к остаткам периеков Пентарея.

– Быстрее! – крикнул Тарас командиру копейщиков, оказавшись вновь на земле. – Уходим отсюда как можно дальше. Сейчас рухнет скала!

И небольшой отряд, отбиваясь от наседавших пехотинцев, стал пробиваться навстречу спартанцам, которые виднелись уже не так далеко. В тот момент, когда впереди замаячили персидские всадники, и Тарас приготовился схлестнуться с ними, за его спиной раздался страшный грохот. Скала содрогнулась. Все, кто сражался в ущелье, на мгновение перестали драться и повернули головы на звук. Тарас тоже. И он увидел, как огромная глыба, отделившись от горы, летит на него. Командир «артиллеристов» застыл в оцепенении. Такого ужаса он давно не испытывал, ощутив себя муравьем перед этой громадой. Но, к счастью, они успели отдалиться на приличное расстояние, и скала рухнула строго вниз. Раздавив метательные машины, она отскочила от выступа и, разлетевшись на осколки, погребла под собой сотни черно-золотых пехотинцев. Земля заходила ходуном, а весь предперевальный взлет заволокло пылью.

– История повторяется, – невольно усмехнулся Тарас, приходя в себя и крепче сжимая копье.

Глава шестая

Посланник

Грохот и содрогание земли под ногами заставили персидских коней окончательно обезуметь, и спартанские гоплиты быстро перебили большинство всадников. Глядя, как мечутся в пыли и отступают персидские кавалеристы, еще недавно предвкушавшие победу, Тарас решил, что навел страху на воинов Ксеркса.

– Молодец, Темпей, – похвалил он державшегося за его спиной врачевателя, и, глядя, как всадники персов проносятся мимо, даже не пытаясь напасть на его малочисленный отряд, – хороший взрыв устроил. Смотри, сколько персов мы здесь похоронили. А те, кто выжил, больше не хотят воевать. Они решили, что для них наступил судный день. Вот будет весело, если они теперь вообще уберутся из Греции.

Темпей не очень понял, о чем говорит хозяин, но ему было не до этого. Главное, он был жив, а хозяин доволен.

– Баллисты только жалко, – сокрушался Тарас, возобновив движение навстречу спартанским шеренгам, до которых осталось не больше сотни метров, не занятых уже никем, – чем теперь персов жечь, если они все же попытаются воевать дальше. Ни одной ведь не осталось.

Темпей сокрушенно молчал. Ему тоже было жаль пропавшие орудия. А еще больше горшки, которые не успели израсходовать.

Тем временем спартанская фаланга, ведомая царем Леонидом, вновь оказалась на вершине перевала, где подувший ветер слегка разогнал клубившуюся в воздухе пыль. Словно бесстрашные призраки, спартанцы входили в это облако и пропадали в нем. Они-то, в отличие от персов, знали, что это не боги прогневались на людей, обрушив вершину на их головы, а всего лишь Гисандр и его слуга послужили на благо Спарты. Хотя Тарас, вглядываясь в маршировавших мимо гоплитов, видел на их лицах священное благоговение перед возмутившимися силами природы.

Когда пыль осела окончательно, Тарас, оставив свой отряд в тылу фаланги – без баллист он пока был не нужен, – пробрался к седловине перевала и осмотрелся. Гоплиты легко выбили бежавших в страхе «бессмертных». Тем более что большая часть из них была погребена под завалами, которые засыпали дорогу и половину свободного пространства. Огромные каменные глыбы и щебень теперь образовали мощнейшую насыпь слева, которую невозможно было преодолеть. А справа теперь оставался лишь небольшой проход шириной не более двадцати метров, наглухо перегороженный спартанскими гоплитами. Те же гоплиты расположились на камнях по самой кромке завала, на случай, если среди персов найдутся мастера, способные сходу перемахнуть многометровую насыпь.

– Ну, вот, – взбравшись на грядку, удовлетворенно оглядел Тарас дело рук своих, – чем теперь не Фермопилы.

Проход, конечно, был еще широк, но все же не так, как в начале боя. Теперь его было защищать вдвое легче. Однако персы откатились вниз до самого конца склона и пока даже не помышляли о новой атаке. Оглянувшись назад, Тарас не сразу смог найти свою огневую позицию среди завалов щебня и каменных глыб. Она была почти полностью погребена. И лишь самый конец плато, тот, по которому они успели спуститься на веревках, уцелел. Там еще даже можно было установить штуки три, а то и четыре баллисты.

– Как быстро меняется мир, если есть взрывчатка, – заметил он философски. Затем развернулся и, прыгая по камням, отправился обратно вниз, считать потери.

В тот день персы не предпринимали больше новых атак, и царь Леонид вновь сменил уставших солдат и даже позволил себе впервые покинуть передний край, оставив оборону перевала на Леонта. Однако едва царь оказался позади своих солдат у палатки, поставленной специально для него, то не стал тратить время на отдых, а немедленно велел разыскать и привести к себе командира «артиллеристов». Тарас явился на зов удрученный – он только что пересчитал тех, кто остался в живых и выяснил, что погибла почти вся прислуга, умевшая обращаться с баллистами, а также подразделение гастрарфетчиков. Уцелело лишь

двенадцать бойцов, большинство из которых относилось к «старой гвардии», тайно вымуштрованной им на просторах Спарты и Мессении. Тренировка принесла плоды. Однако ни баллист, ни гастрфетов, сверх двенадцати штук, больше не было. Оружие победы, сделав свое дело, было погребено под камнями, и Тарас откровенно не знал, что дальше делать. Его только что сформированное подразделение, лишившись главного, теперь не было столь нужным. И он решил, что Леонид распустит его, на радость остальным спартамцам, и позволит Гисандру самому снова встать в строй.

Каково же было его удивление, когда Леонид, сделав знак сесть у костра и угощаться мясом, вновь завел разговор о баллистах.

– Твое оружие достойно перунов Зевса, – не смог скрыть восхищения царь Спарты, – если бы не оно, мы потеряли бы вдвое больше наших граждан. Ведь персы сильны и даже мы, несмотря на нашу выучку, не смогли удержать их на перевале.

– Против конных биться сложнее, – посочувствовал Тарас, вспомнив атаку тяжелой кавалерии, и осмелился завести разговор на запретную тему, – вот если бы у нас были всадники...

– Ты же знаешь, Гисандр, – нахмурился Леонид, давая понять, что тот перешел грань допустимого, – Ликург завещал нам биться пешими. И даже за то оружие, что ты сотворил вместе со своим слугой и отцом втайне от общины, я еще отвечу перед эфорами. Ведь это я разрешил тебе использовать его в бою. Но...

Царь помолчал, вспоминая, как погибали персы в огне и под камнями.

– ...я не жалею об этом. И уверен, эфоры простят тебя.

Услышав про эфоров, Тарас невольно вздрогнул, поперхнувшись мясом. Ему тут же вспомнился спартанский обычай судить полководцев-царей сразу после возвращения с войны. И если во всех других греческих полисах победитель, вернувшись с поля боя, мог спокойно наслаждаться законной славой, позабыв обо всем, то в Спарте для царя с этого момента только начинался «разбор полетов». И если эфоры посчитают, что он в чем-то ошибся, управляя армией, и во время войны погибло слишком много спартанских граждан, или обнаружат еще что-нибудь достойное внимания, то участь победителя могла быть отнюдь не славной. Бывали случаи, что царей обвиняли в предательстве, в том, что они получили выкуп от врагов Спарты, в общем, во всех смертных грехах, и осуждали на смерть. В конечном итоге, правда, до этого никогда не доходило – царская власть все же считалась священной. И царям-изгоям просто «разрешали» сбежать, чтобы провести остаток дней на территории какого-нибудь храма.

Но если уж сам царь подлежал суду эфората, то что говорить о доморощенном военном механике. И эфорам будет глубоко наплевать на то, что его оружие помогло спасти Спарту и Грецию. Главная провинность состояла в том, что Тарас изготовил его без разрешения общины, ничего не сообщив эфорам.

«Да уж, в моем случае победителей, похоже, судят и еще как, – призадумался Тарас, внезапно почувствовав незаслуженную обиду. – Нет, ну что за страна! Бьешься ради нее, глотки рвешь. А тебя потом раз – и на небеса, за то, что осмелился без разрешения старших убить вдвое больше врагов своим новым оружием. Да еще папашу подставил».

Но, взяв себя в руки, Тарас тут же отчитал себя за приступ малодушия. Во-первых, его еще никто ни в чем не обвинял. Во-вторых, даже узнав об оружии – эфоры могли его не осудить, а поддержать. Тут уж как карта ляжет. Поразмыслив так, он немного успокоился. Однако следующие слова царя вновь повергли его в изумление.

– Скажи, Гисандр, – нарушил молчание Леонид, прожевав кусок горячего, только что снятого с огня мяса. – Твои... машины, все погибли под завалом?

– Все, – нехотя признался Тарас, ожидая приказа о немедленном роспуске отряда из периеков.

– А можешь ли ты быстро изготовить еще несколько штук? – спросил Леонид, перестав жевать и глядя ему прямо в глаза. Во взгляде царя светился неподдельный интерес.

Тарас еще не успел ничего ответить, как царь продолжил разговор.

– Эти машины так умело сеют смерть среди персидских солдат, что все спартанцы уже поговаривают о том, что ты совершил сделку с богами. Никто из них еще не видел, чтобы один человек мог сотрясать скалы и уничтожить с небольшим числом помощников столько вражеских воинов. Да еще нагнать на них такого страха, что они на целый день позабудут про атаки! Это стоит многого, Гисандр!

«Твои бы слова, да эфорам в уши», – подумал Тарас, невольно возгордившись. Но, вспомнив о небольших запасах балок и горшков в Пеллане, а также скорости, с которой мастера из Кифанты уже научились штамповать баллисты и гастрифеты, вслух сообщил:

– Да, мой царь, я думаю, что смог бы изготовить еще несколько баллист в короткий срок. Но для этого мне пришлось бы вернуться в Спарту. А пока здесь идет бой...

– Ты выступаешь сегодня же! – вскочил со своего места Леонид. – Эту схватку я смогу выдержать еще долго, воинов у меня достаточно. Однако, если ты привезешь свои машины, то даже все полчища Ксеркса, соберись они здесь, никогда не смогут нас прогнать отсюда. Ведь они не имеют такого оружия.

Тарас потерял дар речи. Ехать в Спарту! Прямо сейчас, когда битва не закончена, а эфоры еще не поговорили с царем, это самоубийство. Он-то надеялся, что увидит родину еще не скоро. Здесь, под защитой царя ему ничего не грозило, но стоит ступить на землю Лакедемона...

– Я дам тебе проводника, – отрезал все пути к отступлению Леонид, – который приведет тебя по дельфийской дороге в Кирру, что стоит на берегу Коринфского залива. Это всего в одном дне пути отсюда. Там ты сядешь на мой корабль, который ждет тебя, обогнешь Пелопоннес, и вскоре достигнешь берегов Спарты. Тот же корабль привезет тебя обратно.

– Но, путешествие может занять не один день, – пробормотал Тарас, – да и на изготовление нескольких машин мне понадобится дней семь, если не десять.

– Ничего, – отмахнулся Леонид, – я продержусь здесь со своей армией целый месяц, если понадобится, и если персы не обойдут нас. А тем временем ты доставишь мне несколько новых смертоносных орудий. Война еще не окончена, а чтобы прогнать Ксеркса с нашей земли понадобится уничтожить еще не одну тысячу его воинов.

– Сколько машин я должен привезти? – на всякий случай уточнил Тарас, оглядывая погруженные во мрак горы и прислушиваясь к неестественной тишине на перевале.

– Сколько сможешь, – просто ответил царь, – трех или четырех будет достаточно. Но если успеешь, привези больше. Возьми с собой своих людей сколько захочешь. И еще – я дам тебе письмо к эфорам.

Тарас невольно вздрогнул. Его отправляли прямо в пасть ко льву. А он предпочел бы этому разговору сражение с десятком персов.

– Но ты отдашь его, Гисандр, лишь в том случае, если повстречаешь их, – проговорил царь и Тарас уловил в его словах прозрачный намек на то, что самому являться с докладом к эфорам вовсе не обязательно. А в случае незапланированной встречи, это письмо послужит ему охранной грамотой – мол, не дезертировал, царь послал, – и, быть может, спасет.

В общем, теперь миссия выглядела куда более привлекательной – вернуться в Спарту, пробраться, не попадаясь на глаза, в Пеллану, все спартанцы из которой находились сейчас здесь, и как можно быстрее изготовить несколько баллист. А затем все также незаметно, никем не узнанным, покинуть страну. Выглядело невыполнимо, особенно при его популярности в Лакедедоне, как победителя Гимнопедий и прочих титулах, но тем было интересней. «А и черт с ним, – мысленно подбодрил себя командир „артиллеристов“, – где наша не пропадала».

– Я готов, – смирился с судьбой Тарас.

Той же ночью, немного отдохнув, забрав собой всех оставшихся в живых «спецназовцев» с гастрифетами и перепоручив заботам удивленного внезапной отлучкой Пентарея, пять сотен оставшихся периеков, Тарас отбыл в сторону побережья. Его вел проводник, предоставленный царем, спартанец Клеандр – низкорослый грек, лет сорока пяти, с жидкой бородой. Однако, несмотря на возраст и хлипкость фигуры, Клеандр

держался молодцом и двигался очень быстро. В его движениях прослеживалась плавность. А хорошо тренированные мускулы позволяли угадать в нем крепкого бойца, хотя Клеандр и не носил доспехов, а из оружия имел при себе лишь небольшой кинжал на поясе.

С первого взгляда Тарас так и не понял, кем был этот доверенный человек царя. Клеандр не был ни гоплитом, ни чиновником, ни тем более рабом. Держался уверенно, но без свойственной спартамцам заносчивости и высокомерия, чем еще больше заинтриговал Тараса, который, впрочем, не приставал к нему с лишними вопросами. В конце концов, тот был прикомандирован к Гисандру проводником и должен был всего лишь довести небольшой отряд до корабля.

На рассвете они миновали опустевшие Дельфы. Безмолвный город показался Тарасу каким-то мрачно торжественным в своем застывшем величии. «Сколько храмов, – подумал он, проходя по хрустевшим под ногами черепкам глиняных кувшинов, во множестве разбившихся при бегстве горожан и усыпавших улицы красной крошкой, – и никто, кроме нас, не пришел защитить своих богов. Все может достаться персам и сгореть в огне, если мы не устоим».

Отогнав эти мысли, он посмотрел на святилище Аполлона, почти венчавшее одну из вершин Парнаса. Над ним еле заметной струйкой поднимался дым. Но это был не пожар. Скорее, жрецы проводили утреннее жертвоприношение и возносили молитвы богу, прося о защите. Обрадовавшись, что хоть кто-то еще остался в городе, Тарас повеселел, окинув бодрым взглядом свой небольшой отряд. Двенадцать бойцов с гастрафетами вышагивали за ним по глиняной крошке, и шаги их гулко отдавались на пустынных улицах Дельф.

Вскоре они поднялись на перевал, с которого Тарас впервые увидел город. Здесь он невольно остановился и обернулся, посмотрев туда, где бились сейчас его соплеменники. На мгновение Тарасу даже показалось, что он видит среди скал красные плащи спартамцев, которым долг повелевает остаться здесь до конца. Вскоре, однако, перевал затянуло облаками, и Тарас махнул рукой вперед, приказав продолжать движение.

Ровно через день, на рассвете, они прибыли в Кирру – большой портовый город фокидян, стоявший на берегу Коринфского залива. Тарас с интересом рассматривал его мощные крепостные стены и дорогие дома. Для спартамца, впервые покинувшего свою родину, любой пышный город, непохожий на строгие города Лакедемона, представлял интерес. Но первое, что бросилось в глаза Тарасу – город был полон народа. Здесь даже шла бойкая торговля на рынке и у пристани, где стояло множество кораблей, приплывших сюда со всех концов Греции. Проводник, однако, пояснил ему, что людей здесь почти не осталось, чем несказанно удивил Тараса.

«Интересно, сколько же здесь обитает народа, когда персов нет рядом, – невольно усмехнулся Тарас, пробираясь за вертким Клеандром к одному из пирсов, где был пришвартован корабль, – да и ведут себя они так, словно персов действительно нет поблизости. А может, они так верят в нашу победу, что даже не обращают на это внимания».

Последнее соображение все же вызвало у Тараса сомнения. Скорее торговцы, к которым принадлежало большинство из тех, кто попадался ему на глаза, молились только на свое ремесло. И если персы позволят им торговать, то им было все равно, при какой власти жить. Торговцы всегда готовы договориться с любой властью. А паломники, похоже, эти места уже покинули.

– Я поплыву с вами, – неожиданно заявил Клеандр, едва они взошли на борт корабля, размерами поменьше триеры, обменявшись с капитаном условными знаками, – так приказал царь Леонид.

– Ну что же, – кивнул Тарас, ничуть не удивленный таким оборотом дела, – мне все равно. Лишь бы корабль быстрее доставил нас в Спарту.

– Мы поплывем так быстро, как только позволит Посейдон, – заметил на это капитан, стоявший неподалеку и невольно слышавший весь разговор, – мой корабль весьма быстроходен и на веслах и под парусом.

– Тогда немедленно отправляемся, – приказал Тарас, беря на себя руководство и давая

понять проводнику, что с этого момента, кем бы он ни был, тот будет выполнять его приказы, раз уж решил добираться с ними на родину.

Клеандр ничего не сказал. Он вообще был немногословен. Устроившись у борта, он рассматривал обширную гавань Кирры, словно происходящее вокруг него вовсе не волновало. Тарас последовал его примеру, велел бойцам расположиться прямо на палубе или под навесом, устроенным рядом с мачтой, чтобы скрываться от зноя и дождя.

Раздался свисток, гребцы взяли за весла, корабль отчалил от пристани и стал быстро набирать ход. Вскоре они уже вышли в море, вернее залив, ограниченный с другой стороны, если верить Клеандру, берегами богатого государства Ахайи, стоявшей уже на полуострове Пелопоннес. Глядя на почти растаявшую в легкой дымке Кирру, Тарас размышлял о предстоящем пути. Он примерно представлял себе, как добраться до родных стен посуху, окажись они в районе Коринфа. Но для этого пришлось бы сейчас повернуть в другую сторону и затем пересечь некогда враждебную Арголиду или, на худой конец, Аркадию, где тоже не слишком любили спартанцев. Сейчас из-за войны с персами было заключено перемирие, и никто не стал бы покушаться на жизнь спартанского посланца, но Тарас решил не рисковать. Да и зачем тащиться посуху, через горы и овраги, когда плыть на корабле было гораздо удобнее. Персидского флота в этих водах нет, а капитан доставит его в нужную точку, подождет, и затем отвезет назад вместе с баллистами. Тем более что Леонид так и приказал поступить.

– Кстати, – встрепнулся Тарас, вспомнив, что не называл ни проводнику, ни капитану конечную точку маршрута, поскольку сам еще не решил, куда же плыть, – в какой порт мы идем?

– Царь приказал доставить вас туда, куда вы укажете, господин Гисандр, – проговорил проводник странным тоном, по которому было не понять, с человеком какого сословия ты разговариваешь.

– Тогда плывем в Кифанту, – решил Тарас.

Тот факт, что для этого им предстояло обогнуть весь Пелопоннес и пристать к нему с другой стороны, его особенно не волновал. Все равно нужно будет где-то перегружать готовые баллисты на корабль. Держать в секрете место их изготовления от эфоров было уже бессмысленно, рано или поздно придется показать. Так что Тарас решил не мудрствовать, а поступить, как будет удобнее и быстрее.

– Идем в Кифанту! – крикнул проводник капитану.

Тот кивнул и передал новый курс матросу, дежурившему у рулевого весла.

Волнение на море было слабое, поэтому корабль ходко шел на веслах, расходясь на встречных курсах со множеством спешивших в Кирру судов. Присмотревшись к нему поближе, Тарас решил, что это все же боевой корабль, хотя и не такой большой, как триера. Гребцов здесь тоже было меньше, и располагались они в два яруса, один прямо на палубе, а другой под ней. Тарана корабль не имел. Зато, на взгляд не очень сведущего в таких делах Тараса, сюда можно было посадить человек пятьдесят гоплитов, не считая гребцов, что делало его как минимум военно-транспортным судном.

«А если еще баллисту поставить, да горшками с горючей смесью снарядить, – прикидывал Тарас, осматривая не очень широкую палубу, – то, может, и с триерой потягается. Во всяком случае, так просто ее уже не возьмешь, даже без тарана».

Ночь они провели в море, Тарас настоял, несмотря на возражения капитана, который говорил ему о волнении и о здешних берегах, опасных для судоходства.

– Тут много мелей, – пытался увещевать он Тараса, – а, судя по небу, завтра или уже сегодня ночью волнение усилится. И мне нужно будет держаться ближе к берегу. Днем, при хорошей видимости, это нормально, но вот ночью очень опасно. Мы почти никогда не ходим ночью.

– Я тороплюсь, – закончил разговор Тарас, – придется рискнуть.

Ночью волнение действительно усилилось. А днем вообще начался шторм: капитан не соврал. Корабль со спартанцами, оказавшийся далеко от берегов, долго носило по волнам,

швыряя с одного гребня на другой. Корпус его трещал, рискуя развалиться на мелкие щепки. Впервые оказавшиеся в море илоты и периеки, забились под верхнюю палубу и молились о том, чтобы Посейдон пощадил их. Там же прятались от непогоды все гребцы, втянувшие внутрь весла и задраив порты. Лишь капитан и Тарас, уже переживший один шторм, изредка выбирались наверх, чтобы попытаться посмотреть сквозь стоявшую стеной мелкую водяную крошку хоть какие-нибудь признаки побережья.

А оно должно было быть, – по всем наблюдениям капитана, шторм начался, когда они уже миновали по правому борту Навпакт – крайний город Локриды-Озольской. В этом месте берег Пелопоннеса подступал ближе всего, образуя самое узкое место, пролив, где можно было увидеть оба берега одновременно. Но это в хорошую погоду.

– А что будет дальше по правому берегу? – крикнул Тарас, стараясь заглушить вой ветра, когда они с капитаном в очередной раз выглядывали наружу, держась за край трюмного люка.

– Дальше начнутся пустынные земли Этолии. В них заканчивается горный хребет, что тянется через всю Грецию, – прокричал в ответ капитан, отплевываясь от соленой воды, залетавшей в рот во время разговора, – потом Акарнания, но если нас благополучно пронесет мимо подводных скал, которыми полны здешние воды, то мы ее не увидим. Зато можем оказаться в открытом море. И на пути у нас будет лишь большой остров Кефалления.

– Нет, – мотнул головой Тарас, – нам нельзя в открытое море.

Капитан странно посмотрел на Тараса и пожал плечами, мол, на все воля богов, а нам остается лишь ждать их решения. Боги, однако, не покинули спартанцев. Спустя несколько часов, когда день начал гаснуть, ветер пошел на спад. Волны умили свою силу и капитан, выбравшись на палубу, вдруг закричал так, что его услышали даже на корме.

– Берег! Я вижу берег!

Тарас вылез вслед за ним и, посмотрев в указанном направлении, разглядел в сумерках плоские скалы и несколько мелких островков перед ними. Шторм стихал, и они, судя по всему, были еще не в открытом море.

– Надо пристать на ночевку, – решил Тарас, к всеобщему удовольствию, – и выяснить, где мы находимся. Может быть, нас не так далеко снесло.

Когда слегка потрепанный корабль, лишившись части бортовых ограждений и давший течь в нескольких местах, уже приближался к неизвестному побережью, Тарас с удивлением заметил огни, которые зажглись, едва стало темнеть. Это были костры, которые высветили борт триеры, вытащенной на берег, и вооруженных людей, находившихся рядом с ней.

– Моряки! – радостно заметил капитан, глядя в линию побережья сквозь быстро темнеющий воздух. – Сейчас мы причалим рядом и все разузнаем.

– Погоди, – остановил его Тарас, у которого шевельнулось нехорошее предчувствие, – бери правее. Будем приставать дальше, на пустынном берегу.

Капитан удивился, но приказ выполнил. Спустя почти час в полном мраке корабль, наконец, уткнулся носом в пологий берег. Маневр прошел без повреждений, они успешно миновали все подводные скалы, несмотря на почти полное отсутствие видимости.

– Костров не разводите, – приказал Тарас, первым спрыгнувший на твердую землю, чем еще больше удивил капитана, – всем ждать на корабле нашего возвращения. Никомед, Мегаклид, Этокл, Бриант и остальные, за мной. Приготовить гастрافеты.

Глаза спартанцев и периеков, привыкшие к ночным походам, быстро стали различать в темноте прибрежные скалы и холмы, меж которых они пробиралась в кромешной тьме до тех пор, пока не увидели вновь огни и неизвестный корабль. Не поднимая шума, «спецназовцы» по сигналу Тараса залегли за холмами и обратились в слух, взяв гастрافеты на изготовку. Сам же их командир долгое время глядел в вооруженных людей, бродивших вдоль корабля с таким видом, словно они кого-то поджидали, и признал в них афинских моряков. Успел понаблюдать их достаточно в ставке Эвривиада и Фемистокла, чтобы отличать от других греков по виду и манере держаться.

Казалось, все было в порядке. Можно выходить из укрытия и просить о помощи. Но

что-то удержало Тараса в последнюю минуту. И тут из глубины материка послышался конский топот. Не прошло и пяти минут, как в отблесках костра показались заигравшие золотом доспехи и черные балахоны многочисленных всадников, которые Тарас ни с чем не мог спутать даже ночью.

– Персы, – пробормотал он, сжимая копье и готовый броситься вперед. Он решил, что сейчас вспыхнет жестокая схватка.

Но ожидаемой драки не произошло. Вместо этого несколько персидских всадников, на глазах изумленного Тараса, спрыгнули с коней, подошли к костру и, обменявшись приветствиями с капитаном, присели рядом с ним. По всему было видно, что их ждали, и персы здесь скорее гости, чем враги. При этом лицо триерарха показалось Тарасу странно знакомым.

– Вот это да, – только и сказал он, глядя на происходящее, – да здесь затевается нечто, о чем нам следует знать.

И повернувшись к своим бойцам, приказал:

– Никому не двигаться. Лежим и наблюдаем.

Глава седьмая

Милость спартанцев

Некоторое время капитан афинян беседовал с персами, как с добрыми друзьями, причем, судя по обрывкам фраз, которые ветер доносил до слуха спартанцев, говорили они не по-гречески. Охранники афинян удалились от костра на приличное расстояние, явно давая прибывшим персам и своему командиру обсудить все, для чего они встретились на этом побережье. В ту сторону, где укрылся отряд «наблюдателей», к счастью, афиняне не ходили, уверенные в том, что на этом пустынном побережье, да еще после шторма, нет никого кроме них.

«Где же я тебя видел?» – напрягал память Тарас, разглядывая афинского триерарха, затянутого в кожаный панцирь грека, лет пятидесяти. Он сидел вполборота к Тарасу, и тот мог разглядеть в отсветах пламени лишь бороду и глубоко сидевшие глаза под кустистыми бровями. Но движения и манера держаться не оставляли сомнений, с этим человеком он уже виделся.

Тайная встреча с персами закончилась довольно быстро. Всадник и его спутники, явно довольные переговорами, громко рассмеявшись напоследок, поднялись. Главный перс – высокий широкоплечий воин в богатых доспехах, – быстро сунул в руки триерарху что-то похожее на кожаный мешочек. Затем персы вскочили на коней и растворились в ночи, словно их и не было.

«Значит, так вы стоите за дело Греции, – усмехнулся Тарас, когда затих стук копыт персидских коней, – интересно, о чем вы тут договорились? Надо бы потолковать с этим триерархом, не дает мне его рожа покоя».

Афиняне между тем вновь собрались вместе. Триерах отдал им какие-то приказания, и они стали готовиться к ночлегу. Часть бойцов взобралась по сходням на корабль, устраиваясь на палубе, а другая осталась у костров. Тарас, скользнув взглядом по холмам, погруженным во мрак, лихорадочно размышлял, что делать. Его так и подмывало устроить налет на афинский корабль, чтобы захватить капитана. Но афинян было слишком много, а если дело всплывет, то они легко отведут от себя все обвинения в предательстве – персов-то нет. Значит, и не было. Это Гисандр первым напал на них. А вот отношения со Спартой это усложнит сразу. Сейчас же, когда идет война и важна любая помощь, даже заклятых соперников до этого доводить не стоило.

«Впрочем, решать, дело царей, – думал Тарас, глядя, как афинские гоплиты пьют вино и хохочут, – а наше дело ему информацию поставлять. Вот если бы захватить одного из этих персов или даже нескольких, тогда бы им не отвертеться. Да и с капитаном этим надо потолковать, выяснить, кто послал. Только вот как?»

И тут боги сжалились над Гисандром. Триерарх, что-то крикнув своим бойцам, отошел от костра, направляясь напрямик к холмам, за которыми прятались спартанцы. Не дойдя до них метров десять, он остановился у небольшого камня, оглянулся назад, словно проверяя, не идет ли кто за ним, и вдруг исчез. Несколько секунд Тарас вглядывался и вслушивался, думая услышать, как капитан триеры справляет нужду, но вскоре до него донеслись какие-то странные скрежещущие звуки. Оставив щит, Тарас осторожно вылез из укрытия и, неслышно подобравшись поближе, увидел, как грек, согнувшись в три погибели, что-то зарывал под валун, явно желая скрыть это от своих соплеменников.

Не раздумывая больше о том, что его увидят охранники с корабля, Тарас метнулся вперед, в два прыжка оказавшись рядом с капитаном триеры, и с ходу оглушил того ударом по шее. Грек охнул и обмяк, повалившись на руки спартанцу. Не успел Тарас оглянуться в сторону своих людей, как двое из них тут же оказались рядом, почуяв, что хозяину понадобится помощь.

– Берите его, – шепотом приказал Тарас, оглянувшись на безмятежно сидевших у костра гоплитов, – оттащите за холм, крепко свяжите. Сделайте из копий носилки и положите на них тело. Понесем его на корабль.

А когда Этокл и Бриант уволокли бесчувственное тело за ближний холм, он нагнулся и, пошарив под камнем, вытащил оттуда туго набитый кошель. Затем Тарас спрятался за валун, чтобы не подвергать себя лишней раз опасности. Ослабив тесемку, высыпал на ладонь пару момент и с нескрываемым удовольствием увидел тускло блеснувший в лунном свете профиль Ксеркса.

– Ну, здравствуй, богоподобный, – усмехнулся он, пряча обратно в кошелек персидское золото, – вот тебе и доказательства. Леонид будет доволен.

Передвигаясь с носилками так быстро, как только возможно – Тарас всерьез опасался погони афинян, – вскоре они достигли места стоянки собственного корабля, с трудом разглядев его силуэт на фоне показавшихся звезд. Вдоль корабля бродили какие-то тени.

– Куда вы пропали, господин Гисандр? – поинтересовался проводник, неожиданно выросший из темноты у него на пути. – Ведь людям надо поесть и отдохнуть, а вы не велели разводить даже костров.

– Что случилось? – добавил он, меняя тон, едва заметил запыхавшихся бойцов, которые тащили чье-то связанное тело на носилках позади Гисандра.

– Некогда есть, – отмахнулся Тарас, приказав жестом поставить носилки с пленником у своих ног, – а вот костер разведи, надо кое-кого разглядеть. Только один, да у самого борта, чтобы его было не видно.

Когда небольшое пламя стало пожирать сучья сухостоя, и костер заалел, осветив несколько метров вокруг, лицо пленника стало видно отчетливо. Присмотревшись, Тарас даже сделал шаг назад, узнав старика. Тот уже очнулся, открыл полные злобы глаза и молча буравил ими стоявшего рядом человека в красном плаще. Удивлению Тараса не было предела.

– Приветствую тебя, – проговорил он, наконец, бросив пленнику на грудь кошель с персидским золотом, – Андрос из Галикарнаса.

– Господин Гисандр, – приблизился к нему капитан, – мои люди голодны, они только что чудом спаслись в шторм. Разрешите нам развести еще несколько костров, обсохнуть и приготовить еду.

– Нет, – отрезал Тарас, положив ладонь на рукоять меча, – немедленно спускайте корабль обратно на воду. Мы возвращаемся в Дельфы.

Через пару дней к вечеру они вновь прибыли в Кирру. Здесь по-прежнему было многолюдно. Однако на сей раз, Тараса не интересовали местные здания и площади. Он велел Клеандру до захода солнца разыскать повозку, и сам оставался на корабле, пока не стемнело. Перед тем как закрылись городские ворота, они покинули город, вывозя связанного по рукам и ногам пленника, запятив его под соломой и амфорами. На голову

Андросу надели мешок, а в рот забили кляп из обрывка гиматия. На всякий случай Тарас привычным движением «отключил» его тело.

Впрочем, повозку спартанцев никто из фокидских стражников не досматривал. То ли потому, что к спартам здесь было особое отношение. То ли благодаря кратким переговорам Клеандра со стражниками, после которых они сразу «подобрили», потеряв бдительность. Тарасу даже показалось, что проводник дал им взятку.

«Спартанец с деньгами? – удивился он, подметив, как тот ловким движением спрятал под хитон небольшой кошель. – Еще одна новость». Но допытываться не стал. Он ведь действительно не знал всех особенностей большой политики Лакедемона. Если деньги в Спарте были под запретом, то во всем остальном греческом мире золото ценилось превыше всего. Ходили даже слухи, что, не имея возможности хранить огромные средства, которые давала война, у себя на родине, цари хранили их в Дельфах, превращая этот храм, по сути, в «Государственный банк Лакедемона». Впрочем, этого никто не знал наверняка, а сокровищ в храме хватало и без спартанских подношений.

Тарас решил спрятать пленника, потому что не хотел, чтобы кто-нибудь увидел его. Осложнения по дороге были ему не нужны. Ведь вскоре в Дельфах ожидали прибытие афинского войска, которое могло появиться здесь в любое время. А, учитывая то, что рассказал ему Андрос, все это было не лишней предосторожностью. Слишком уж тесный сплетался клубок из лжи и предательства. И спартанец Гисандр мог легко угодить в паутину интриг сильных мира сего.

Еще вчера Тарас «побеседовал» с Андросом в трюме корабля с глазу на глаз. Разговор этот, состоявшийся под самой кормой, вышел коротким и не слишком обрадовал его.

– Ты расскажешь мне по своей воле, кому служишь? – поинтересовался Тарас, опускаясь на корточки рядом со связанным пленником, когда они были уже в открытом море. – Что это был за корабль и кто его послал на встречу с персами? О чем ты договорился с ними?

– Лучше тебе этого не знать, – пробормотал Андрос и добавил, усмехнувшись: – Когда-то ты спас мне жизнь. Быть может, теперь это спасет твою, спартанец. А лучше возьми себе золото и беги. Вы все равно уже проиграли войну.

– Ах ты, продажная тварь, – Тарас даже встал и с размаху въехал носком ноги тому в бок, заставив грека застонать. – Купить меня задумал? Мы не для того кладем свои жизни ради Греции, чтобы такая мразь, как ты, за нашей спиной водила дружбу с ее врагами.

– В Греции нет единства, спартанец, – прохрипел в ответ старик, затянутый в доспехи, – каждый выживает, как может. Никто не устоит перед Царем Царей. И ваша раздутая спартанская гордость лишь удлиняет агонию. Ты уже мертвец.

– Мертвец, говоришь, – Тарас в ярости еще раз засадил Андросу ногой по ребрам, заставив того вновь застонать. – Я вижу, ты снова стал капитаном, Андрос из Галикарнаса, только теперь у афинян. А ведь это я освободил тебя из персидского рабства и вверил твою судьбу Фемистоклу.

Тарас подождал, пока похищенный капитан перестанет стонать, и спросил, возвысив голос:

– Это он послал тебя? Чего Фемистокл хочет от Ксеркса взамен за свое предательство?

Но Андрос замолчал, уткнувшись в мокрые доски настила. Взбешенный Тарас подумал, не применить ли к нему более действенные средства для развязывания языка вплоть до кровопускания, но, поймав взгляд наблюдавшего за ними Клеандра, передумал.

– Ничего, – ответил он, отходя, – скоро ты удостоишься чести. Я приведу тебя к самому Леониду, и ты ему расскажешь все, что знаешь о темных делах афинян.

Когда повозка достигла перевала у самых Дельф, сидевший на ней Тарас даже привстал от удивления, а потом соскочил на дорогу, так велико было его изумление увиденным. У подножия городской стены, в поле, которое он оставил почти пустым, теперь, обхватывая с трех сторон спартанский лагерь, раскинулся другой, огромных размеров. Это была афинская

армия и, судя по количеству костров, повозок и палаток, здесь было не меньше десяти тысяч гоплитов.

Увидев патруль афинян чуть ниже перевала, Тарас остановился в нерешительности.

– Этого мне только не хватало, – пробормотал он, посмотрев на Клеандра, который тоже изменился в лице. Однако спартанец приказал двигаться своим людям дальше, лишь обступив повозку плотнее.

Когда они поравнялись с афинянами, преградившими дорогу, которых здесь было человек двадцать, их командир окликнул Гисандра.

– Куда ты следуешь и что везешь, спартанец?

– Ты, верно заметил, что я из Спарты, афинянин. И должен знать, что никто не может спрашивать меня об этом, – ответил Тарас, спрыгивая на землю и становясь напротив афинского гоплита, – особенно на войне.

Помолчав немного, он изучил реакцию воина, который нахмурился, услышав всем известный заносчивый тон лакедемонян. Илоты и периеки за спиной Тараса осторожно рассредоточились, готовые пустить в ход свое оружие.

– Мои соплеменники бьются вон на том перевале за Грецию, пока ты тут прохлаждаешься и мешаешь мне проехать к ним, – продолжил напирать Тарас, положив ладонь на рукоять меча, – но я отвечу тебе. Я еду в лагерь царя Леонида. Он ждет меня и не терпит опозданий. Так что, если ты еще хоть мгновение удержишь меня, то я позабуду о том, что мы союзники.

– Не ты один готов умереть за Грецию. Мы тоже здесь, чтобы биться за Дельфы, – ответил афинский гоплит и махнул рукой своим солдатам, велел освободить путь. – Проезжай.

Когда Тарас удалился метров на десять, командир афинского поста, проводив взглядом заваленную доверху всяким скарбом повозку, проворчал ему в спину:

– Пусть Зевс покарает этих заносчивых спартанцев.

Тарас все слышал, но пропустил мимо ушей. Его план удался, и вскоре, миновав посты афинян он оказался в лагере лакедемонян, среди своих.

– Приветствую тебя, Гисандр, – воскликнул с удивлением, узнав его, один из спартанских воинов, несших караульную службу на границе с афинским лагерем, – ты быстро выполнил поручение. Мы ждали тебя назад не раньше, чем после победы над персами.

– Я спешил, – отмахнулся Тарас, бросив взгляд на шагавшего рядом Клеандра, – ведь не мог же я оставить вам на растерзание всех солдат Ксеркса. У меня с ним личные счеты. Как идет сражение, и что здесь делают афиняне?

– Мы бьем персов пока без них, – сообщил спартанец. – Леонид принял афинских полемархов, но, кажется, велел ждать его сигнала, чтобы вступить в бой. Во всяком случае, пока я стою здесь, ни один афинский отряд не поднялся к перевалу.

«Отлично, – подумал Тарас, – значит, пока еще спартанцы и здесь командуют, как и на море. Но надо торопиться».

Проехав лагерь, он поднялся вверх по дороге и вскоре повстречал отряд спартанцев, находившихся у двух проходов в скалах, перекрывая последний рубеж обороны. Эти гоплиты выглядели свежими и, похоже, до сих пор не принимали участия в сражении. «Леонид слово держит, – подумал Тарас, – персы не скоро доберутся сюда, пока жив хоть один спартанец»

Наконец, когда солнце уже стало падать за горы, повозка под конвоем гастрфетчиков, миновав второй рубеж обороны, достигла предперевального взлета. Здесь пахло смертью, и повсюду валялись еще не убранные трупы спартанцев и персов из числа мидян. Похоже, совсем недавно воины Леонида отбили очередную атаку.

Заметив шатер царя, стоявший на возвышении чуть в стороне от дороги, Тарас подвел повозку прямо к нему. Остановившись в трех шагах, он приказал вытащить из нее пленника с мешком на голове. Тот еле устоял на подгибавшихся ногах.

– Шагай, – подтолкнул его вперед спартанец, – нас ждут.

Тарас сделал знак всем «спецназовцам» ждать его здесь и, толкая пленника перед собой, направился напрямик внутрь. Считая свое дело очень важным, он решил миновать охрану царя без объяснений. Его должны были узнать в лицо и пропустить. Но копья телохранителей преградили ему дорогу.

– Я спешу, – возмутился Тарас, останавливаясь поневоле, – царь ждет меня с посланием.

– Царь занят, Гисандр, и не может принять тебя. Жди, – был ответ.

Но тут неожиданно из-за его спины, вышел «проводник».

– Допусти, – проговорил голосом, в котором звякнул металл, – это важно.

Копья немедленно разошлись в стороны, открывая дорогу в шатер.

– У царя гость, – предупредил «проводника» один из охранников.

Тот кивнул и продолжил путь, не останавливаясь. «Что же это за проводником снабдил меня Леонид, – обалдел Тарас, посмотрев в спину Клеандру, уже откидывающему полог, – если его знают лучше, чем меня, и он способен входить к царю без доклада. Впрочем, сейчас не до этого. Потом узнаем».

И втолкнув Андроса из Галикарнаса в шатер, вошел туда сам. Сделав несколько шагов, Тарас замер в широком и темном «предбаннике», услышав голоса. Разговаривали двое. Один, низкий уверенный голос, принадлежал царю. А другой, высокий и прерывистый, незнакомцу.

– Зачем воевать с теми, у кого ничего нет? – вопрошал незнакомец. – Македония обширна, но бедна, и уже под персами. Аргос и Аркадия переметнутся к твоим врагам, лишь только Ксеркс окажется рядом. Но если ты, покорив их, обратишь свой взор на восток, туда, где можно захватить богатые земли, тебя ждет небывалая слава, которая не доставалась еще ни одному греку.

– Пифия предсказывала мне это, – ответил Леонид, – но прежде надо разбить персов.

– У персов нет доблести! Они многочисленны, но сражаются беспорядочными толпами, и ты знаешь это, великий царь! – продолжал увещевать его незнакомец. – Стоит тебе разбить «бессмертных» и Мардоний начнет отступать до самого Геллеспонта, не в силах сломить твою храбрость. А едва ты перейдешь пролив и окажешься в землях ионян, как мы поднимем восстание. Милет первым выступит против персов. Я – Приенн, тиран³⁶ Милета, клянусь тебе в этом. А с нами поднимутся Эфес, Галикарнас и Фокея. Все греки, что живут за морем, восстанут ради свободы, стоит Спарте решиться на это!

Внезапно голос неизвестного смолк, и Тарас услышал удивленный возглас царя.

– Клеандр... – проговорил Леонид, стоявший посреди шатра в боевом облачении, и брови его поползли вверх, – ...и ты, Гисандр! Как вы оказались здесь, негодные, ведь я отправил вас в Спарту?

– Ты можешь казнить нас, царь, – проговорил «проводник», делая шаг вперед и склоняя голову в поклоне, – но сначала выслушай своего посланца. Он привез тебе важные вести.

Леонид с недоверием воззрелся на Тараса и его пленника, неожиданно прислушавшись к совету «проводника», а Тарас в свою очередь скользнул взглядом по незнакомцу, восседавшему на скамье у стола. Неизвестный Тарасу грек держал в руках странное приспособление – длинную складную доску из меди, всю исчерченную каким-то замысловатым узором, – в котором Тарас узнал карту Греции, искусно выполненную по металлу. В шатре горело несколько сальных свечей, освещая небольшое пространство в центре. Их отблеск на медной карте и привлек внимание Тараса прежде лица незнакомца.

Между тем это был человек высокого роста и довольно плотный телом. В богатом белом гиматии, украшенном орнаментом по нижнему краю. На шее его висела тонкая цепь

³⁶ Слово «тиран» не имело тогда современного уничижительного смысла, а использовалось в значении «правитель области, губернатор» и т. д.

из золота, а руки были украшены перстнями. Этот грек явно не был спартанцем, но Леонид общался с ним, как с человеком, заслуживающим внимания и обрывок разговора, случайно долетевший до ушей Тараса, заставил его на всякий случай получше запомнить его имя. Мало ли что. Слишком много «придворных» тайн обрушилось за последние дни на голову «спецназовца». Попробуй разберись, что к чему.

Но царь ждал объяснений, сделав знак, что Гисандр может, не стесняясь рассуждать о государственных делах при госте из Милета. И Тарас шагнул вперед.

– По дороге в Спарту, мой царь, мы попали в бурю, и случай привел нас на побережье Этолии, – заговорил он. – Там мы неожиданно натолкнулись на корабль афинян, которые за твоей спиной встретились с персами.

– Афиняне предали меня? – нахмурился Леонид. – Это серьезные обвинения, Гисандр.

Тиран Милета даже вскрикнул при этих словах, бросив взгляд на Леонида, означавший примерно «Я же говорил!». Но сам царь был пока невозмутим и молча изучал пленника.

– Кого ты привел ко мне, Гисандр? – наконец, вымолвил Леонид, медленно приближаясь.

– Это капитан корабля афинян. Я захватил его после встречи с персами, когда он получил от них золото Ксеркса за предательство и осмелился привезти его к тебе. Он хочет многое тебе рассказать.

Тарас резким движением ударил пленника сзади по коленям и, когда тот упал на них перед царем, сдернул мешок и вытащил кляп изо рта. А затем бросил перед ним кожаный кошелек с золотыми монетами. Увидев лицо пленника, Леонид еще не успел вымолвить ни слова, но зато неожиданно к нему подскочил Приенн, прокричавший:

– Андрос!

– Ты знаешь его? – еще больше удивился Леонид, обернувшись к своему гостю.

– Да, – прохрипел он, хватаясь за висевший на поясе кинжал в золоченых ножнах, – это Андрос из Галикарнаса, наварх флота этого полиса. Когда-то он изнасиловал и продал мою дочь персам, а потом предал своего тирана и переметнулся к ним сам, бежав из родного города. Но я слышал, что они в награду сделали его рабом. Позволь мне убить его, царь!

– Это правда, Андрос? – спросил Леонид, бросив презрительный взгляд на стоявшего перед ним на коленях старика.

Тот молча кивнул.

– Значит, ты служишь Афинам, и встречался с персами?

Андрос вновь кивнул, а затем вдруг расхохотался таким диким смехом, от которого у Тараса поползли мурашки по коже.

– Да, я встречался с персами, великий царь Спарты. Фемистокл послал меня сказать, что Афины перейдут на сторону Ксеркса, если он пощадит их и сделает главным городом среди всех греков. И Ксеркс согласился.

Андрос бесстрашно посмотрел в глаза Леониду, прохрипев:

– Афиняне уже здесь, я знаю. Вы обречены. Они перебьют вас, пока вы будете драться с персами, и овладеют Грецией.

– Только ты этого не увидишь, – процедил сквозь зубы Леонид, выхватил меч и резким движением воткнул его в горло пленнику. Харкнув кровью, мертвый предатель упал на пол, задев рукой кошелек, монеты из которого рассыпались по всему шатру. Под скорченным телом быстро росла лужа крови.

Вложив меч в ножны, Леонид перешагнул мертвеца, и остановился напротив Тараса.

– Ты принес весть вовремя, Гисандр, – сказал он, положив руку ему на плечо, – Фемистокл еще не знает о том, что его план раскрыт. Мы успеем опередить его, и клянусь Аполлоном, я отомщу Афинам за это предательство.

Царь отступил на шаг.

– Но теперь мне понадобится еще больше твоих машин. Так что ты немедленно отправишься в Спарту. Но я дам тебе другое послание к эфорам, и обратно ты вернешься не один, а со второй армией Лакедемона. Она может мне скоро пригодиться.

Обернувшись к тирану Милета, Леонид добавил:

– Я принимаю твоё предложение, Приенн. Мы поможем ионянам. Сразу же, как разделаемся с Афинами.

«Он говорит так, словно персов можно больше не принимать в расчет, – подумал Тарас, совершенно потрясенный увиденным, – впрочем, мне теперь нужно больше опасаться эфоров».

Август, 2008, Санкт-Петербург